

СЛАВЯНЕ И ФИННО- УГРЫ

АРХЕОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ

Археология, история, культура

ДОКЛАДЫ
РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОГО СИМПОЗИУМА
ПО ВОПРОСАМ АРХЕОЛОГИИ

Под редакцией

А. Н. КИРПИЧНИКОВА, Е. А. РЯБИНИНА
и А. И. САКСЫ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1997

В сборнике представлены доклады очередного (пятого) российско-финляндского симпозиума 1994 г., посвященные результатам новых археологических открытий российских и финляндских ученых, исследовавших исторические связи славянских и финских племен в древности и эпоху средневековья. В статьях сборника рассматриваются различные культуры на территории Европы в период неолита, бронзы и железного века, в частности украшения, оружие, керамика, предметы художественного ремесла. Приводятся данные о поселениях, погребениях, жертвенных камнях, наскальных изображениях, фортификации, архитектуре, а также истории культурных растений. Ряд статей посвящен древнерусской культуре Новгородской земли, археологии городов Выборга и Корелы, вопросам возникновения и формирования Валаамского монастыря.

Книга предназначена археологам, архитекторам, историкам, музейным работникам, студентам, всем, кто интересуется культурой Европы, особенно Финляндии, Карелии, северо-западной России.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 96-01-16121*

СЛАВЯНЕ И ФИННО-УГРЫ

Археология, история, культура

Доклады российско-финляндского симпозиума по вопросам археологии

Утверждено к печати

Институтом истории материальной культуры РАН

Редактор издательства *В. Д. Кен*. Художник *Р. П. Костылев*

Технический редактор *Н. Ф. Соколова*. Корректоры *И. А. Динабург, О. В. Андреева*

ЛР № 061824 от 23.11.92 г.

Сдано в набор 10.06.96. Подписано к печати 20.12.96 г. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Печ. л. 13. Уч.-изд. л. 12,2.

Тираж 1000. Заказ № 7.

Издательство «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН. 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-86007-089-6

- © Институт истории материальной культуры РАН, 1997
- © Коллектив авторов, 1997
- © Издательство «Дмитрий Буланин», 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	4
В. М. Массон. Российско-финляндское сотрудничество в археологии	5
А. П. Журавлев. Заонежье (Истоки культуры)	8
В. И. Тимофеев. К проблеме неолитизации лесной зоны Восточной Европы	14
Markku Torvinen. Sär 1 — Comb ware of the Säräisniemi style	21
В. Я. Шумкин. Монументальное искусство Восточной Лапландии как историче- ский источник	32
Mika Lavento. Geoarcheological observations on the Early Metal Period dwelling sites in the ancient Lake Saimaa area	38
Marjatta Aalto. The cultivated plants of Finnish Iron Age	47
Тимо Миесттинен. Изменение картины железного века на северном побережье во- сточной части Финского залива. <i>Перевод с финского А. И. Саксы</i>	62
Christian Carpelan. Later Iron Age finds from Northern Finland	71
Marianne Schautman-Lönnqvist. Brooches as Indicators of Cultural Regions in Late Roman Iron Age Finland	83
О. В. Овсянников. Новые памятники «звериного стиля» в Большеземельской тундре	92
Paula Purhonen. Religion in archaeological Perspective — Aspects of Methodology and Interpretation	100
Pirjo Uino. Sacrificial stones in Ancient Karelia	109
А. Н. Кирпичников. Мечи с надписью ULFBERT в Северной Европе	116
Н. В. Хвоцинская. К вопросу формирования древнерусской культуры на западе Новгородской земли (по материалам могильника Безьева)	123
Е. А. Рябинин. Курганы с трупосождениями Водской земли	139
Е. Н. Носов, О. В. Овсянников. Архангельский клад 1989 г.	146
Hanna Heinäjoki, Marjatta Aalto. Zur Geschichte der Vegetation beim Burgwall der Ladogaburg	158
В. А. Тюленев . Сто лет археологии Выборга	173
А. И. Сакса. Город Корела — центр приладожской Карелии (по археологическим данным)	179
П. Е. Сорокин. Возникновение Валаамского монастыря и формирование его то- пографии	186
А. Н. Кирпичников. Изучение культур славян, финнов и скандинавов в отделе славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН (1974—1994 гг.)	196

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия	КСИИМК	— Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР
ВООПИК	— Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры	ЛОИА	— Ленинградское отделение Института истории АН СССР
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры	МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел	РГИА	— Российский государственный исторический архив
ИИМК	— Институт истории материальной культуры РАН	СА	— Советская археология
ИОП	— Инспекция охраны памятников Ленинградской области	САИ	— Свод археологических источников
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество	ТД	— Тезисы докладов
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

В. М. Массон

РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В АРХЕОЛОГИИ

Российско-финляндский симпозиум, проходивший в 1994 г. в Выборге, был традиционной деловой встречей археологов двух стран. Первая такая встреча, состоявшаяся в 1976 г. в Ленинграде, — одно из крупных двусторонних мероприятий в изучении древностей, способствующее налаживанию международного сотрудничества вопреки значительным политическим, да и психологическим затруднениям. Регулярные встречи археологов двух стран с публикацией материалов проводившихся симпозиумов существенно продвинули совместные разработки по древним и средневековым культурам Фенно-Скандии и Восточной Европы. С тех пор археологи Петербурга, выступившие инициаторами сотрудничества со своими ближними соседями, качественно расширили такое взаимодействие, в том числе и в Балтийском регионе, наладив прочные связи с научным миром Дании, Швеции и Норвегии. В этой системе мероприятий и разработок российско-финляндское сотрудничество занимает особое место.

Во-первых, здесь налицо давняя и устойчивая традиция, дающая уже второе столетие плодотворные результаты. Фундаментальные разработки финских ученых сыграли заметную роль в становлении и развитии археологии Восточной Европы. Достаточно вспомнить обстоятельные труды И. Р. Аспелина, в частности его «Атлас финно-угорских древностей» (Aspelin 1877—1884), сохраняющий свое значение до наших дней. Ученик И. Р. Аспелина А. М. Тальгрэн активно изучал восточноевропейские древности, издал итоговую для своего времени работу (Tallgren 1926) и даже старался наладить регулярный выпуск сборников «Eurasia Septentrionalis Antiqua». Начавшееся в 1976 г. двустороннее сотрудничество в немалой степени опиралось на эти давние традиции.

Во-вторых, археология России и Финляндии имеет немало тем и проблем, стыкующихся самым прямым образом. Дело не только в изучении памятников, оставшихся в своеобразном пограничье, над чем работают сейчас О. В. Овсянников и К. Карпелан. Древние культуры двух стран находились в прямой связи и взаимозависимости. Первые небольшие группы охотников и рыболовов, продви-

гавшиеся в X—VII тыс. до н. э. на север вслед за отступающим ледником, успешно осваивали в равной мере северные зоны Восточной Европы и Скандинавию, здесь формировались устойчивые адаптивные общественные структуры, обеспечившие пышный расцвет неолитических культур. Есть все основания полагать, что, например, область Прионежье была важным очагом культур этногенеза этой эпохи (Массон 1994).

Фундаментальным направлением комплексных исследований в гуманитарной области является разработка проблемы формирования народов финно-угорской лингвистической семьи. Прафинно-угорский язык-основа сохранил в лексике многочисленные свидетельства принадлежности его носителей к числу племенных групп, активно включившихся в процесс адаптивно-адаптирующего освоения лесных и более северных ландшафтов с суровыми погодными условиями. Об этом свидетельствуют такие общие исходные понятия, как лук, стрела, нарты и лыжи. Видимо, уже в пору неолита начался и процесс дифференциации и расселения различных племен с языками пракамско-финской, прибалтийско-финской и поволжско-финской группировок. Сложные процессы ассимиляции, переселений и культурной интеграции, сопровождавшие пики культурогенеза, охватили в IV—I тыс. до н. э. огромную территорию от Зауралья до Прибалтики. Только совместная разработка обширных археологических материалов может способствовать подлинно научному исследованию соответствующих проблем этногенеза и культурогенеза. Здесь весьма существенно привлечение ученых целого ряда уральских и поволжских центров, с которыми Институт истории материальной культуры РАН традиционно поддерживает тесное сотрудничество. Перспективным аспектом современной археологии являются мультидисциплинарные исследования, особенно изучение древней природной среды и древних хозяйственных систем. Так, очень важна проблема постепенного продвижения на север земледелия, к которому полностью или частично переходят многие группировки охотников и рыболовов лесной зоны. Как свидетельствует опыт ИИМК РАН по Новгородскому региону, эта непростая и кропотливая работа требует международного сотрудничества (Носов и др. 1994; Брисбейн и др. 1994). Для эпохи после начала нашей эры решающее значение возымели процессы культурного и этнического синтеза. Здесь интересным аспектом являются вопросы урбанизации как важного фактора интеграционных процессов. Естественно складывающиеся племенные центры, попадая в сферу воздействия крупных государственных образований с устойчивыми урбанистическими традициями, сами становились средоточием новых всякий и стандартов. Наряду с выполнением фортификационной функции они активно развивались и как центры урбанистического характера с ремесленными, торговыми и иными функциями, что ярко видно на примере Выборга. Взаимодействие древних культур, бывшее одним из важнейших направлений прогресса ушедших эпох, находит свое прямое продолжение в научном сотрудничестве ученых России и Финляндии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В. М.* Предисловие // Древности Северо-Запада. СПб., 1994.
2. *Носов Е. Н., Кенингсен Л.-К., Кроль Х., Мюллер-Вилле М., Янсон И.* Начало международных палеоботанических исследований в Приильменье // Изучение древних культур и цивилизаций: Материалы к пленуму ИИМК. СПб., 1994.
3. *Брисбейн М., Носов Е. Н., Хорошев А. С.* Российско-английское сотрудничество в археологическом изучении Новгорода // Археологические вести (СПб.). 1994. № 3.
4. *Aspelin I. R.* Antiquités de Nord Finno-Ougrien, I—V. Helsingfors. 1877—1884.
5. *Tallgren A. M.* La Pontique préhistorique après l'introduction de métaux. Helsinki, 1926.

ЗАОНЕЖЬЕ

(Истоки культуры)

Для изучения истории древних народов Заонежья, наряду с фольклорными и этнографическими источниками, важнейшую роль играют археологические материалы. Сейчас на полуострове известно свыше 120 памятников археологии эпох мезолита, неолита, раннего металла, средневековья. Половина из них сосредоточена в Пегреме, где к настоящему времени раскопано 28 поселений от мезолита до раннего металла, изучены жилища, мастерские, хозяйственные комплексы, культовые объекты.

Полученные материалы позволили оценить различные стороны хозяйственной и культурной жизни населения Заонежья в разные эпохи и времена, когда здесь бурлила жизнь, процветали торговля и обмен с близлежащими и отдаленными территориями. Об этом свидетельствуют многочисленные памятники, расположенные «мозаично» на территории всего полуострова.

Стоянки и могильники находились на террасах близ древних береговых линий, которые, словно гигантские ступени лестницы, поднимаются в глубь материка, храня в себе историю племен, геологическую историю земли и историю взаимодействия природы и человека на всех этапах развития голоцена.

Планировка древних поселений прослеживается довольно отчетливо: в один или в два ряда вдоль берега располагались жилища и мастерские, хозяйственные сооружения и другие объекты, иногда скоплениями по несколько построек вместе.

Интересные материалы получены при раскопках мезолитических поселений. Их более 20. На Пегреме VIII, например, раскопаны жилище, мастерская, оригинальная каменная кладка с многочисленными орудиями труда и отходами производства — она определена как «площадка мастера». На Палайгубе VI вскрыт хозяйственно-бытовой комплекс, раскопан клад кварцевых орудий, насчитывающий 93 изделия. Среди них 32 резца, 40 пластин, 7 скребков, 3 долота, 7 нуклеусов, 4 неопределенных орудия. Рядом находилось место мастера, где сосредоточено много орудий и отходов производства. Поселения существовали в VII—V тыс. до н. э.

К этому же времени относится и знаменитый Оленеостровский могильник на Южном Оленьем острове в Онежском озере, где раскопано 170 погребений (на спине, на боку, скорченные, вертикальные), имеются двойные и тройные захоронения, что может свидетельствовать об искусственном умертвлении сородичей при смерти наиболее выдающегося члена племени: женские и мужские могилы образуют небольшие группы, причем женские как бы окружают мужские. Все они засыпаны красной охрой и сопровождаются подвесками из резцов лося, пластинок бобров, предметами культа и скульптурками. В погребениях мужчин имеются орудия из камня,

кости, рога. Могильник «элитный». Рядовых членов общины хоронили на материке.

Проанализировав многочисленные материалы памятников, автор выделил *оленеостровскую мезолитическую культуру* (Журавлев 1994). Ее создателями были далекие потомки постсвидерской позднепалеолитической культуры, распространившиеся в голоцене далеко на северо-восток. Оказавшись в мезолите на территории Заонежья, они быстро адаптировались к местным природным условиям, вели поначалу полукочевой образ жизни. Основу хозяйства составляла групповая охота на крупных животных, преимущественно на северных оленей.

Именно эти люди были в Заонежье первооткрывателями местных пород сланца, кварца, лидита. На Вегорукском месторождении сланца, например, обнаружена мастерская со множеством заготовок орудий, полуфабрикатов, отходов производства и готовых инструментов. Сланец использовался для производства топоров, стамесок, долот и прочих инструментов, применявшихся для работы по дереву, при изготовлении жилищ, лодок и т. д. С помощью специальных анализов установлена идентичность структуры, текстуры и минерального состава орудий из древних поселений Заонежья, в которых использовались сланцы и алевролиты кварц-альбит-хлоритового состава, и аналогичных пород Вегорукского месторождения. Такие сланцы на Заонежском полуострове встречаются от Ладмозера до Ламбасручья. Они были наиболее доступны древнему населению и, благодаря развитию обмена и торговли, широко распространялись по обширной территории Европейского Севера.

Что касается кварца, то этот минерал повсеместно залегает на территории Заонежского полуострова, особенно в восточной его части. На Валгомозерском месторождении выявлены шахты, штольни, многочисленные отвалы, которые свидетельствуют о разновременных разработках минерала. Об этом же свидетельствуют кайлы, скребки, пластины, нуклеусы, встреченные на месторождении, которое, судя по всему, представляло собой «нейтральную зону», где добывали высококачественный кварц разные племена и в разное время. Орудия из аналогичного кварца найдены на стоянках в Перрме, Ширыйнаволоке, на Климе, Оровнаволоке и в других местах.

Большой интерес представляют также орудия из черного кремнистого минерала, именуемого лидитом и широко распространенного в районе Шуньги, Толвуи, Кяппесельги. Лидит использовался древними заонежанами для изготовления бытового инвентаря и орудий охоты. Среди наконечников стрел и копий встречены листовидные, ромбические, овальные, обработанные плоской, пильчатой, крутой ретушью. Имеются специализированные орудия из этого минерала. Лидитовая индустрия Заонежья характеризует самобытную локальную особенность населения. Находки таких орудий в любом другом районе Европейского Севера можно уверенно связывать с заонежским импульсом, так как именно здесь расположены лидитовые месторождения.

Богатая сырьевая база Заонежья, разнообразная фауна и флора, благоприятные природные и климатические условия района с удобными водными путями сообщения способствовали развитию олене-

островской культуры. Так, наметился переход к оседлости, совершенствовалась индивидуальная охота, в том числе с использованием домашней собаки. Расцвет этой культуры совпадает с периодом голоценового климатического оптимума.

В это же время произошло знаменательное событие. В условиях более теплого атлантического периода, когда среднегодовая температура значительно повысилась, оскудели ягельники, произошел отток оленя на север. В качестве ведущего хозяйства на первый план выдвинулось рыболовство. Благодаря низкому уровню воды в крупных водоемах обнажились ленточные глины. Их полезные свойства были замечены и использованы для изготовления глиняной посуды. Ранние горшки имели полувальцевидную форму и большие размеры. Началась эпоха неолита.

Таким образом, переход к новой эпохе на территории Заонежья ознаменовался двумя крупными явлениями: изменением формы хозяйствования и появлением глиняной посуды, что, несомненно, привело к более совершенному развитию общества, его культуры. Первые сосуды украшались замысловатыми орнаментами в виде римских цифр I и II, нанесенных на поверхности горшков рыбьими позвонками, что в свою очередь уже свидетельствует о важной роли рыболовства на этом этапе развития общества. Эталонным поселением является Пегресма IX. На нем впервые для памятников этого типа на Европейском Севере раскопано жилище. В инвентаре преобладают кварцевые пластины, резцы, миниатюрные скребки, орудия с прямыми и желобчатыми лезвиями, имеющими близкие аналогии позднемезолитическому инвентарю оленеостровской культуры. Встречены также сланцевые орудия. Поселение существовало 6510 ± 90 лет назад. Отмечено около 150 поселений с позвонковой керамикой, четко локализующихся на компактной территории. Эта культура получила название *Пегресма* по наиболее раннему памятнику — Пегресма IX (Журавлев 1994).

Считается, что в это время климат был наиболее теплым и сухим. Среднегодовая температура севернее 60-й параллели была на 2,5° выше современной, лето теплее современного на 3—4°. Южнее 45-й параллели северной широты температура не отличалась от теперешней. Среднегодовых осадков в северных широтах выпадало на 50—70 мм в год больше, чем сейчас. В целом климат был более мягким, ровным (Климанов 1978).

В Заонежье господствовали сосновые леса, растительный покров был богатым и разнообразным. Произрастали темнохвойные, светлохвойные, широколиственные, березовые леса, а также прибрежные кустарники, луга и болота (Девятова 1986). Обитало много зверей, боровой дичи, водоплавающих птиц, а в водоемах было обилие рыбы, что подтверждают разнообразные и оригинальные орнаменты на глиняной посуде из оттисков рыбьих позвонков.

Возникновение и развитие ранне-неолитической культуры Пегресмы проходило в таких условиях очень быстро, скачкообразно. Исключительно приятные условия и наличие путей сообщения в бассейне Онежского озера содействовали устойчивым контактам различных групп населения отдаленных и близлежащих территорий. Активно происходил процесс обмена сырьем: сланцем, кварцем, ли-

дитом, кремнем. Орудиями из этих минералов пользовались и племена прионежской культуры ямочно-гребенчатой керамики, проникшие на территорию Заонежья в V тыс. до н. э. из юго-восточных районов бассейна Онежского озера. Эталонный памятник — Пегрема V. Здесь вскрыты два жилища, соединенные коридором, с очагами и каменными кладками, керамикой и инвентарем. Сосуды орнаментированы круглыми коническими ямками, расставленными рядами, зонами или в шахматном порядке по всей поверхности. Ямочные узоры в орнаментах сочетаются с гребенчатыми штампами, нанесенными горизонтально, вертикально или зигзагообразно и образующими красивые и нарядные композиции. Каменный инвентарь в основном изготовлен из сланца. Основу хозяйства населения составляли специализированные охота и рыболовство.

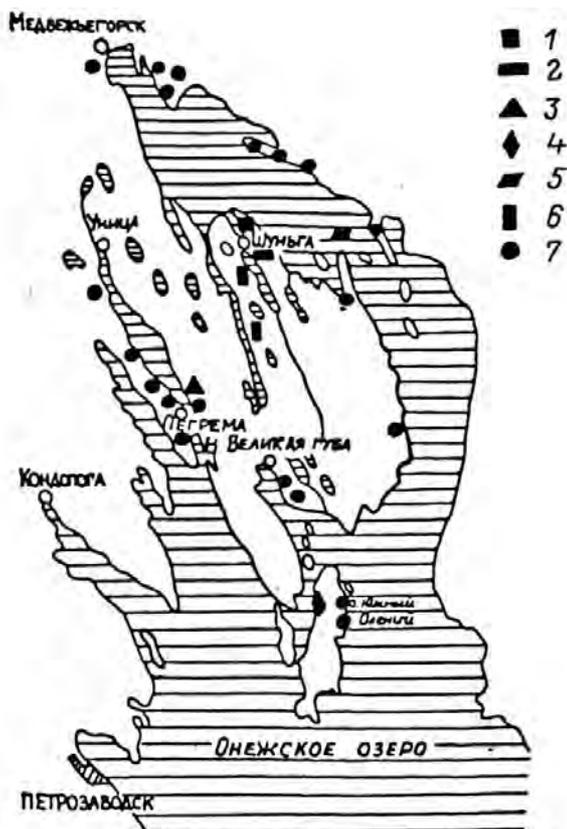
Таким образом, в неолите Заонежский полуостров явился зоной контакта двух культур: Пегремы (с сосудами позвонковых орнаментов) и прионежской (с сосудами ямочно-гребенчатых орнаментов). В «бурлящем котле» исторических событий на базе двух этносов в конце IV — начале III тыс. до н. э. здесь возник эпицентр новой среднескарельской энеолитической культуры ромбоямочной керамики (Журавлев 1994).

Этим населением были впервые открыты и использованы свойства местной самородной меди, что дало новый мощный толчок для развития экономики и культуры древнего населения европейского Севера. Значительно увеличивались размеры поселений, росло количество жилищ. Появилась мастерская по обработке меди. Значительное развитие одновременно получили каменные индустрии в связи с более широким освоением местных сырьевых ресурсов. На Севере началась новая эпоха медно-каменного века.

Выдающимся памятником этого периода является поселение Пегрема I. Здесь раскопана древнейшая в Европе мастерская по обработке самородной меди. Ее площадь 25 м². В центре располагалась печь, сложенная из кварцитовых плит с соплом для подачи воздуха. Рядом с печью находились гранитная наковальня и кузнечный инструментарий: каменные молоточки дляковки меди, дендриты самородной меди (некоторые со следамиковки), пластинки, обломкикованных изделий, разложившиеся медные поделки, обломки тигельков с капельками меди. На полу мастерской лежало множество ромбоямочной керамики, а в юго-западном углу — сланцевые орудия, осколки, отщепы сланца. Все свидетельствует о том, что в мастерской одновременно изготовляли медные и каменные орудия. Она существовала в III тыс. до н. э.

Все медные предметы чрезвычайно просты по форме и характеру: проколки, колечки, ножи и их обломки, стержни, кованые дендриты. Все обработаны холоднойковкой. Они не образуют типологически устойчивых серий, но, взятые вместе, дают возможность отчетливо выявить самый древний комплекс, характеризующий начальный этап металлообработки.

Специальный анализ показал, что предметы изготовлены из химически чистой меди гидротермального типа, которая встречается в виде самородков в Заонежье и представляет собой куски неправильной формы весом от нескольких граммов до 1000 и более килограмм-

Культурно-природный комплекс Заонежья (месторождения):

1 — кварца, 2 — лидита, 3 — сланца, 4 — кремня (местонахождение), 5 — асбеста, 6 — меди, 7 — археологические памятники

мов. В Заонежье наибольшее число самородков обнаружено в районе Шуньги, озера Путкозера, деревни Фоймагубы, близ Униц и Викшезера в полосе развития сланцев и кварца, т. е. основных пород каменного сырья, которые использовало древнее население для изготовления орудий труда и охоты.

Зарождение металлообработки в Заонежье в век широкого использования каменных орудий определило и первичный способ обработки — холодную ковку. Незнание иных приемов обработки металла, в частности литья в формах, ограничило размеры и разнообразие изделий, которые свидетельствуют о становлении кузнечных навыков у местного населения. Уже в энеолите в Заонежье складывается древнейший центр по обработке меди.

Дальнейшее развитие металлообработка получает с асбестовой керамикой в позднем энеолите. Тогда была освоена и горячая ковка, нагартовка изделий. Важное значение для древней экономики имело также открытие асбеста и его технических свойств, что позволило использовать этот минерал не только в качестве примеси в

тесто глиняных сосудов, но и в металлургии — как огнеупорный материал. Совершенствуются и приемы добычи меди. В частности, на Валгомозерском медном руднике применялся так называемый огневой способ, при котором на месте выхода жил на поверхность разводили огонь. Раскаленная поверхность скалы обливалась водой, камни трескались, в трещины вбивали клинья, кайлы, откалывая куски породы, которые затем дробились с целью извлечения меди.

Самородную медь могли находить также в горных разломах, образовавшихся в результате крупных землетрясений, в частности после Пегремского катастрофического землетрясения 2200 ± 90 г. до н. э. Отмечено, что именно после этого землетрясения в инвентаре поселений северо-западного побережья Онежского озера присутствует значительное количество самородной меди и изделий из нее. Землетрясение явилось также причиной того, что люди покинули Заонежский полуостров на длительное время. Новые пришельцы владели абестовой керамикой, они явились создателями культового комплекса в Пегреме.

Комплексы составляют камни-валуны зоо- или антропоморфной формы со следами грубой обработки, каменные кладки или кучи, захоронения в красной охре и другие объекты. Одной из центральных фигур является «гигантская лягушка», ориентированная головой на юго-восток к Онежскому озеру по течению «мировой реки». Рядом с «лягушкой» расположено богатое погребение в красной охре и зоо-антропоморфное изображение из камней. В целом культовый комплекс насчитывает около 100 объектов, их изучение находится в стадии развития, и какие-либо выводы делать пока рано.

Завершая краткий обзор древностей Заонежья, следует отметить, что сейчас решается вопрос о придании ему статуса уникальной историко-природной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник. М.: Л., 1956.
2. Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене. Петрозаводск, 1986.
3. Журавлев А. П. Заонежье в эпоху камня — раннего металла. Петрозаводск, 1994.
4. Климанов В. Палеоклиматические условия русской равнины в климатическом оптимуме голоцена // Доклады АН СССР. Т. 244. № 4. М., 1978.

К ПРОБЛЕМЕ НЕОЛИТИЗАЦИИ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

За последние десятилетия значительно изменились представления о возрасте неолита лесной зоны. Многочисленные даты С-14 показывают, что «лесной» неолит возник не позднее 6500 лет назад,¹ т. е. примерно синхронно неолитизации пространств лессовых равнин Центральной Европы земледельческим населением культуры линейно-ленточной керамики.

Принципиальную важность для изучения начала неолита лесной зоны представляет проблема появления на данной территории керамики. Именно первая керамика маркирует для отечественных исследователей грань между мезолитом и последующим неолитическим периодом.² Другие составляющие известной неолитической триады — вместе с производящим хозяйством и шлифованными каменными орудиями — не могут служить для лесной полосы определяющими признаками неолита, т. к. скотоводство и земледелие появляются на рассматриваемой территории лишь в эпоху бронзы, а в ряде северных регионов даже в железном веке. Шлифованные же рубящие орудия есть уже в мезолитических комплексах.

В лесной зоне не прослеживаются стадии работы с глиняным материалом, предшествующие появлению первых сосудов, подобные известным на Ближнем Востоке, в Приазовье и Причерноморье.³ Первая керамика появляется здесь как бы в «готовом» виде, ранне-неолитические сосуды характеризуются сложившимися стилистическими особенностями.

На обширной территории Восточной Прибалтики и в примыкающих с юга районах лесной полосы хорошо изучены древнейшие керамические культуры, нарвская⁴ и неманская,⁵ наследующие соответственно кундской и неманской мезолитическим культурам.⁶ Отмечается близкое сходство ранненарвской и ранненеманской керамики, проявляющееся в форме основного типа сосудов — крупного остродонного горшка с простым прямым венчиком, часто утоньшающимся к краю, и в технологии их изготовления с применением в качестве отощителей органических веществ и мелкотолченой рако-

¹ Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. Список радиоуглеродных датировок неолитических памятников территории б. СССР. В печати.

² Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // МИА 172. Л., 1973. С. 10.

³ Schmandt-Besserat D. The Use of Clay Before Pottery in the Zagros. Expedition 16. 1974. № 4.

⁴ Крижевская Л. Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 85—93.

⁵ Чарняўскі М. М. Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.

⁶ Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы... С. 112; Римаунене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971. С. 176.

вины.⁷ Особого внимания заслуживает сходство орнаментации. Если развитая неманская керамика лысогорского типа (по М. М. Чернявскому⁸) своеобразна орнаментацией «жемчужинами», часто чередующимися с глубокими ямками, и не находит аналогий в материалах смежных синхронных общностей лесной зоны, то древнейшие неманские сосуды дубичайского типа близки раннеолитическим нарвским. Сходна орнаментация и рядами оттисков короткого узкого гребенчатого штампа, насечками, наколками, иногда ямчатыми вдавлениями. Необходимо отметить, что на территории, промежуточной для ареалов древнейшего южного варианта нарвской культуры⁹ и культуры неманской, известны раннеолитические материалы, сочетающие нарвские и неманские признаки и характерные для более южных неолитических памятников лесной зоны и лесостепи. Это явление отчетливо выступает в материалах типа Заценья на севере Белоруссии.¹⁰ Украшение сосудов оттисками узкого короткого гребенчатого штампа, характерное для древнейшей (типа Оса) нарвской керамики (илл. 1), и сосудов дубичайского этапа неманской культуры очень близко орнаментаике раннеолитических сосудов Поднепровья (ранним днепро-донецким типа Струмель-Гастятин, а также сосудам лысогубовской культуры), что соответствует выдвинутому Д. Я. Телегиным¹¹ положению о бассейне Днепра как восточноевропейском центре происхождения гребенчатой орнаментации, откуда она распространилась в северном направлении. Форма древнейших нарвских и неманских сосудов, высоких, удлиненных пропорций горшков с массивным острым дном, также близка ранним сосудам Поднепровья, особенно струмель-гастятинского типа. Эти данные свидетельствуют, скорее всего, о южном происхождении ранней керамики восточно-балтийского региона. Время появления ранней керамики в Прибалтике хорошо фиксируется радиоуглеродными датами многослойных стоянок на востоке Латвии (Лубанская низменность), где раннеолитические слои, датированные временем около 6500—6600 л. т. н. (без введения «калибровок»), перекрывают позднемезолитические горизонты, датированные временем около 6700—6800 л. т. н.¹² Характерно, что «ожные» признаки постепен-

⁷ В нарвской керамике примесь мелкотолченых раковин отмечается чаще, что может быть связано и с условиями залегания. Многие памятники нарвской культуры представляют собой торфяниковые стоянки с материалами очень хорошей степени сохранности. В неманской культуре торфяниковые памятники практически неизвестны и большинство материалов собрано с дюнных стоянок. Керамика с раковиной известна на некоторых неманских стоянках, в их числе Эжярнас 23 в Литве (*Jablonskyte-Rimantienė R. K. Ankstyvio neolito stovykla Ežerynu kaime // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai. A serija. T. 2 (30). Vilnius, 1969*), Сеньчины в Белоруссии (*Исаенко В. Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976. С. 42*).

⁸ *Чернявский М. М. Неолит Беларускага Панямоня. С. 59.*

⁹ *Тимофеев В. И. К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики // КСИА 141. 1975.*

¹⁰ *Телегин Д. Я. О культурно-территориальном членении и периодизации неолита Украины и Белоруссии // СА. 1971. № 2; Чернявский М. М. Неолит Беларускага Панямоня. С. 77.*

¹¹ *Телегин Д. Я. История племен днепро-донецкой культуры (V—III тыс. до н. э.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1967.*

¹² *Лозе И. А. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988. С. 101.*

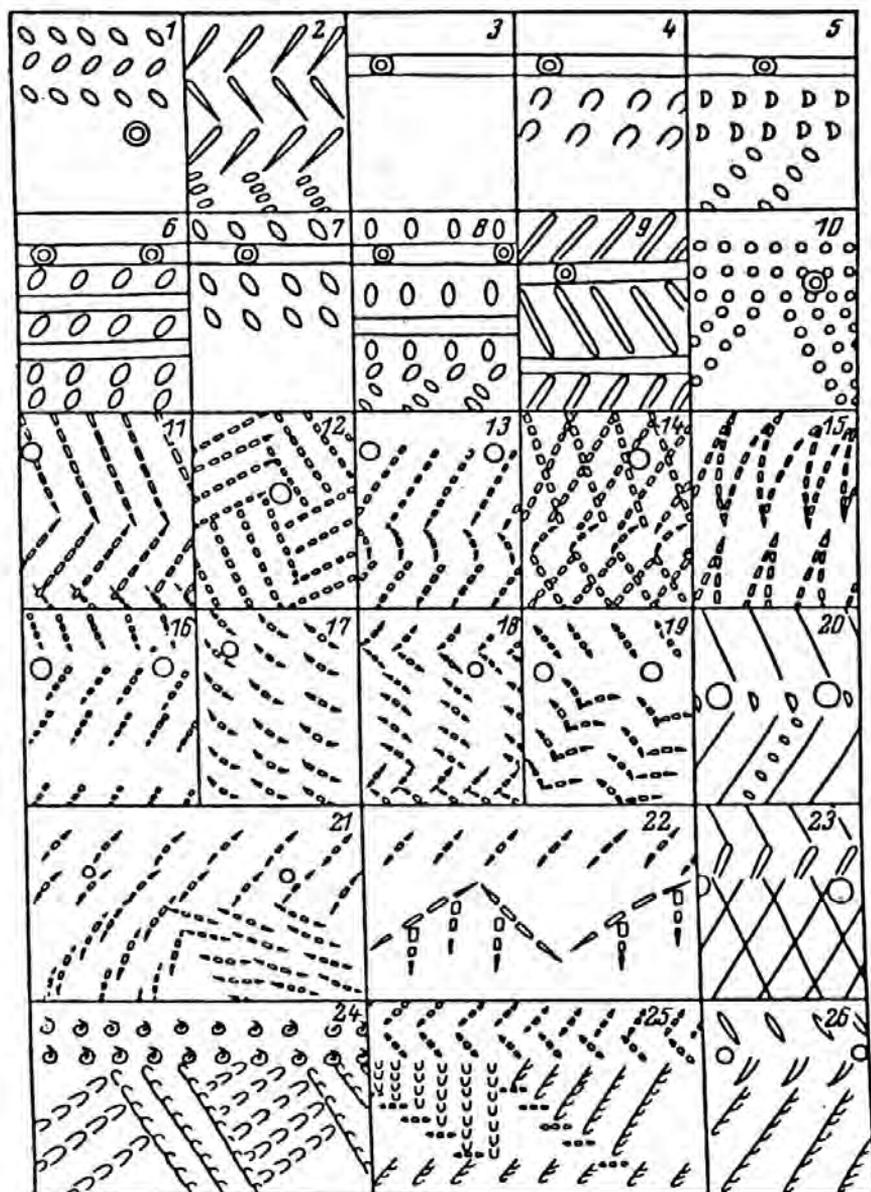
Нарва I, III	+	+	+	+	+	+							
Кязла			+	+	+	+	+				+	+	+
Оса						+	+	+	+	+			

Нарва I, III	+	+	+	+	+	+	+	+	+				
Кязла	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Оса			+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	

Нарва I, III	+	+	+	+	+	+		+			+		+
Кязла		+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	
Оса													

Нарва I, III	+	+	+				+	+					
Кязла			+	+		+	+	+	+				
Оса			+	+	+			+	+	+			

Илл. 1. Орнаментальные мотивы раннеолитической керамики типа (Оса и керамики нарвского типа (Оса — древнейший, южный вариант нарвской культуры; Кязла, Нарва I, III — северный вариант). Составлено В. И. Тимофеевым

Илл. 2. Орнаментальные мотивы раннеолитической верхневолжской керамики (Е. Л. Костылева 1986)

но ослабевают по мере удаления от региона, давшего прототипы древнейшей керамики Прибалтики. Так, в рамках единой неманской культуры гребенчатая орнаментация широко представлена в материалах более южных стоянок Белоруссии и практически отсутствует в керамических комплексах Литвы и Польши. Древнейшая керамика центральной части лесной зоны России появляется на памятниках верхневолжской неолитической культуры, занимавшей в раннем неолите обширные пространства от истоков Волги до ее среднего течения.¹³ Большинство исследователей разделяют мнение Д. А. Крайнова и Л. В. Кольцова¹⁴ о происхождении верхневолжской культуры на основе позднемезолитической бутовской культуры. В последние годы открыты хорошо датированные позднебутовские памятники, хронологически предшествующие верхневолжским и давшие близкий набор каменной и костяной-роговой индустрии.¹⁵ Это снимает, по-видимому, высказывавшееся положение о наличии между бутовской и верхневолжской культурами хронологического разрыва.¹⁶ Судя по некоторым имеющимся датам С-14 ранних верхневолжских комплексов, появление керамики здесь могло произойти около 6800—7000 л. т. н., т. е. несколько раньше, чем в Восточно-Балтийском регионе. По данным Е. Л. Костылевой,¹⁷ посвятившей верхневолжской керамике специальное исследование, среди ранних сосудов были как остро- и круглодонные, так и имевшие плоское дно, причем по крайней мере в основной, центральной части ареала на раннем этапе плоские днища встречаются чаще, чем приостренно-округлые, а в поздних верхневолжских комплексах плоские днища исчезают. Для ранних сосудов особенно характерны примесь в тесте шамота и орнаментация редкими наколами («тычками»). Несколько позднее в орнаментике появляются прочерченные линии, «ложный штур», оттиски гребенчатого (зубчатого) штампа. В качестве дополнительного элемента используются глубокие ямки. Композиции орнамента яда сосудов имеют геометрический характер (илл. 2). В тесте более поздних верхневолжских сосудов преобладает минеральная примесь. Можно заключить, что основные признаки технологии изготовления, орнаментации, а также формы верхневолжских сосудов отличны от характерных для ранне-неолитического пласта восточно-прибалтийской керамики. Керамика, близкая верхневолжской, распро-

¹³ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. Древнейшая ранне-неолитическая культура Верхнего Поволжья // Вестник АН СССР, 1973, № 5; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранне-неолитическая культура // СА. 1977, № 3.

¹⁴ Крайнов Д. А., Кольцов Л. В. 25 лет (1957—1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии АН СССР // СА. 1983, № 4.

¹⁵ Жилин М. Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994.

¹⁶ Кравцов А. Е., Сорокин А. Н. Актуальные проблемы Волго-Окского мезолита. М., 1991.

¹⁷ Костылева Е. Л. 1) Ранне-неолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. 1986, № 4; 2) Ранне-неолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994.

странена также в памятниках валдайской неолитической культуры,¹⁸ граничащей с верхневолжской на западе. К востоку от верхневолжского ареала близкие керамические комплексы даст западная часть территории волго-камской неолитической культуры,¹⁹ т. е. так же, как и в восточно-балтийском регионе, ранне-неолитическая керамика смежных культур сходна. Большой интерес представляют южные и юго-восточные параллели ранней верхневолжской керамики, уходящие в лесостепь, в ареал среднедонской неолитической культуры, где находят аналоги древнейшая накольчатая орнамента.²⁰ Таким образом, если корни ранне-неолитической прибалтийской керамики более вероятно связаны с Поднспровьем, то другой центр, давший импульс распространению древнейшей керамики лесной полосы, мог находиться на юго-востоке Европейской лесостепи или на смежной территории.

Особую проблему представляет происхождение ранне-неолитической керамики типа сперринге, характерной для Финляндии, Карелии, прилегающих участков Ленинградской области и известной также по отдельным памятникам Вологодской и юга Архангельской области.²¹ Своеобразие сосудов сперринге — высоких горшков с острым или округлым дном, минеральной примесью в тесте — особенно подчеркивает орнаментация, в которой видное место занимают оттиски позвонков рыб, особенно характерные для керамики наиболее ранних памятников.²² Вопрос о происхождении керамики сперринге давно дискутируется в литературе. Н. Н. Гурина²³ и П. Н. Третьяков²⁴ отмечали ее некоторые восточные (в Уральском регионе) параллели. А. Европеус²⁵ обратил внимание на сходство некоторых мотивов орнамента сперринге и накольчатой керамики диспровских порогов. Г. А. Панкрушев,²⁶ подвергнув критике «восточную» гипотезу происхождения сперринге, высказал мнение, сходное с мнением А. Европеуса. С распространением радиоуглеродного метода датирования, данными которого памятники с керамикой сперринге отнесены ко времени около 6500 л. т. н.,²⁷ стало ясно, что привлеченные Европеусом и Панкрушевым параллели относятся к более позднему времени, соответствуя пе-

¹⁸ Гурина Н. Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3; Синицына Г. В. Некоторые проблемы культур каменного века верхневолжских озер // Древности лесной зоны Восточной Европы. ТД. СПб., 1994. С. 5.

¹⁹ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

²⁰ Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

²¹ Europeus-Aurjärvi A. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland // Acta Archaeologica 1930. V. 1, f. 2; Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА 87. М.; Л., 1961; Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993. С. 23, карта.

²² Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Т. 2: Неолит. Л., 1978. С. 27; Журавлев А. П. Заонежье в эпоху камня — раннего металла. Петрозаводск, 1994. СС. 32—34.

²³ Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада... С. 62—63.

²⁴ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 25.

²⁵ Aurjärvi A. Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige // Finskt Museum, V. LXII. 1955.

²⁶ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Т. 2. С. 39.

²⁷ Список стоянок, имеющих радиоуглеродные даты. Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 216—221.

риоду существования могильников мариупольского типа, появившихся около 6000 л. т. н.²⁸ Впервые отмеченные Европеусом черты сходства имеют скорее в основе общие элементы бывших известными ко времени его исследования культур накольчатой или гребенчато-накольчатой керамики, фиксируя отличия от орнамента ямочно-гребенчатой. Большое отношение к проблеме происхождения сперрингс могут иметь иногда привлекаемые верхневолжские аналоги,²⁹ причем как по типологическим, так и по хронологическим данным. В этом случае речь идет о сходстве ряда сложных мотивов (включая построение композиций сочетанием горизонтальных и диагональных отрисков орнамента — сочетанием, нехарактерным, в частности, для ранней прибалтийской керамики). Это такие мотивы, как «елочные», комбинации из взаимопроникающих треугольников, использование для разделения зон орнамента редких рядов глубоких ямок и др. (илл. 2: 3, 9, 12, 24, 26). Эти мотивы представлены и в древней ранненеолитической керамике среднедонской культуры.³⁰

Можно констатировать, что появление первой гребенчато-накольчатой и накольчатой керамики в комплексах раннеолитических культур лесной зоны обязано импульсам из двух регионов лесостепи. Один из них располагался на территории, включавшей Поднепровье, второй — в регионе, включавшем или бывшем смежным с лесостепным Подоньем. С учетом преемственности в развитии индустрий раннекерамических культур лесной зоны от позднемезолитических (что ярко показало, в частности, обсуждение этой проблемы на совещании «Ранний неолит лесной и лесостепной зоны и его генезис», состоявшемся в ИИМК РАН в 1990 г.) наиболее вероятным представляется диффузионный характер распространения керамического производства.³¹ На обширных пространствах лесной зоны появление керамики не совпадало со сменой населения или резкими изменениями в экономике, продолжавшей оставаться присваивающей (хотя, возможно, появление производства сосудов способствовало большей стабильности населения, соответствуя отмечающемуся увеличению роли рыболовства³²). Термин «неолитическая революция» вряд ли применим для обозначения перехода от мезолита к «лесному» неолиту. Эволюционные процессы здесь явно доминировали. Ситуация, более сходная с неолитизацией Центральной Европы, в лесной зоне возникает значительно позднее — при распространении в Средней России и в смежных регионах фатьяновской и родственных ей культур.

²⁸ Телегин Д. Я. Раскопки в Ясиноватке: (О периодизации могильников мариупольского типа) // СА. 1988. № 4.

²⁹ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Т. 2. С. 40; Meinander C. F. Kivikautemme väiestöhistoria // Bidrag till Kännedom av Finlands Natur av Folke. V. 131. 1984. P. 31; Nunez M. On Subneolithic Pottery and Its Adoption in Late Mesolithic Finland // Fennoscandia Archaeologica VII. 1990. P. 32.

³⁰ Синюх А. Т. Население бассейна Дона... Рис. 11: 4, 11; 20: 1, 7; 25: 1—5, 8.

³¹ В той или иной мере за диффузионный характер распространения в лесной зоне первой керамики высказывался ряд исследователей: Хлобыстин Л. П. Древняя история Таймырского Заполярья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. С. 9; Nunez M. On Subneolithic Pottery... P. 33—34; Тимофеев В. И. О формировании раннекерамических культур в Балтийском регионе // Историческое познание: традиции и новации. ТД. Ижевск, 1993. С. 90; Синицына Г. В. Некоторые проблемы... С. 6.

³² Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы... С. 11.

SÄR 1 — COMB WARE OF THE SÄRÄISNIEMI STYLE

Introduction

The earliest known pottery in Finland is so-called Comb Ware. This ceramic tradition places Finland, together with East Karelia, Finnmark, the Kola Peninsula and the East-Baltic regions, in the westernmost branch of the Comb Ware or Comb Ceramic culture, which covered large areas of Northwest Russia. Finnish Comb Ware is traditionally divided into three main phases: Early (I), Typical (II) and Late (III) Comb ware. These have further subdivisions into earlier and later sub-styles. The Pyheensilta phase has been appended to the scheme as the last stage of the Comb Ware tradition. There are also a few regional groups within Comb Ware. Marginal regions display variants of the general pattern. In the northern regions of Finland, the Säräisniemi I (Sär 1) style is a local variant of Early Comb Ware.

1. History of Research

Sär 1 pottery was first studied in 1909, when Julius Ailio distinguished a «first» and «second» group in material excavated at the Nimisjärvi site in Säräisniemi (present-day Vaala) (Ailio 1909, 194—195).

Aarne Äyräpää (Europaeus) was one of the pioneers of research into Stone Age ceramics in Finland. With reference to the specific properties and features of the material and the data of shore displacement, Äyräpää established the relative chronology of Stone Age pottery traditions in Finland (Äyräpää 1930; 1955). He created a system of successive «style phases» in Comb Ware, for which land uplift provided the chronological framework.

Although a specialist in ceramics, Äyräpää did not pay much attention to Sär 1, possibly because this material was still relatively unknown and only a few of its sites could be connected to shore displacement chronology. Äyräpää's only published comment on the Sär 1 style is an assessment of its chronological relationship to the Comb Ware tradition in general (Äyräpää 1921, 28).

In a general work on the Finnish Stone Age, Ville Luho describes the general features of Sär 1 and discussed its dating (Luho 1948, 74—74). C. F. Meinander (1964, 31) mentions a single Sär 1 sherd found at Rönny without further comment in his history of the Parish of Pihlputaa. The sherd in question is unique in the locality.

Following these contributions, Sär 1 next became a subject of study in 1971, when Ari Siiriäinen undertook shore displacement studies concerning seventeen Sär 1 sites in Finland (Siiriäinen 1971). Siiriäinen's starting point was the definition of Sär 1 pottery presented by the Nor-

wegian archaeologist Povl Simonsen (Simonsen 1957). In a later connection, Siiriäinen discussed the age of the Sär I style in an article on shore displacement chronology and archaeology in Northern Ostrobothnia (Siiriäinen 1978).

In the 1980s and '90s the Sär I material has been extensively treated by Matti Huurre (1983; 1986; 1991 and 1992). Huurre has compared Sär I with other Comb Ware styles, mainly with reference to decoration and paste. He has also surveyed its distribution, suggesting an area of origin. Huurre has also suggested that the development of Sär I in a separate direction from the rest of the Comb Ware tradition may reflect an ethnic distinction (Huurre 1991, 61).

In his graduate study on ceramics from sand spit sites in Soumusalmi, Mika Lavento (1989) also addresses the problems of Sär I pottery with a number of tests for outlining the vertical stratigraphy and the relative chronology of different types of pottery. One of the most recent contributions to the discussion on Sär I pottery is Markku Mäki vuoti's (1991) article on the Stone Age and Early Metal period site of Latokangas in Ylikiminki.

Strangely enough, Povl Simonsen, a Norwegian archaeologist, has been the only one to present a definition of Sär I ceramics, mainly with reference to materials from the Varanger Fiord and the Paatsjoki River (Simonsen 1957, 239—254). In this connection, Simonsen also discussed the age of the style and its possible area of origin (Simonsen 1957, 259; 1959, 105).

Norwegian archaeologists have shown interest in Sär I in earlier years. In a study published in 1937 Anders Nummedal identified Sär I sherds in the material from the Karlebotn site on the Varanger Fiord and estimated their chronological relationship with the Comb Ware traditions (Nummedal 1937, 108—110). Knut Helskog has also discussed Sär I material in an article on the Stone Age chronology of the Varanger Fiord (Helskog 1980). Helskog reviewed the present chronology with respect to the elevations of sites from sea level and available radiocarbon dates.

In the archaeology of East Karelia and the Kola Peninsula Sär I pottery was traditionally included among so-called Sperrings Ware (i. e. Comb Ware I) and accordingly the literature does not provide any detailed information on the occurrence of this material in these areas. In recent years, however, local archaeologists have begun to show interest in Sär I as a separate type of ceramics (e. g. Pesonen 1980).

2. Definitions of Sär I and Related Problems

Julius Ailio's original classification, based on the finds from the Säräisniemi sites, is outmoded and was presented long before Äyräpää's scheme. Consequently, it cannot serve as a definition of Sär I, particularly since Ailio's «first» group includes what today are regarded as sherds of Early and Typical Comb ware.

Simonsen based his definition of Sär I on materials from Finnmark. This definition is still in use, although it has been criticized in recent years (e. g. Huurre 1983, 140—144; Lavento 1989, 99—100). Although a thor-

ough definition of the material has not been presented in Finland, Sär I is regarded as a kind of addition to Äyräpää's Comb ware chronology.

The main features of Simonsen's definition of Sär I are as follows:

- round base,
- inwardly thickened rim,
- crushed stone as temper,
- decorative elements: straight and curved imitated woundcord impressions, denticulated stamps, straight and diagonal checks, bone impressions, Cardium impressions, z-marks, comma-shaped marks, pits, zig-zag stamps etc.,
- decorative motifs: pits in horizontal rows, stamp impressions terminating in pits, in general alternating zones of stamp impressions and pits,
- surface treated with red ochre (reddle) in some cases.

Although Simonsen's definition can be applied to the Finnish material, it has a number of failings. One such is that it does not sufficiently distinguish Sär I have been undertaken in Finland. One reason for this is that Sär I sites are rarely «pure» in terms of ceramic material. They contain other types of pottery, which is difficult to distinguish from Sär I, or there is so little pottery, perhaps only one sherd, that in some cases it has been collected in field surveys and no proper excavations were carried out.

3. Sär I in Finland

Although Sär I ware is presently known from 66 sites in Finland, exhaustive studies and a suitable definition of the style are still lacking. It has even been suggested that archaeologists should reject the term «Sär I» when referring to the earliest ceramic tradition of Northern and Eastern Finland and speak of «northern early ceramics» instead (Christian Carpelan, personal communication, February 1994).

In the 1980s and early 1990s opportunities for studying Sär I appear to have improved. In 1980—1982 and 1990—1991 an extensive Stone Age site with numerous finds was excavated at Jokkavaara on the Kemijoki River, some 15 km southeast of Rovaniemi. The ceramic assemblage was limited to Sär I, with sherds from at least sixteen different vessels. Other finds point to earlier, pre-ceramic, occupations. Most of the material, however, may be connected with the «Sär I period», i. e. the Comb Ware period. There are no younger finds from Jokkavaara, although there are Early Metal Period and other sites in the vicinity.

Another significant site for Sär I studies is Latokangas at Ylikiminki, north of the Kiiminkijoki River approximately 34 kilometres northeast of Oulu. Excavations were carried out at Latokangas from 1987 to 1990. Although the ceramic material includes, in addition to Sär I, at least Early Comb Ware, asbestos-tempered early ceramics, and Early Metal Period ceramics, the Sär I component is in a clearly separate higher location on the slope of the site. This material contained sherds from roughly twenty Sär I pots. One of these could be reconstructed completely, the first of its kind in the Finnish material. This

permitted a reliable assessment of volume and demonstrated the elegant composition of the decoration.

The most characteristic feature, or Leitfossil, of Sär I is an ornamental motif consisting of a long and relatively broad comb, or usually other, stamp terminating at one or both ends in a pit. This pit-stamp motifs were applied either vertically or diagonally, in zig-zag or check patterns forming horizontal bands around the upper part of the vessel near the rim. Below this zone is a densely impressed band of stamp motifs, often several, and the pitstamp zone is sometimes repeated in the lower part. There are several patterns and stamp types. Comb stamps are rare but wound-cord and imitation wound-cord impressions are found in addition to other impressions. Some of these were applied with specially made «stamps», while others were made with objects and materials obtained from nature. The decoration is densely applied, covering the whole vessel surface down to the base and characterized by a certain *horror vacui*.

The material contains hardly any identically decorated pots. It appears that the ornamental «stamps» were specially made for each pot, or selected for this task, which was perhaps regarded as a unique undertaking. Although the decoration of Sär I pots may at first seem complex, it is often executed with only a few stamps. All the pits appear to have been made with the same rod or stick. Variation was achieved by creating different combinations of the impressions of individual stamps and pits in consecutive bands of ornament.

The ceramic assemblages of the above-mentioned sites contain sherds of different-sized vessels. They are not very large in comparison with Typical Comb Ware (II) pots, which could be up to thirty litres in volume. The reconstructed pot from Latokangas has a rim diameter of 30 cm and is 40 cm high. These dimensions suggest a volume of 8—10 litres (Mäki vuoti 1991, 126—127). Other similar-sized or slightly smaller vessels can be distinguished in the Sär I material from Latokangas and Jokkavaara. There are also small vessels, the size of a coffee-cup or a glass, which may have been used for drinking.

At least the larger vessels were made of tongue-and-grooved bands of clay, and they often disintegrated along the joins of the bands. The temper is often coarse, crushed feldspar or sand. In some cases there is only a small amount of temper or it is fine-grained, producing a dense paste. There is no evidence of asbestos temper in Sär I pottery. Wall thickness depends on the size of the vessel: 8—9 mm in the smaller pots and 10—15 mm in the larger specimens. The rim is mostly straight, sometimes thickened and sloped inwards. Red or black colour is often found on the outside surface.

As mentioned above, Sär I pottery has been found at 66 sites in Finland. These include both rich Stone Age settlements and surveyed sites from which only one sherd has been recovered. With the exception of six locations, all the sites are in the present-day provinces of Oulu and Lapland in Northern Finland. The southwest boundary of the distribution of Sär I passes from Lake Onega via North Karelia and Savo to Pihlpuudas and further on to Vihanti on the Gulf of Bothnia. The western boundary runs from Vihanti via Rovaniemi and Kemijärvi to Inari and the Varanger Fiord.

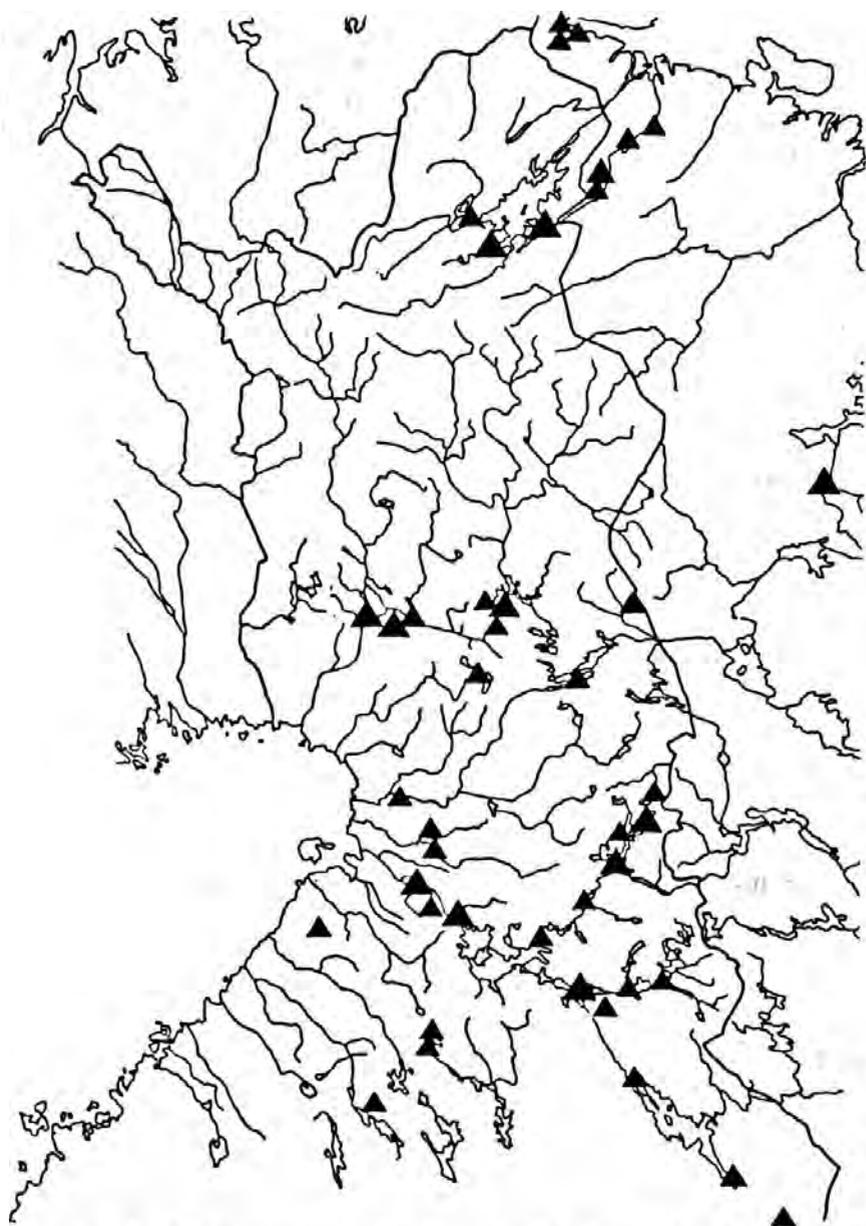

Fig. 1. The distribution of Sär 1 ceramics in Finland and Norway

The distribution map (fig. 1) shows three separate areas in Finland: 1. The Lake Oulujärvi water system and Kainuu, with the largest number of Sär 1 finds; 2. The Kemijoki River water system with clusters at Rovaniemi and Kemijärvi; 3. The catchment area of Lake Inarijärvi.

Sär 1 ware also occurs in Northern Norway at Paatsjoki and in the Varanger Fiord area, in the Kola Peninsula at Lovjärvi and on the south coast of the tip of the peninsula, and in East Karelia in the area between Lake Onega and Kantalahti (Huurre 1983, 142 with cited sources; Paula Pesonen, personal communication, December 1992; Northern Norway according to Povl Simonsen).

In trying to establish the region where Sär 1 pottery originated the alternatives are the Oulujärvi water system and adjacent Kainuu and/or the parts of East Karelia between Kainuu and the White Sea (Simonsen 1957, 250—251; Huurre 1983, 142—143). As natural means of communication the eastwest river routes between the White Sea and the Gulf of Bothnia may have been of great significance for the emergence of Sär 1 pottery. This intermediary zone may have been a natural meeting-place for influences from the Gulf of Bothnia on the one hand, and from the Lake Onega and White Sea regions on the other. The result was the development in the north of a unique style of pottery. It was adopted further to the south, but spread in Finland to the north along the rivers and the coast to Southern Lapland and along the routes of Dvina Karclia and the White Sea coast to the Kola Peninsula and the Varanger Fiord. The Inari region appears to have received its first pottery by an indirect route along the Paatsjoki River from the Varanger Fiord. This is suggested by the fact that Sär 1 ware is completely lacking in the area between Inari and Kemijärvi to the south.

The emergence of the Sär 1 style during the Early Comb Ware phase has been attributed to an incipient ethnic diversification of the population in the north, which resulted much later in the formation of the Saami (Lapp) ethnoses (Huurre 1991, 61).

4. The Age of Sär 1 Pottery

Sär 1 contains a number of features by which it is closely related to Early Comb Ware, and particularly the early stage of the latter (II : 1). Both styles have relatively few comb stamp impressions in comparison with other stamped impression, small conical pits, coarse paste and simple rim forms. Sär 1, however, resembles Typical Comb Ware (II) in certain cases in the composition of the paste and in rim forms. The zonal composition of the decoration is close to that of Comb Ware II : 1 and the pits are arranged as an element of the composition unlike in style I : 1, in which the pits were applied without regard to the rest of the decoration (Huurre 1983, 141).

Sär 1 ware can be described as a style mixing elements of Early and Typical Comb Ware, which makes its chronological position unclear. It has often been claimed that Sär 1 is linked stylistically to Comb Ware I : 1 but chronologically to Comb Ware II : 1 (Nummedal 1937, 1938; Gjessing 1942, 260; Luho 1948, 74; Äyräpää 1950, 30; Simonsen 1957, 250).

5. Shore Displacement Chronology

5.1.

Siiriäinen's studies related to shoreline displacement (1971; 1978) suggest, however, that Sär I sites that can be assigned to ancient shorelines are at Early Comb Ware shore elevation, despite the fact that later materials have also been discovered at some of these sites. This view is borne out by two Sär I sites which were discovered after Siiriäinen's studies: Latokangas and Vepsänkangas at Ylikiiiminki. Both sites can be linked to the shore displacement scheme (elevations 76 m a. s. l. and 77,5 m a. s. l. respectively). Placed in Siiriäinen's chronological diagram (1978, fig. 2), these sites would also be on Early Comb Ware shorelines.

5.2. Comb Ware I: 1

Comb Ware I: 1 is not completely absent in the coastal zone of the Gulf of Bothnia. The Tainiara site, approximately 30 km upstream from the mouth of the Simojoki river, revealed a comparatively large assemblage consisting uniquely of Comb Ware I: 1. Tainiara is at an elevation of 78,5 m a. s. l. Placed in the above-mentioned diagram by Siiriäinen, it is on a shoreline dating from the very end of the Comb Ware I: 1 stage.

The material from Latokangas also contains a few sherds of Comb Ware I: 1 (e. g. National Museum of Finland (NM) 24750: 571). This material was discovered at an elevation approximately two metres lower (74 m a. s. l.) than the Sär I pottery of the site, which was from 76—77,5 m a. s. l.

5.3. Comb Ware II

Sär I pottery is not found at sites that emerged from the sea after Early Comb Ware times, e. g. on the Oulujoki River and the lower reaches of the Kemijoki River. Typical Comb Ware begins to appear along the Oulujoki and Iijoki rivers mostly at the same locations where Early Comb Ware has been found (Huurte 1983, 141, 144—147). At Rovaniemi and on the lower reaches of the Kemijoki River, new settlements were established on the shores that rose from the sea, for example on Ancient Lake Kolpene and most notably at Tervola, on the islands at what was then the mouth of the Kemijoki River. It should also be noted that Typical Comb Ware (II) is completely lacking from the finds north of Rovaniemi at Kemijärvi and further north to Inari.

5.4.1. Radiocarbon Dates for Sär I sites

A series of radiocarbon dates is available for the Jokkavaara site, covering the period ca. 4760—3569 B. C. Assuming that the Comb

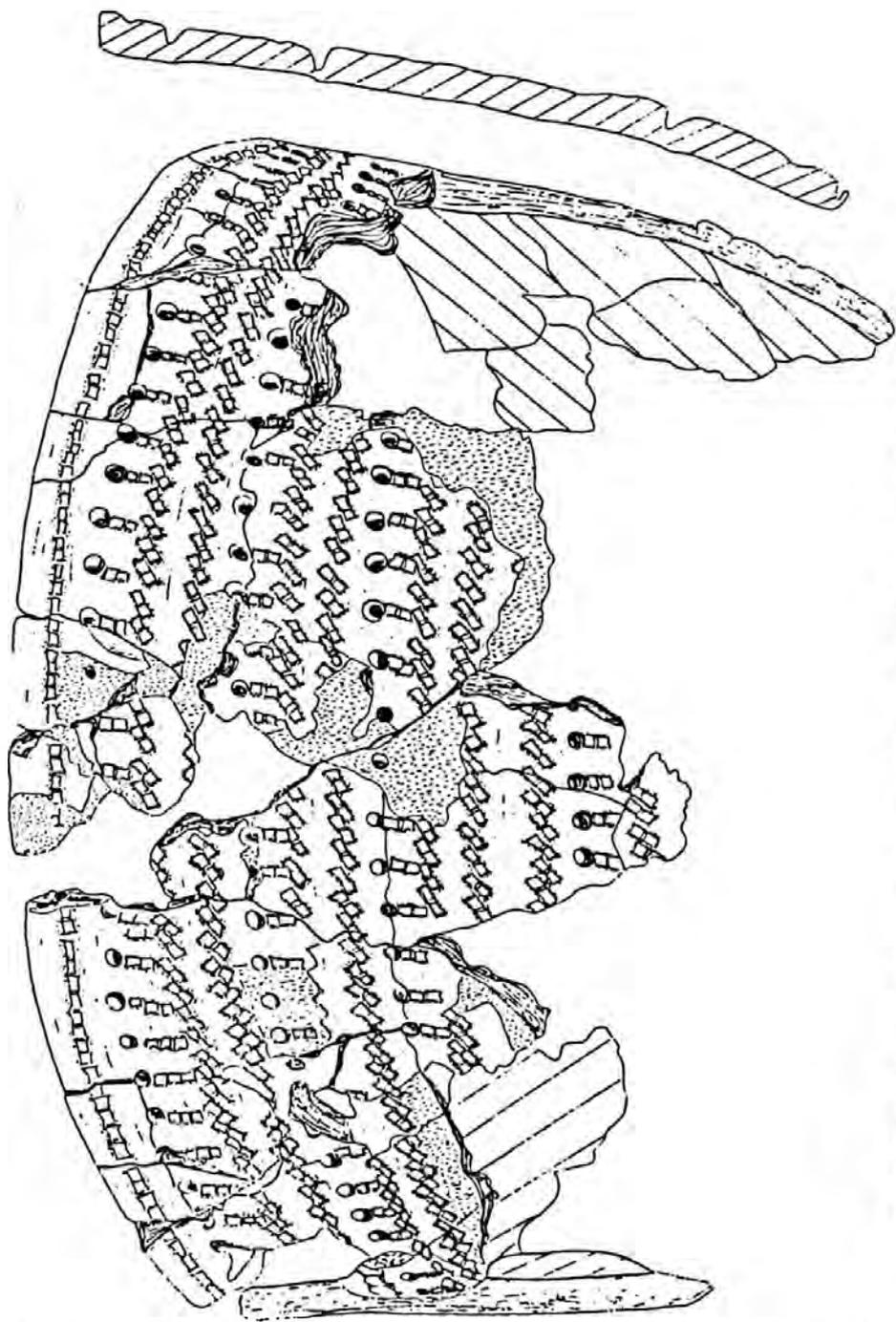

Fig. 2. SAR 1 ceramics from the Latokandas site in Ylikimki. Drawing by Katri-Majja Mäkiyuoti

Ware Period began around 4300 B. C. in Finland and that its Early phase ended ca. 3300 B. C. (Huurte 1983, 24), the radiocarbon dates from Jokkavaara cover the last centuries of the pre-ceramic period and almost all of the Early Comb Ware stage. This is in agreement with the finds from Jokkavaara, containing pre-ceramic artefacts but with Sär I as the only ceramic component. The site thus appears to have been abandoned at the end of the Early Comb Ware phase. The radiocarbon ages of the Jokkavaara samples are uncalibrated, as also the other dates mentioned here, and are as follows: Hel-1580 6600 ± 110 , Hel-1581 6300 ± 110 , Hel-1619 5860 ± 110 , Hel-1620 6120 ± 110 , Hel-3025 5930 ± 150 , Hel-3026 6200 ± 110 , Hel-3027 5620 ± 139 , Hel-3028 5650 ± 140 , Hel-3029 5940 ± 100 , Hel-3030 5660 ± 130 .

The radiocarbon age for charcoal from a hearth at the Nellimö site in Inari is 4170—3930 (Hel-2678 6000 ± 120). This appears to be unequivocally related to Sär I. A small site, possibly the location of a winter hut, was excavated at Nellimö and the Sär I was the only type of pottery discovered there.

The radiocarbon ages for the Haveri site at Kemijärvi point to a period slightly earlier than the occupation at Jokkavaara. The finds do not include any definitely pre-ceramic artefact types, but there are Sär I sherds and later material. The available series of radiocarbon ages extends from 5050 to 3930 B. C. (Hel-273 6050 ± 170 , Hel-274 6070 ± 170 , Hel-275 6760 ± 240).

Sär I material has also been recovered from the Kiikarusniemi site in Sotkamo, in addition to Typical Comb Ware and Early Metal Period finds. Two radiocarbon dates are available, denoting the period 4310—2580 B. C. (Hel-1750 6150 ± 110 and Hel-2096 4640 ± 110).

There are also radiocarbon dates for Sär I sites in the Kola Peninsula and on the Varanger Fiord, which correspond to the ages obtained for the Finnish Sär I sites (Gurina & Kotsetskin 1978, 83; Helsing 1980).

5.4.2. Comb Ware II : 1 Radiocarbon Dates

In addition to sherds of Sär I pottery, excavations at the Latokangas site at Ylikiuminki revealed Early Comb Ware (I : 1), Typical Comb Ware (II : 1, e. g. NM 24750 : 368) and so-called early asbestos ceramics (e. g. NM 24750 : 1032). A series of radiocarbon dates have been obtained for the site, including the area of Sär I finds at 76 m a. s. l. and higher locations on the slope of the site. However, all the available ages are «too young» with respect to the Sär I material. The oldest dated radiocarbon sample falls between 3570 and 3350 B. C. (Hel-3059 5410 ± 110), and may be connected with the Early Comb Ware period.

The series of radiocarbon ages for the Comb Ware I : 1 site of Tainiara in Simo (finds NM 22398, 24925, 26698) covers the period 4000-3340 B. C. (Hel-2977 5410 ± 120 , Hel-2978 5760 ± 120 and Hel-2979 5430 ± 120) and is clearly younger than the dates for the Jokkavaara site.

5.4.3. Radiocarbon Dates for Comb Ware II Sites

At present, there are radiocarbon dates for four North-Finnish Typical Comb Ware sites in Yli-Ii, Tervola and Rovaniemi. The dates are of either individual samples or series obtained from the sites. All the available dates are younger than those for Sär I or Early Comb Ware sites.

6. Summary

With reference to the above discussion we may sketch the following picture of the Early Neolithic in Northern Finland with reference to Sär I pottery.

The early emergence of the pottery style can be regarded as certain. There is evidence for this in the shore displacement chronology and the radiocarbon dates. The distribution and geographical conditions clearly indicate the region of the Lake Oulujärvi catchment and water system as the area where Sär I ware originated. The original population, perhaps with minor immigrant addition, gradually adopted the custom of making and using ceramics. Impulses for this development spread to the north along the coast of the Gulf of Bothnia. Another stream of «ceramic» influences came from the east and southeast along water routes. As the result of these varied influences Sär I ware developed as a pottery style originally specific to the Kainuu region. Soon, apparently at the very beginning of the Early Comb Ware phase, Sär I ware was adopted in «readymade» form and without initial stages, in neighbouring areas. Within a short period it spread to the north as far as the shores of the Arctic Ocean.

This process, the emergence of Sär I ware and its rapid distribution into the northern regions have been regarded as the beginning of the ethnic differentiation that resulted much later in the formation of the Saami ethnos (Huurre 1991, 61).

It appears that pottery was first adopted in the areas to the north of the Oulujoki River in the form of Sär I ware, which was to remain the dominant and only style of pottery in these regions. Early Comb Ware, occurring at only a few sites, was introduced later (the Latokangas and Tainiara sites). Early Comb Ware as such extended only to the Iijoki River in the north. The only Early Comb Ware «colony» further to the north was at the former mouth of the Simojoki River. The material from Rovaniemi contains only a few sherds of Comb Ware I:2 (e. g. NM 14338:294) and only one sherd of Comb Ware I:1 has been found on the Ivalojoeki River in Inari (NM 24931).

REFERENCES

- Ailio, J. 1909: Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finnland II, Helsingfors.
Äyräpää, A. 1950: Skifferspetsarna i östra Fennoskandien. *Finskt Museum* 1950.
Äyräpää, A. 1955: Den yngre stenålderns kronologi i Finland och Sverige. *Finskt Museum* 1955.

- Europaeus (Äyräpää), A. 1921: Förvärv till Nationalmuseet åren 1918 och 1919. I. Stenåldern. *Finskt Museum 1920—1921*.
- Europaeus (Äyräpää), A. 1930: Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland I—II. *Acta Archaeologica I*.
- Gjessing, G. 1942: Yngre steinalder i Nord-Norge. *Institutt for sammenligende kulturforskning. Serie B: Skrifter XIX—XX*. Oslo.
- Gurina, N. N., Kotsetskii B. I. 1978: Datirovka neoliticheskikh pamyatnikov Kolskogo poluostrova i metody ejo ustanovleniya. *Kratkie soobsheniya 153. Pamyatniki epokhi neolita. (Ed. by O. S. Gadzyatskaya et al.) Moskva*.
- Helskog, K. 1980: The Chronology of the Younger Stone Age in Varanger, North Norway Revisited. *Norwegian Archaeological Review. Vol. 13, No. 1*.
- Huurre, M. 1983: Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin esihistoria. Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia I. Kuusamo.
- Huurre, M. 1986: Esihistoria. Kainuun historia I. Kajaani.
- Huurre, M. 1991: Oulujokilaakson esihistoria. Oulujokilaakson historia. Oulu.
- Huurre, M. 1992: Suomussalmi esihistoriallisella ajalla. Leipää luonnosta. Suomussalmen historian kymmenen vuosituhatta. Keuruu.
- Lavento, M. 1989: Suomussalmen Juntusrannan särkkäalucen keramiikka. *Unpublished graduate thesis, Department of Archaeology, University of Helsinki*.
- Luhio, V. 1948: Suomen kivikauden pääpiirteet. Helsinki.
- Mäkivuoti, M. 1991: Ylikiimingin Latokankaan kivikautinen asuinpaikkatutkimus. *Faravid. Pohjois-Suomen historiallisen yhdistyksen vuosikirja XV*.
- Meinander, C. F. 1964: Pihtiputaan kivikautta. Pihtiputaan kirja. Pieksämäki.
- Mäkivuoti, M. 1991: Ylikiimingin Latokankaan kivikautinen asuinpaikkatutkimus. *Faravid. Pohjois-Suomen historiallisen yhdistyksen vuosikirja XV*.
- Nummedal, A. 1937: Yngre stenaldersfund fra Nyelv och Karlebotn i Ostfinnmark. *Universitets Oldsamlingens Årbok 1935—1936*.
- Nummedal, A. 1938: Yngre stenaldersfund fra Nyelv och Karlebotn i Ostfinnmark. II. *Universitets Oldsamlingens Årbok 1937*.
- Pesonen, P. 1980: Neolititeskie pamjatniki Kandalakskogo berega Belogo morja. *Novie arheologitseskie pamjatniki Karelii i Kolskogo polyostrova. Petrosavodsk*.
- Siiriäinen, A. 1971: Shoreline Dating of the Säränsniemi I — Ceramics in Finland. *Finskt Museum 1971*.
- Siiriäinen, A. 1978: Archaeological Shore Displacement Chronology in Northern Ostrobothnia, Finland. *Iskos 2*.
- Simonsen, P. 1957: Bopladserne ved Noatun i Pasvikdalen. *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 58*.
- Äyräpää, A. 1950: Skifferspetsarna i östra Fennoskandien. *Finskt Museum 1950*.
- Äyräpää, A. 1955: Den yngre stenalders kronologi i Finland och Sverige. *Finskt Museum 1955*.

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО ВОСТОЧНОЙ ЛАПЛАНДИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Интерес к своему прошлому, как к локальной истории, так и к глобальному развитию человечества, последнее время заметно повышается, что закономерно и свидетельствует о зрелости цивилизации. На этом фоне большое значение имеет изучение становления духовной культуры. В конечном счете, человека делает личностью не тот внешний мир, который его окружает и способствует процветанию, хотя он и играет большую роль, а духовная сущность, способность преломлять видимое сквозь призму своего сознания.

Многие довольно хорошо осведомлены о великолепных пещерных росписях охотников на мамонтов, наивно-прекрасном искусстве Древней Греции, величественной Готике, Ренессансе, пышном Барокко и часто мало знакомы с творчеством эпохи нового каменного века. Ситуация объясняется многими причинами, среди которых и ограниченность изобразительных решений искусства этого времени, и сложность его понимания. Хотя следует сказать, что великолепные пещерные фрески Альтамиры, Ляско только на первый взгляд легко доступны нашему сознанию. Их красочность, экспрессия, натурализм обычно плотно закрывают перед современным человеком свой второй, смысловой, во многом еще не разгаданный план, ради которого они, собственно, и создавались. Можно назвать также вековое преклонение перед достижениями ярких древних цивилизаций, по сравнению с которыми творчество окраинных регионов кажется бледным, не достойным внимания. Более вероятным представляется взгляд, что наука и художественный мир недостаточно оценили действительное значение памятников монументального искусства Севера. Они занимают значительный период человеческой истории, отражают духовные искания сотен поколений наших предков. Без изучения наскальных изображений образуется лагуна, препятствующая пониманию дальнейшего развития художественного творчества, рвется связь времен.

Как объект изучения памятники монументального искусства очень привлекательны, сложны и многогранны. Использование их в качестве источника историко-культурных знаний, искусствоведения, становления сознания, психологии творчества, истории религии, мифологии требует серьезного археологического анализа.

Для превращения наскальных изображений в исторический источник, как и для собственно археологических задач, особое значение, помимо фиксации, описания и классификации, приобретают вопросы датирования. Суммируя разработки в этой области (Формозов 1969; Савватеев 1970; Вакка 1973; Анати 1976, 1978; Шер 1983; Николаева, Пяткин 1984; Helsing 1988), можно выделить методические приемы, базирующиеся на следующих основаниях: 1) высотное расположение, 2) стратиграфия, 3) топография, 4) типология, 5) па-

лимессты, 6) стиль, манера исполнения, 7) техника нанесения, 8) параллели с другими археологическими объектами, 9) видовой состав, количественные соотношения, повторяемость рисунков, 10) состояние поверхности панно, 11) выбор определенных пород, фактур и плоскостей, 12) выявление чистых комплексов и первоначального композиционного ядра, 13) структурный и формализованный подход, 14) стилистический многовариантный анализ, 15) широкие аналогии с подобными памятниками соседних и отдаленных регионов.

Ограниченность сведений заставляет использовать все возможные способы, делает произвольным выбор методик, приемов, критериев. Конечно, не каждый из них может быть применен для всех комплексов. Следует учитывать и разную значимость, степень объективности, результативность. Повышающийся интерес к петроглифведению даст уверенность, что в недалеком будущем наши возможности в данной области серьезно расширятся за счет применения компьютерной техники и достижений естественнонаучных дисциплин.

Открытие в 1973 г. в центральной части Восточной Лапландии и в 1985—1986 гг. на ее северо-западной окраине — п-ве Рыбачий — наскальных изображений включило Кольский п-в в зону охотничьего или арктического монументального творчества Северной Фенноскандии (Шумкин 1987, 1987а, 1990; Shumkin 1990). При несомненных отличиях в стиле для памятников этой территории характерно более существенное сходство по остальным признакам. Установленная приуроченность большинства местонахождений к водной (озерной, речной, морской) поверхности позволяет использовать для их датировки данные тектонических движений и трансгрессивно-регрессивных уровней. Благоприятные возможности способствуют строительству абсолютной и относительной хронологии наряду с другими признаками на прочной основе. Правда, пещерные росписи и изображения высокогорных районов (особенно поздние) не подпадают под эту закономерность, но для их датировки появляются другие возможности (Вака 1973; Simonsen 1974, 1978; Helsing 1985, 1988). При серьезности подхода и разработанности шкал высотных уровней геоморфологические данные достаточно аргументированы, но их следует использовать только для узлокальных районов. Расширение региона и перенос высотных отметок неизбежно приводят к усреднению и значительным искажениям вероятностных ситуаций (Шумкин 1986).

Важную информацию имеет аналитическое рассмотрение всех археологических объектов в зоне наскальных изображений. Особый статус петроглифов и писаниц, отнесение их к разряду святилищ, культовых мест, сакральных памятников, пожалуй, не вызывают сомнений. В литературе уже отмечалась недостаточность простого соседства поселенческих, погребальных комплексов, святилищ для аргументации их единовременной датировки (Савватеев 1970; Шер 1983). Однако это обычно игнорируется. Соглашаясь с данным тезисом, хочу добавить, что, возможно, территориальная близость свидетельствует именно о разновременности объектов и даже о разнокультурности оставившего их населения. Думаю, что авторы и почитатели таких святилищ стремились устраивать свои жилища и

бытовые комплексы в существенном удалении друг от друга. Расстояние могло быть не очень большим, но обязательно включало в себя какое-нибудь препятствие: вода, болото, перевал, гора и т. д. Недаром большинство наскальных комплексов Фенноскандии находилось на островах и мысах вытянутых очертаний. В пещерах изображения помещались часто в самом дальнем углу и при наличии значительного жилого культурного слоя (как правило, в привходной части), он был оставлен явно не авторами рисунков (Sognnes 1983). Некоторым подтверждением может служить тот факт, что рядом с петроглифами Чальмн-Варре, приуроченными ныне к берегу р. Поной (в древности островное положение), не было поселений, несмотря на удобренное место, вплоть до появления в начале нашего столетия иноэтнических переселенцев-коми, которые не только не были связаны с районом никакими традициями, но даже не замечали хорошо различимых изображений. Данные соображения следует учитывать, т. к. установление возраста поселений, расположенных в непосредственной близости от рисунков, может указать верхнюю (или нижнюю) границу времени (может быть, одного из этапов) функционирования наскального комплекса.

Размещение писаниц и петроглифов Восточной Лапландии в разных природных условиях, явная неодновременность, разнообразие стилистик, способов нанесения, другие особенности позволяют на основании аналитического рассмотрения всех данных предпринять попытку составления периодизационной схемы их развития.

В северо-западной части Восточной Лапландии, на п-ве Рыбачий, выявлены два местонахождения наскальных изображений (Шумкин 1987а), условно названные нами «Галерея» и «Пещера». Первое («Галерея») расположено на правом берегу р. Пяйве в 1,5 км от устья. На отвесных выступающих блоках скального останца, под прикрытием небольшого карниза, сохранились гравировки и писаницы. Рисунки расположены на одном нижнем высотном уровне (25,5 м) на ровных поверхностях однородной породы, обращенных на восток, в сторону моря. Изображения представлены сложными геометрическими фигурами (25) и оленями (2), выполненными красной охрой с помощью пальцев руки в линейной технике. Несколько выше зафиксированы следы выпирания пальцев после свершения акта изобразительной деятельности. Техническое и стилистическое однообразие рисунков этого пласта позволяет предполагать незначительный разрыв по времени между нанесением первого и последнего рисованных изображений.

На левом берегу р. Пяйве в 1 км от «Галереи» обнаружены четыре разрушенные стоянки среднего этапа мезолитической культуры Комса (VI тыс. до н. э.). На площади одной из них (Пяйве 1) собраны необработанные куски породы со скального массива, на котором расположены изображения. Не исключено, что все эти объекты одновременны или, по крайней мере, обитатели мезолитических стоянок посещали пяйвинские рисунки. Интересным фактом является неиспользование для производства орудий материала со скального останца с рисунками несмотря на высокое качество породы (раскалывается на длинные ромбические в сечении пластины с острыми режущими краями) и явный дефицит поделочного сырья.

Возможно, это связано с сакральными функциями как рисунков «Галереи», так и самого скального массива, располагающегося на древнем острове.

Не исключая, в принципе, развитие монументального искусства от крупных натуралистических фигур по линии нарастания схематизации, следует вспомнить, что геометрические формы присутствуют в палеолитической изобразительной деятельности и особенно характерны для северных культур, в частности таких, как гамбургская и аренбургская. Это хорошо укладывается в русло гипотезы о заселении Северной Фенноскандии через западнонорвежское побережье из области дислокации населения аренбургской традиции (Freund 1948; Indrelid 1978; Кольцов 1979; Шумкин 1986). Таким образом, геометричность большинства рисованных фигур пяйвинской «Галереи» не может быть серьезным аргументом их молодого возраста, а высотное расположение изображений и стоянок (подкрепленное типологическим анализом) не противоречит мезолитической атрибуции.

Гравированные изображения имеют также геометрические формы, и располагаются они чаще на вышележащих, по-другому ориентированных блоках. Есть случаи нанесения их поверх рисунков острым металлическим предметом, вероятно, ножом. Несомненно сходство рисованных и гравированных фигур, но создается впечатление, что авторы последних, подражая уже имеющимся, или не полностью понимали их символику, или существенно ее переосмысливали. Не были уже важны ориентировка поверхностей, фактура камня — более значимым, видимо, являлось само присутствие здесь росписей. Этот пласт скорее всего создавался длительное время, спорадически. Нижнюю границу трудно опускать ранее I тыс. н. э.

«Пещера» представляет собой грот, расположенный в 1,5 км от «Галереи» на левом берегу р. Майка. Изображения находятся в самом дальнем темном углу помещения. Выполнены они красной охрой в технике, отличной от пяйвинских рисунков, и образуют композицию из трех фигур: двух вертикальных антропоморфных (вероятно, мужской и женской) с округлыми головами, приподнятыми плечами, неразделенными ногами — и горизонтальной звериной (рыба, морское животное, фантастическое существо?) с раскрытой пастью. Некоторое сходство антропоморфных изображений можно увидеть среди скальных рисунков Финляндии и пещерных росписей Норвегии (Hallstrom 1938; Miettinen 1982; Sognnes 1983). Центральная часть триптиха напоминает образы, более присущие сибирскому ареалу (Чернецов 1972; Кочмар 1988). Учитывая появление восточного импульса, отразившегося в культуре аборигенов Лапландии на рубеже II—I тыс. до н. э., ближайшие аналогии и завершенность композиции, ее можно предварительнo датировать именно этим временем.

Понойские или чальмн-варрские петроглифы расположены на правом берегу р. Поной в центральной части Восточной Лапландии. Изображения выбиты на десяти отдельных камнях разного размера, которые планиграфически размещаются хаотично, но отчетливо фиксируют не менее двух уровней былого уреза воды. Удалось выявить стилистические, технические, композиционные отличия изображений, расположенных на разных высотных отметках.

Первая группа (3 камня — 26 фигур) приурочена к кромке современного берега реки. Изображения характеризуются более натуралистическим отражением образов, выполненных сплошной глубокой набивкой в силуэтно-линейной манере. Представлены олени с одной парой ног, две антропоморфные фигуры в фас, одна из которых — трехпалая фаллическая с трехрогим головным убором (?), вторая имеет хвост. Присутствует попытка простейшей композиционной связки людей и некоторых оленей посредством соединения их выбитой линией. Фигуры расположены свободно, без перекрывания одних другими.

Петроглифы остальных камней (около 150 фигур) приурочены к более высокому уровню (сейчас к паводковому) и составляют другую группу. Пласт содержит, в основном, линейно-контурные изображения оленей, антропоморфные и фантастические персонажи, солярные знаки, чашечные углубления. Заметны усложненность, некоторая схематизированность образов, менее глубокая выбивка, небрежность рисунка, четвероноготь зверей, стремление передать индивидуальность фигур, более детальная проработка изображений людей. Характерна очень большая плотность изображений на поверхности большинства камней. Фигуры не только часто соприкасались, но их нередко новые наносили поверх старых, не дополняя или изменяя их, а создавая другие сходные образы. Наличие рядом достойных, но неиспользованных плоскостей соседних камней показывает особое желание и потребность древнего населения прилагать творческие усилия именно на тех поверхностях, где уже имелись выбитые ранее изображения.

Особенности природной ситуации бассейна р. Поной исключают или делают маловероятным возможность ее заселения ранее IV тыс. до н. э. (Богданов 1958; Вакорин и Купцова 1975). Обнаруженные следы обитания (12 стоянок таежных охотников-рыболовов в 30—120 км от святилища) датируются временем не ранее конца III тыс. до н. э. Данные среднеголоценовых колебаний водного режима и эвстатических процессов Понойской депрессии указывают на недавнее островное положение участка с петроглифами, вероятность низкого стояния уровня воды в III тыс. до н. э. и повышение его во II—I тыс. до н. э. Можно предположить, что нижний пласт изображений относится к концу III—II тыс. до н. э. Технические и стилистические характеристики наводят на мысль, что создатели первых понойских символов были знакомы со скальными святилищами Белого моря и Онежского озера (может быть, и другими подобными) или, по крайней мере, им не были чужды образы, персонажи, представления древнего населения этого региона.

Верхняя группа более самобытна. Однако здесь заметно некоторое влияние земледельческого ареала. При явной преемственности несомненна дальнейшая модификация ранних образов, что, вероятно, свидетельствует о сохранении понимания сущности изображений, ритуальной значимости самого места и продолжения культурной традиции. Предположительно время этого пласта может быть определено II—I тыс. до н. э.

Вопросы этнокультурных определений, широких аналогий, интерпретации, семантики преднамеренно оставлены без анализа не

только из-за ограниченности объема статьи, но и по убеждению, что такие проблемы не могут решаться без предварительной разработки хронологии и периодизации конкретных изобразительных комплексов определенной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов В. В. Водноэнергетические ресурсы Кольского п-ва (р. Поной). М.; Л., 1958.
2. Ваколин В. А., Купцова А. Н. Позднепоследлениковий бассейн в Верхнепонойской низменности // История озер в голоцене. Л., 1975.
3. Кольцов Л. В. О характере сложения раннемезолитических культур // СА. 1979. № 4.
4. Кочмар Н. Н. Петроглифы Якутии // Археология Якутии. Якутск, 1988.
5. Николаева Т. В., Пяткин Б. Н. Петроглифы: методы датировки, вопросы семантики // Проблемы каменного века Евразии. Красноярск, 1984.
6. Савватеев Ю. А. Залавруга. Л., 1970.
7. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
8. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Уральского ареала // Проблемы археологии и истории угров. М., 1972.
9. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1983.
10. Шумкин В. Я. Мезолит Кольского п-ва // СА. 1986. № 2.
11. Шумкин В. Я. Исследования в Кольском Заполярье // АО 1985. М., 1987.
12. Шумкин В. Я. Новые наскальные изображения Северной Финноскандии // Задачи советской археологии. М., 1987(а).
13. Шумкин В. Я. Новые наскальные изображения Северной Европы и старые проблемы их изучения // КСИА 200. М., 1990.
14. Anati E. Evolution and Style. Brescia, 1976.
15. Anati E. Method of Recording and Analysing Rock Engravings // IFSK 29. 1978.
16. Bakka E. Om aldaren pa viederistningarna // Viking 1973.
17. Freund E. Komsa-Fosna-Sandarna // Acta Archaeologica 1948.
18. Hallstrom G. Monumental Art. Stockholm, 1938, 1960.
19. Helsing K. Boat and Meaning // JAA, 4 (3). N. Y., 1985.
20. Helsing K. Helleristningene i Alta. Trondheim, 1988.
21. Indrelid S. Mesolithic Economy and Settlement Patterns in Norway // The Early Post-glacial Settlements. L., 1978.
22. Miettinen T. Pictures on Finnish Rock. Helsinki, 1982.
23. Shumkin V. The Rock Art of Russian Lapland // FA VII. Helsinki, 1990.
24. Shumkin V. Ethnogenez saami // Acta Borealia. 1991.
25. Simonsen P. The Rock Art of Arctic Norway. Brescia, 1974.
26. Simonsen P. New Elements for Evaluating the Origin and End of N. Scandinavian Rock Art // IFSK 29. 1978.
27. Sognnes K. Prehistoric Cave Paintings in Norway // AA 53. 1983.

**GEOARCHAEOLOGICAL OBSERVATIONS
ON THE EARLY METAL PERIOD
DWELLING SITES IN THE ANCIENT LAKE
SAIMAA AREA**

1. Introduction

In 1992 the Department of Archaeology of the University of Helsinki started the project «Settlement and contacts in the Ancient Lake Saimaa Area during the prehistoric period». The investigation area was defined according to natural water systems of the Ancient Lake Saimaa Complex (fig. 1).

The project branches off into four main groups: the investigation of shore displacement chronology, the development of the ceramic styles and their chronology, the relation between habitation and environment, the diffusion of innovations during the prehistoric period and the developing suitable survey methods for local conditions.

From the beginning much stress has been put on the field surveys and the investigation of the different aspects of the environment around the dwelling sites. One subproject was particularly aimed at studying the Early Metal Period sites. In this paper I will concentrate on presenting the main results of the field work which was carried out in June of 1993. Attention was directed to studying already known or possible Early Metal Period dwelling sites close to Stone Age dwelling sites.

2. The problem

The survey tried to answer the following three questions:

1) How, if at all, do the soils at Stone-Age and Early Metal Period dwelling sites differ from each other? This question was studied with the help of topographical and geological maps and by analysing soil samples in the laboratory.

2) Is it possible to observe a) continuity in habitation from the Stone Age to the Early Metal Period at the same sites; b) a slight displacement of dwelling sites with the retreating shoreline; c) any evidence that the Early Metal Period sites would be displaced into new or different kinds of environments independent of the shore displacement. To try to outline the relative chronology between the Early Metal Period sites and the rate of displacement of dwelling sites, some shoreline levels were taken at the dwelling sites, too.

3) What are the differing characteristics in habitation that can be observed between the Stone Age and the Early Metal Period dwelling-sites? This question was studied with the help of phosphorous analysis and by comparing the number of finds at the excavated sites. Because archaeological excavations have been carried out at only few sites, the last-mentioned comparison remains insufficient.

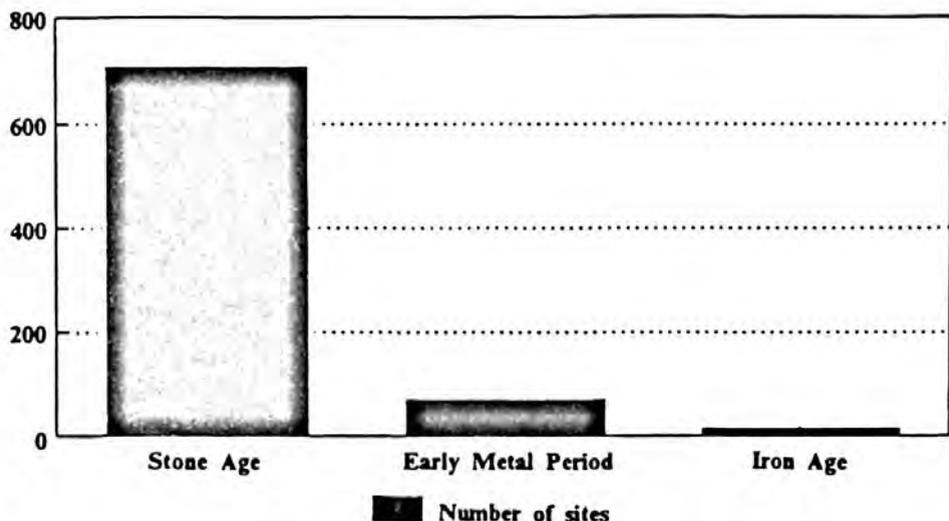

Fig. 1. The Ancient Lake Saimaa Area Dwelling — sites

3. Comparing the number of Stone Age and Bronze Age dwelling sites

Up to 1993 in the area of the Ancient Lake Saimaa Complex there were known over 800 dwelling sites, about 700 of which had been classified as Stone Age sites (fig. 2). There are 72 dwelling sites, which can be classified either purely or partly into the Early Metal Period. Iron Age sites are known even fewer, only 15. These numbers are, however, not very exact, and they depend a great deal on the classifier or the point of view used as a criterion of classification. Most of the new sites have been discovered as a result of surveys only. Their dating is in most cases based on some fragmentary pieces of pottery.

Despite the uncertainties mentioned above, the numbers in the histogram (fig. 2) show obvious differences between the numbers of Stone Age and the Early Metal Period sites. It is also essential to note that among the Stone Age sites mesolithic and early neolithic sites are also rare in the area of the Ancient Lake Saimaa Complex. This phenomenon can be confidently explained by the long transgression period which began already during the Lake Mesolithic Period by flooding mesolithic and the Early Comb Ware dwelling sites. It ended only after the breakthrough of the River Vuoksi about 5000 B. C. (Saarnisto 1970; Jussila 1995 in print). This means that practically all Stone Age sites known to us date back to the period from 3000 B. C. to 1500/1200 B. C. If we date the Early Metal period according to Christian Carpelans chronology from 1500/1200 B. C. to A. D. 300/400 (Carpelan 1979), we find these two periods roughly equal in length. The marked difference is, however, obvious when comparing the numbers of sites from the different periods (fig. 2).

How is this difference to be explained? First, archaeologists have tried to find sites precisely in such environments and topographical sur-

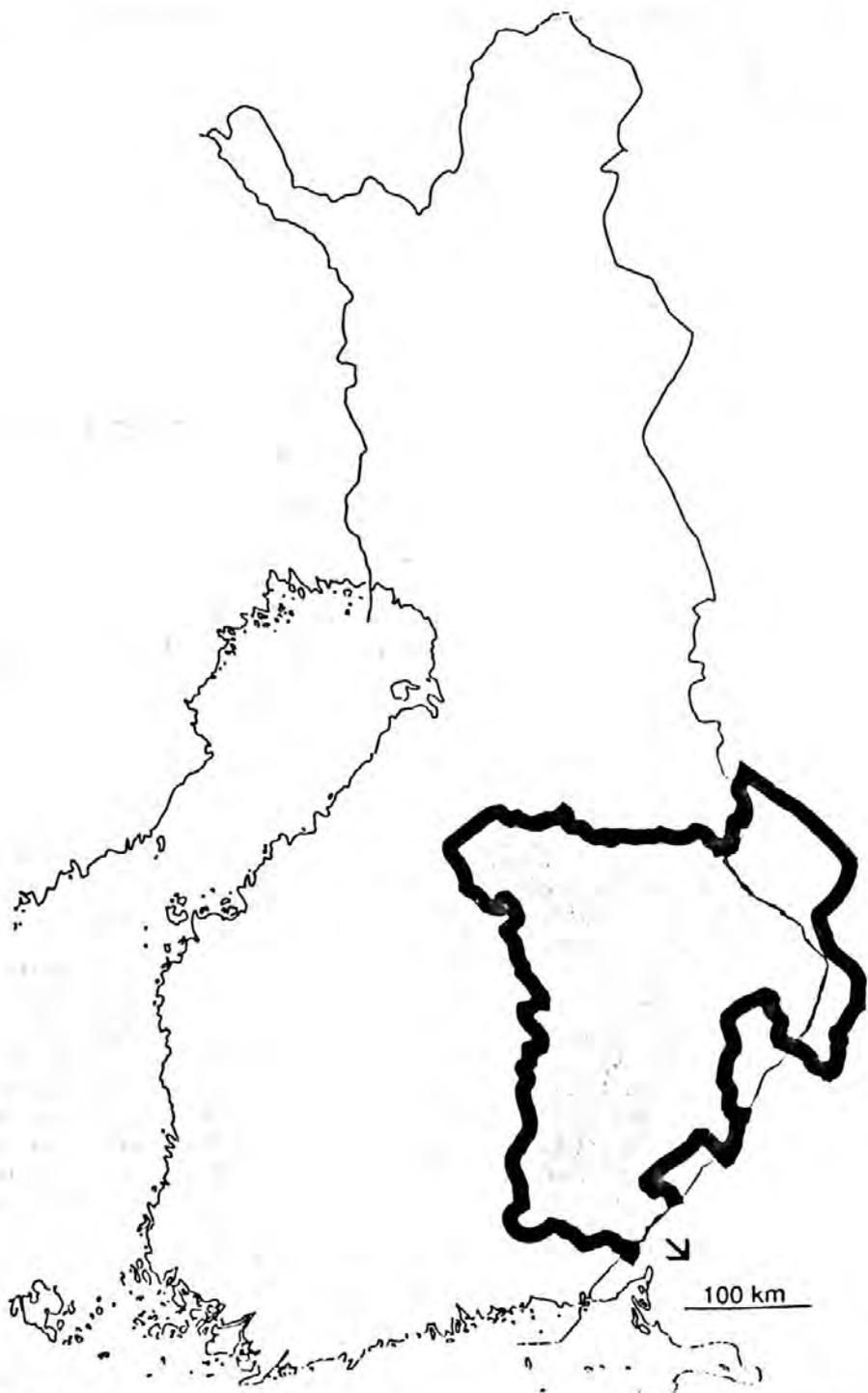

Fig. 2. The number of the Early Metal period Dwelling sites in the Ancient Lake Saimaa area

roundings which are characteristic for Stone Age sites. Notwithstanding this, they may at the same time be uninformed of where they should have search for Early Metal Period habitation. These sites can lie on other sorts of soils and in other kinds of topographic surroundings than Stone Age sites.

One practical difficulty arises when trying to specify which finds really belong to the Stone Age, and which, on the other hand, date to the Early Metal Period. This is a clear problem in connection with the often scant surface finds. Despite this, most dwelling sites can be dated with reasonable certainty by using the shore displacement chronology which includes at the moment over 150 levelled prehistorical dwelling sites on the shores of the Ancient Lake Saimaa Complex (Jussila 1995 in print). At present there are 20 measured Early Metal period sites known. The Early Metal period has been split into three horizons according their absolute height above sea level. Each horizon has its own gradient. The accuracy of the measuring has been about 1/2 m.

For now these figures and the basis of explanation relies on the observations stated earlier. This means that if there exists a clear and actual decline in the number of sites, this might reflect an event in prehistory: a decline in population during the Early Metal Period after the Stone Age.

4. The Early Metal Period sites in the Ancient Lake Saimaa area

Up to 1993 more or less thorough excavations have been carried out on 14 of the 72 Early Metal Period dwelling sites, the excavations at Kesälahti Sirmihta, Joensuu Varaslampi, Liperi Juvonen and Ristiina Kitulansuo being the most important. Christian Carpelan has named one of four subgroups of the Säräisniemi 2 ceramic complex (Carpelan 1965), in press after the small island of Sirmihta. A rich material of textile or Sarsa-Tomitsa ceramics has been excavated in Joensuu Varaslampi (Lonnberg 1974; Väkeväinen 1978). C. F. Meinander (Meinander 1969) has named the Luukonsaari group, one subgroup of Sär 2 after the island of Luukonsaari, too.

Analysis for phosphorous have been made at 15 sites. Further, at 24 sites levels have been taken for the determination of the ancient shore-lines and in order to construct the shore displacement chronology for the area (Saarnisto 1970; Matiskainen 1978; Jussila 1995). Most of the sites are so far known from surveys only.

Classifications of the Early Metal period dwelling sites can be made according to different principles; for instance the following, working classifications are highly based on the degree of examination:

- 1) the degree of investigation;
- 2) one period — multiperiod;
- 3) the amount of material from the Early Metal period.

The first group has been formed by using a division in three classes: a) inventory finds only; b) trial excavations (phosphate analysis, site collecting, levels etc.); c) archaeological excavations. In the second group the difference has been made on the basis of finds. Three classes are distinguished: a) pure sites — sites with no other artifacts than those

which belong to the Early Metal Period; b) Multiperiod sites where there are, for example, the Stone Age and the Early Metal Period finds mixed in the cultural layer; c) Multi-period sites where the effect of shore displacement can be observed and the finds are situated on different levels and shore formations.

The method of studying the difference between sites is based on the quantitative criteria of the number of finds which can be dated. There are sites with only one tiny fragment of Early Metal Period pottery or there are sites with abundant Early Metal Period material.

Up to 1994 archaeological excavations have been carried out at four Early Metal Period dwelling sites: in Joensuu Varaslampi, Liperi Juvonen, Kesälahti Sirmihta, and Ristiina Kitulansuo d. Also at the large, multi-period dwelling site Taipalsaari Vaateranta has been excavated with some material from the Early Metal Period. Phosphorous surkeys and/or levels have been made at 24 Early Metal Period sites, for example at Kerimäki Martinniemi, Puumala Kotkatlahti a, Puumala Pistohiekka, Punkaharju Kärensalmi, Rääkkylää Mehonlahti 2 etc. However, exact numbers concerning the extent or degree of studies are difficult to give because of the heterogenous state of the research at different sites. Archaeological trial excavations or site specific surveys have been made at over 20 sites.

The question concerning 'the pure site' is problematic in Finland because of the shore displacement. In principle the habitation has followed surprisingly strictly the displacement of shorelines, and, in places where the ancient shorelines are observable, the different periods can be easily ordered according to their relative height into a chronological order. There are two types of pure dwelling sites in Saimaa: the first group consist of pure sites with no other elements than those which belong to one culture; the second group consists of multi-period sites, at which the shore displacement has played a remarkable role in the displacement of the habitation.

So far the find material has not been examined and the statistics concerning the differences between sites cannot be presented here. This will be done later in connection with ceramic studies.

5. Field investigations and results

5.1. Phosphorous analysis

Phosphorous analyses, during the survey of 1993, were carried out at 12 dwelling sites by taking soil samples and the level of the sampling points. The first task for phosphorous analysis was to locate the ancient shoreline as exactly as possible. In many cases these analysis give reliable and illustrative results (Nunez 1977; Matiskainen 1978; Jussila et al. 1989). This work was already begun by Heikki Matiskainen in the end of the 1970's (Matiskainen 1978). Another function of the phosphate survey was to compare the amount of phosphorous at such multi-period sites where the habitation has followed the regressing shoreline. As an example fig. 3 indicates the phosphorous analysis made at Punkaharju Vaara Kärenlampi. The graphical representation shows how the phos-

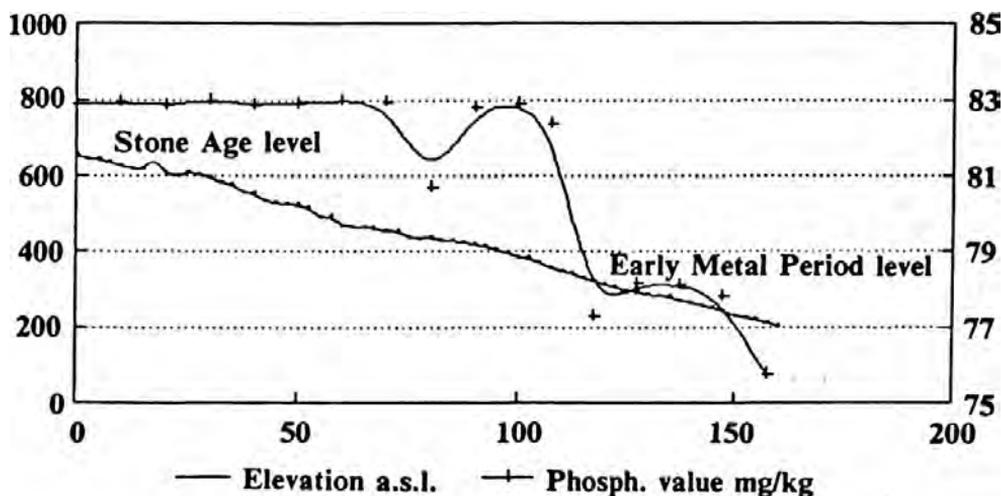

Fig. 3. Punkaharju 2 Vaara Kårensalmi Dwelling site

phorous values will diminish as a function of the height above sealevel and at the same time as a function of the age of the dwelling site. When generalizing the above mentioned trend, the phosphorous values seem to be lower at Early Metal period sites compared with the values associated with Stone Age dwelling sites — particularly when compared with Typical Comb Ware settlement. If the results can be interpreted in such a simple manner, we are able to follow the change either in the mode of habitation, the duration of habitation or the size of the population at the dwelling sites.

As a preliminary result we can sum up these observations, which may point to a decrease in population during the Early Metal Period. However, these kinds of observations are until now only a few in number and the results are not be largely generalized. Another explanation may be that most of the Early Metal Period sites known so far have been sites of secondary importance — temporary sites or in one way or another of a seasonal character.

5.2. Soils in the Early Metal Period dwelling sites

With the help of grain size analysis and field observations at the sites an attempt has been made to discern a possible change in the choice of the geographical surroundings of the dwelling sites. In many cases the habitation has remained in the same region, only following the moving shoreline. In these cases the environment has remained the same as it was during the Stone Age. However, the regression has proceeded more and more slowly, which has made it possible for finer sediments floating in the lake water to deposit. This means that if a Stone Age dwelling site is situated on the edge of a ridge on a gravel or sand terrace, a more recent Early Metal Period dwelling site is most

likely situated lower, on the foot of the ridge, where the grain size in the soil is smaller than higher up on the Stone Age level. These soils are today sandy silts or silts and many of them have later been cleared for field or pasture. Good examples of these kinds of sites are Enonkoski Koivula a, Rääkkylä Mehonlahti 2 and Rääkkylä Rantala. If the Stone Age part of the dwelling site is situated on coarse gravel, the Early Metal Period site is often situated on finer sandy or silty soils.

The reason for choosing different kinds of soils for habitation probably does not lie in the need of finer sands, although they would be more suitable for slash-and-burn cultivation. It is perhaps worth noticing that these strips of shore would have been the most suitable areas for animal husbandry (Kirkinen 1994). Clear evidence of this — for instance in the form of bone material — has not been found so far. The question of the relationship between pastoralism, agriculture and soils at known Early Metal dwelling sites in the Saimaa area falls, however, outside the scope of this paper; no specific archaeological evidence to shed light on this has been collected so far in the field.

However, the most natural explanation for the moving of dwelling sites may be the displacement of the shoreline, implying that the desire to settle by the shore was then the most important factor when choosing a place for settlement.

6. On the absolute dating of the Early Metal Period sites in the Ancient Lake Saimaa Complex

The absolute chronology for the Early Metal Period ceramics, the Sarsa-Tomitsa pottery and the Säräisniemi 2 groups, is based on Christian Carpelan's investigations (Carpelan 1965; 1979). The distinction of Säräisniemi 2 into four regional-chronological subgroups has been up to now better established than that of the Sarsa-Topmitsa type.

There is until now no absolute datings have been made of Sarsa-Tomitsa ceramics in Finland. Also radiocarbon dates from the dwelling sites, which could help in dating this ceramics, have so far not been made in the Saimaa area. However, one hearth in Joensuu Varaslampi has been ¹⁴C dated recently; the samples were taken from two different levels of the hearth. These are the results:

Su-2476 2360 ± 30 (cal BC 407-391)

Su-2477 2430 ± 30 (cal BC 525-410)

These relatively recent dates may, in fact, represent the closing phase of the Sarsa-Tomitsa ceramics, or the Säräisniemi 2 phase at the dwelling site, because at Varaslampi there are some vessels of Luukonsaari ceramics which indicates at least some kind of habitation during the Iron Age. The question then arises whether they represent the Luukonsaari ceramics or Säräisniemi 2 pottery.

Some dates concerning particular Säräisniemi 2 pottery are available. The dating of the hearth in Iisalmi Haapaniemi has given the following result:

The dating from Haapaniemi represents quite well the suppositions. If calibrated, it comes close to the already mentioned dates obtained from Joensuu Varaslampi.

All samples from Kesälahti Simihta, which is in fact a multi-period site, have given also relatively recent datings:

Hel 305	750 ± 120
Hel 306	820 ± 100
Hel 307	1560 ± 110
Hel 308	540 ± 100
Hel 309	2030 ± 120

The problem with these dates is evident: the most natural explanation for the situation is the contamination with recent or considerably newer material than that connected with the archaeological material — in this case the ceramics of Simihta type.

Conclusion

The field survey and the analysis made of soil and phosphorous samples have suggested same answers to the questions posed in the beginning of this paper.

According to soil analyses it seems evident that the Early Metal Period dwelling sites are situated on finer soils than the Stone Age sites. The habitation seems to remain in the same environment and no systematic displacement into differing environments has taken place during the Early Metal Period. The dwelling sites have followed the regressing shorelines. The phosphorous analyses give some idea of the difference in the intensity of habitation between the Stone Age and the Early Metal Period sites. The same phenomenon can be observed when comparing the numbers of sites and the numbers of finds in these sites. The reason for this is, however, not known so far.

These results suggest same hypotheses, the testing of which is the purpose of further, and more thorough archaeological and geoarchaeological studies.

REFERENCES

- Carpelan, C. 1965: Sär 2. Alustava katsaus erääseen rautakautiseen keramiikkaryhmään ja siihen liittyvään problematiikkaan. *Manuscript at the University of Helsinki, Department of Archaeology.*
- Carpelan, C. 1979: Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien. *FM 1978.*
- Jussila, T. 1995: The Shoreline Displacement Dating of Prehistoric Dwelling Sites in Iso-Saimaa. *Helsinki Papers in Archaeology, 8.*
- Jussila, T., Lavento, M. & Schulz, H.-P. 1989: Maaperän fosforianalyysi arkeologiassa. *Helsinki Papers in Archaeology, 3.*

- Kirkinen, T. 1994: Etelä-Savon ja -Karjalan nuoremman rautakauden asutuksen suhde luonnonympäristöön ja taloudelliseen ympäristöön. *Pro gradu. Manuscript at the University of Helsinki, Department of Archaeology.*
- Lönnberg, M. 1974: Joensuu Varaslampi. Kaivauskertomus. Museovirasto, arkeologian osasto, top. arkisto.
- Matiskainen, H. 1978: Eräitä Saimaan alueen kivikautisia asuinpaikkoja fosfaattianalyysin avulla tulkittuna. *Pro gradu. Manuscript at the University of Helsinki, Department of Archaeology.*
- Meinander, C. F. 1969: Dämits. En essä om förromersk järnålder. *FM 1969.*
- Nunez, M. 1977: Archaeology through soil chemical analysis: an evaluation. *Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste nr. 14.*
- Saarnisto, M. 1970: The Late Weichselian and Flandrian History of the Saimaa Lake Complex. *Commentationes Physico-Matematicae. Vol. 37.*
- Väkeväinen, L. 1978: Joensuu, Varaslampi. Kaivauskertomus. Museovirasto, arkeologian osasto, top. arkisto.

THE CULTIVATED PLANTS OF FINNISH IRON AGE

The agricultural history of Finland can be studied by means of archaeology in many different ways, for example by studying the history of object finds (e. g. sickles, scythes and millstones, cf. Salo 1967; Kivikoski 1973). The history of land use in agriculture can be studied by various analyses, such as pollen analysis (e. g. Tolonen, K. et al. 1979; Tolonen, M. 1985; Vuorela 1986; Vuorela et al. 1992), or phosphate analyses (Matisckainen 1982). Also linguistic studies on the etymology of loan words have provided information on the origin of certain agricultural concepts (Aalto, P. 1984). In this paper my main purpose is, however, to study the history of cultivated plants which can be deduced from the carbonized grains and weeds from archaeological excavations (Iron Age burial cairns and dwelling sites), i. e. by means of archaeobotany. In this presentation I shall follow the Iron Age chronology which is commonly in use in Finland, for example in the *History of Finland I* (Edgren et al. 1984).

Data

In tables 1—12 I have gathered data concerning the Iron Age archaeobotanical grain finds in Finland (mapped in fig. 1). Information about archaeobotanical material has been gathered from eight different locations. The number of these locations is not as large as in some other similar research projects carried out in the Nordic countries but nevertheless, the information that they provide enable us to form a general overview of the use of Iron Age cultivated plants in Finland. This existing data can then be tested by the upcoming and hopefully more numerous archaeobotanical studies. Archaeobotanical research as such has been carried out in Finland since 1976, resulting from the flotation methods developed by Prof. Meinander for the cremation burial excavations in Retulansaari, Tyrvöntö (Núñnes & Vuorela 1976). Some of the data used for the purposes of this paper are previously unpublished, such as the Retulansaari data from 1976 (Aalto, unpubl.), the Ketohaka II and Vanutehtaanmäki I data from Isokylä, Salo (1979—1980, Aalto, unpubl.), the Kodiala data from Virilä Laitila which I examined in 1993 (Aalto 1994, unpubl.) and some complementary Seppä-Heikka's data from Finnish Academy final report (Kukkonen et al. 1986), e. g. the only data from the Pre-Roman Iron Age in Paimio.

Pre-Roman Iron Age (500 BC — 0)

There is hardly any published archaeobotanical material dealing with agriculture during the Early Iron Age period, i. e. the Pre-Roman Pe-

riod. Though in the light of some other secondary evidence agriculture was, even at that time, an important means of livelihood, for the immigrating population (Meinander 1983; Salo 1984). Some previously unpublished material concerning the Kylänmäki cremations in Spurila, Paimio actually dates from the Pre-Roman Period (Seppä-Heikka in Kukkonen et al. 1986, appendix 4). Determined grain material (table 1) from a Pre-Roman cremation dating from approximately 100 BC (Luoto 1985), consists finds of barley (76%), emmerwheat (18%) and rye (5%). The small amounts of rye (5%, only three grains) must be interpreted according Behre (1992) as a specimen of «weed nature» rather than a prove of cultivation. According data (table 1), that time barley and emmerwheat were the two main cultivated plants. The information of the cremation (Seppä-Heikka in Kukkonen et al. 1986) included very few finds of weed seeds, only some charred remnants of goosefoot (*Chenopodium*).

In addition to the Pre-Roman cremation (table 1), some other sites were also studied archaeobotanically in the area. One of these was a cremation with an inexact date (100 BC — 500 AD), sometimes between the Pre-Roman times to the Great Migration (not tabulated here). The grain findings of this burial consisted of emmerwheat (16 grains), and only one grain of barley. The other cremation represented the Late Roman Period (200—400 AD) and has been tabulated below.

Roman Iron Age (0—400 AD)

There is clearly more information concerning cultivated plants from the Roman Iron Age (fig. 1, tables 2—4). Data from this period have been gathered from the dwelling site excavations in Isokylä, Salo (Aalto, M. 1982; Uino 1986) and from the Late Roman Period excavations in Spurila, Paimio, from a dwelling site (poor of grains) and a cremation (Seppä-Heikka 1985).

Isokylä, Salo

Research done by Professor Meinander's research group from 1978—1982 on the dwelling site of an Iron Age community in Isokylä, Salo has contributed greatly to the survey of Finnish prehistory. The results of this research have been efficiently documented in the publications of, for example, Uino (1986) and Schauman-Lönnqvist (1988). New light on the history of cultivated plants has also been shed by the Ketohaka 1 (former Katajamäki, Aalto, M. 1982), Ketohaka 2 and Vanutehtaanmäki (Vanu 1) dwelling site excavations in Isokylä area (Aalto, unpubl.).

The archaeobotanical flotation method was systematically tested for the first time on various occupation debris (hearths, postholes, patches of discoloured soil, distinct ash-pits etc.) in the Ketohaka 1 excavations in Isokylä (Aalto, M. 1982). The results of these tests, and also earlier experiences indicated that good and chronologically the most reliable sources of archaeobotanical material in dwelling sites are postholes,

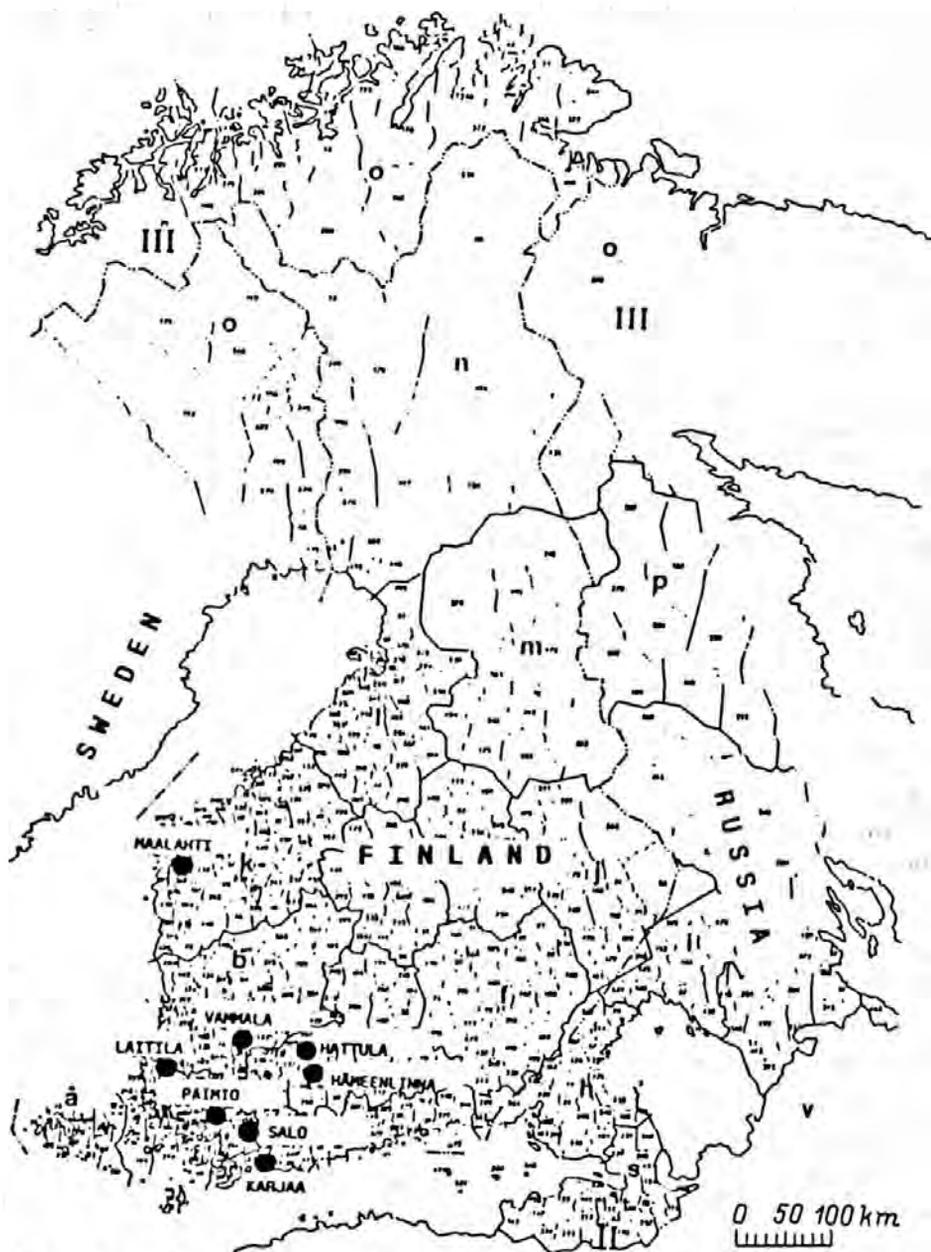

Fig. 1. Map of the localities of the Finnish Iron Age sites, where archaeobotanical studies have been made and which are listed here

... of the Iron Age sites in Finland. The sites are marked with black dots and labeled with their names: MAALANTI, VAMMALA, LATTILA, PAIMIO, SALO, KARJAA, HATTULA, and HÄMEENLINNA. The map is divided into numerous small regions, some of which are labeled with Roman numerals: III in the north and west, II in the central-western part, I in the central-eastern part, and V in the south-eastern part. A scale bar at the bottom right indicates distances of 0, 50, and 100 kilometers.

areas around indoor hearths, distinct ash-pits and cesspits. They also might reflect best the daily manners and usages of plants.

In the Ketohaka 1 excavations in Isokylä (table 2) 24 postholes, 23 patches of discoloured soil and 21 hearths were analysed (Aalto, M. 1982, 138—140, plates 1, 2). The outcome of these tests (table 2) shows that most of the grain finds (81%) consisted of barley (*Hordeum vulgare*), representing the main crop of the area. Other finds of cultivated plants in this area include emmerwheat (*Triticum dicoccum*) 10%, the other crop of Isokylä area, and flax (*Linum usitatissimum*) 3%. The percentage of oats (*Avena sativa*) was 6%, which may indicate oats having occurred as a weed in barley fields, and is perhaps too small amount to be a prove of cultivation as a crop. Charred flax seeds were found in the floor debris of house C and in a charred wooden vessel outside the dwelling (Uino 1986, 38; table 3: 1, No 15). It is known that flax seeds, because of their oily and brittle texture when burnt, seldom leave any trace in archaeobotanical material. Consequently, on the basis of the eight charred seeds of flax found in Ketohaka 1, and keeping in mind their unrepresentativeness in contexts, one may concluded that flax was already one of the cultivated plants in the Isokylä region. Special features of this area were the numerous stoned hearths of various ages. Only two of them were interesting in regard to their grain finds: the hearths inside houses A and C and the ash-pits hear them (Uino 1986, fig. 3: 62). In the ash-pit adjacent to the hearth of the older house (house A) were found charred remains similar in substance to barley gruel.

The grains found in Ketohaka 2 (table 3) included a variety of cultivated plants similar to the finds in Ketohaka 1; most of them were still barley (88%), plus some emmerwheat (7%) and oats (5%). There was no flax. The materials of both Ketohaka 1 and 2 included a fair amount of charred weed seeds (Aalto, M. 1982).

According to the archaeobotanical cremation material from the Late Roman Period in Spurila, Paimio (table 4), emmerwheat (90%) is exceptionally more common than barley (6%). In addition to emmerwheat and barley, there was also some hexaploid wheat (3% bread wheat, club wheat), some grains of rye (0,6%) and one flax seed (0,4%). The burial finds included hardly any charred weed seeds. Thanks to Seppä-Heikka's (1985, and some unpublished material in the Finnish Academy report 1986) research, cremation finds have turned out to be a significant source of archaeobotanical material. The lack of weed seeds and the exceptional high amount of emmerwheat (394 grains) when compared to dwelling site finds in Salo, might be explained by the selected nature of burial offers. They perhaps not reflect the real situation of cultivated crops.

The Great Migration (400—600 AD)

Finds of cultivated plants dating from the Great Migration have been made in the Vanutehtaanmäki 1 excavations in Isokylä between 1979—1980 (table 5, excavated by Linturi, det. Aalto, unpubl.). In addition, grain material from a cairn from Salo, Isokylä, Ketohaka 2

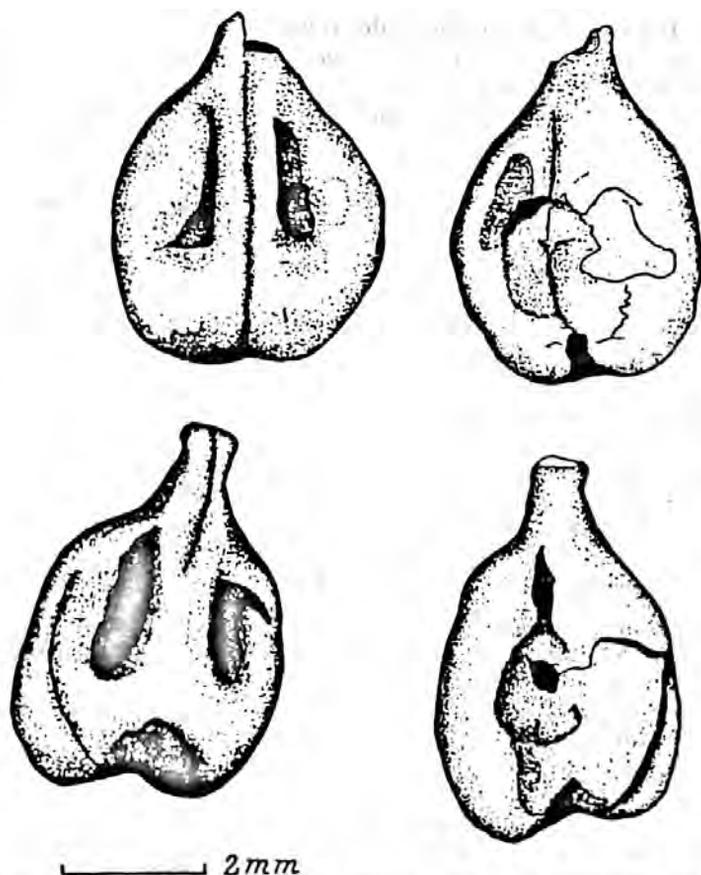

Fig. 2. Two charred winegrape pips (*Vitis vinifera*) found from postholes of Vanutehtaanmäki 1, Isokylä, Salo, SW Finland, from an excavation of the Great Migration period. Drawings M. T. Aalto

(Uino 1986), the 14C date of which indicate the Migration period (AD 570 — Hel 1566), has been tabulated here separately (table 6). There is also an interesting burial excavation material from Ristimäki, Vammala (table 7) dating from the fourth century AD (Luoto et al. 1981). The grain material in this find has been identified on the basis of grain impressions on ceramics and some silicified seeds (Seppä-Heikka 1981).

In the Vanutehtaanmäki (Vanu 1, Schauman-Lönnqvist et al. 1986) excavations (table 5), dating from the Great Migration period, barley had the highest percentage from the dwelling site finds (61—76%). Emmerwheat was evidently another cultivated plant of that period (10—20% of the finds). The exotic specialities of Vanutehtaanmäki 1 are represented by the carbonized remnants of grape seeds (*Vitis vinifera*, fig. 2), which were found inside three different postholes. Also one charred grape seed was found in a cairn in Ketohaka 2 dating from this period (570 AD, table 6). These grapes were very likely exported into the area, and they were probably remnants of raisins or wine lees. Winegrowing

was hardly not possible in the Salo region for e. g. climatic reasons. According to this data, the pea (*Pisum sativum*), was found in the archaeobotanical material for the first time. Rye (4% of the finds) was probably still a weed in barley fields rather than a cultivated plant. There were also abundantly charred seeds of many weed species in the Vanutehtaanmäki I material.

The finds from Ristimäki, Vammala (table 7) have been identified on the basis of grain impressions found on potsherds. The number of grains is not very large (16 pieces), but their dating to 400—500 AD on the basis of the ceramics makes them all the more valuable. A silicified lentil seed (*Lens culinaris*) is the most interesting archaeobotanical find of the Ristimäki burial. There are no former subfossil finds of lentils in Scandinavia or in the Baltic countries. This small leguminous plant may have been cultivated in the Vammala region (Seppä-Heikka 1981), but it also may have been imported there, like the grapes of Vanutehtaanmäki I. The natural range of lentil is economic plants (e. g. Zohary & Hopf 1993).

The Merovingian period (600—800 AD)

Archaeobotanical data from the Merovingian period has been available from three excavation sites: the dwelling site excavations in Kalaschabränna (table 8), Maalahti (Engelmark 1989, 1991), my Retulansaari material (table 9, previously unpubl.) of the Myllymäki cremation cairn (excavated by Sarvas 1976, see also Sarkamo 1970, 1984) from Hattula (Tyrväntö) and my Vainionmäki cremation cairn material excavated 1993 (table 10, as well previously unpubl.) in Virilä, Kodjala, Laitila (see also Saukkonen 1989, Purhonen & Ranta 1991).

The finds in Maalahti (table 8) included barley (80%), rye (10%) and oats (6%). There were also two charred seeds of gold-of-pleasure (*Camelina sativa*), a familiar oil plant known from Scandinavian prehistory. The dwelling site finds in Maalahti included a large number of charred weed seeds (Engelmark 1991, 89). The amount of rye is still low and, consequently, it was perhaps not cultivated in larger scale as a crop. Engelmark et al. (1991, 1993) sets forth an interesting hypothesis on the relationship between field cultivation and slash and burn cultivation in Finnish Iron Age: the many weed seeds and low amounts of rye indicate rather small fertilized, permanent fields than slash and burn cultivation. The absence of wheat can probably be explained by the relatively northern location of Maalahti in southern Bothnia, at least in comparison with the other archaeobotanical sites (fig. 1).

In the material (table 9) found in Retulansaari, in mound 152 of the Myllymäki cremation burial excavations (Sarvas 1976), the percentages of grain were as follows: barley 70%, rye 14%, wheat appr. 3% and oats 8%. Additionally, pulse species in this material are pea and, as a new, broad bean (*Vicia faba*). The total number of charred rye grains from Retulansaari is 29. On a percentage basis (14%) it is the largest amount of rye, found by the author, in this Iron Age data. It might also have been cultivated as a crop (figs. 3a, b).

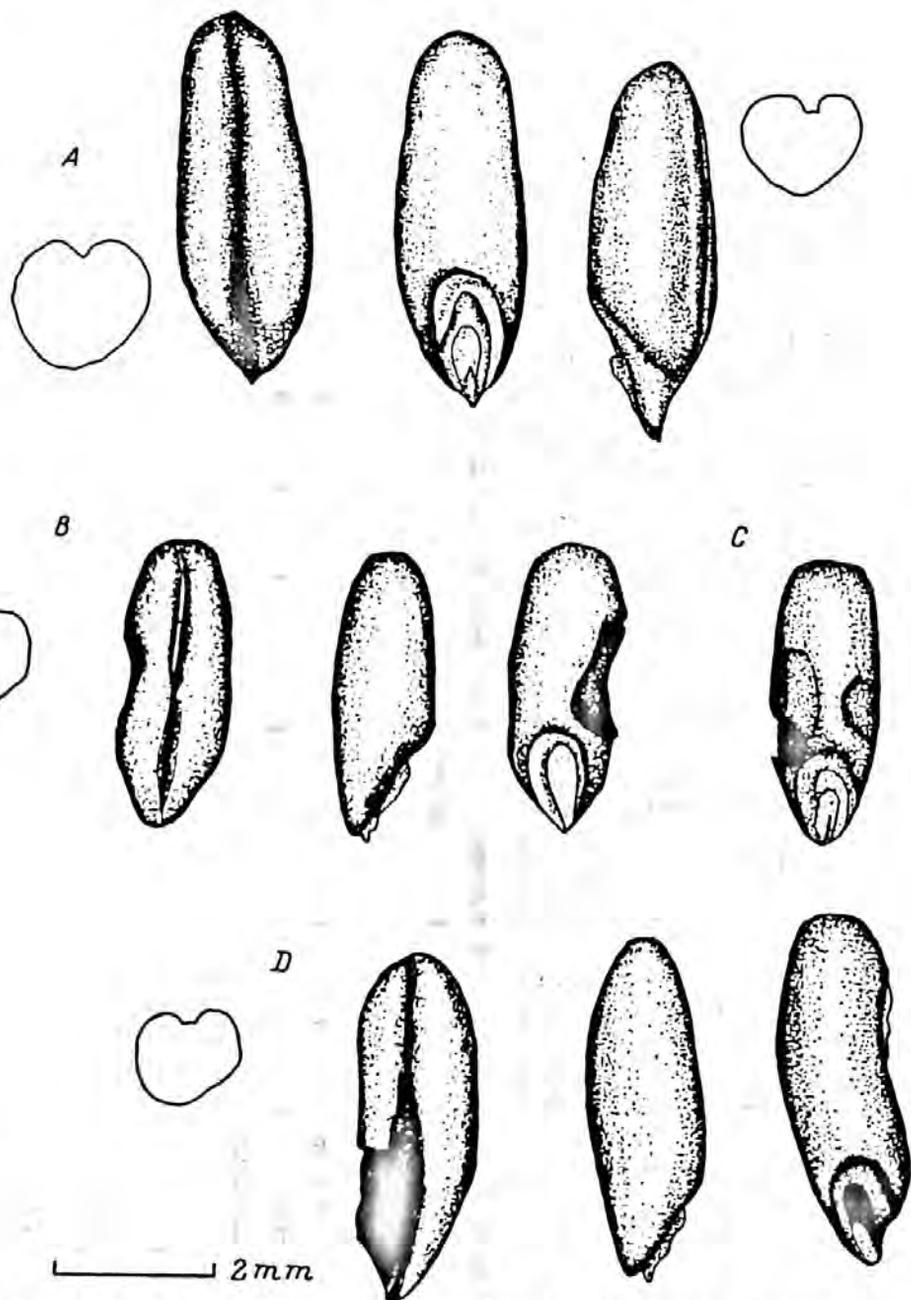
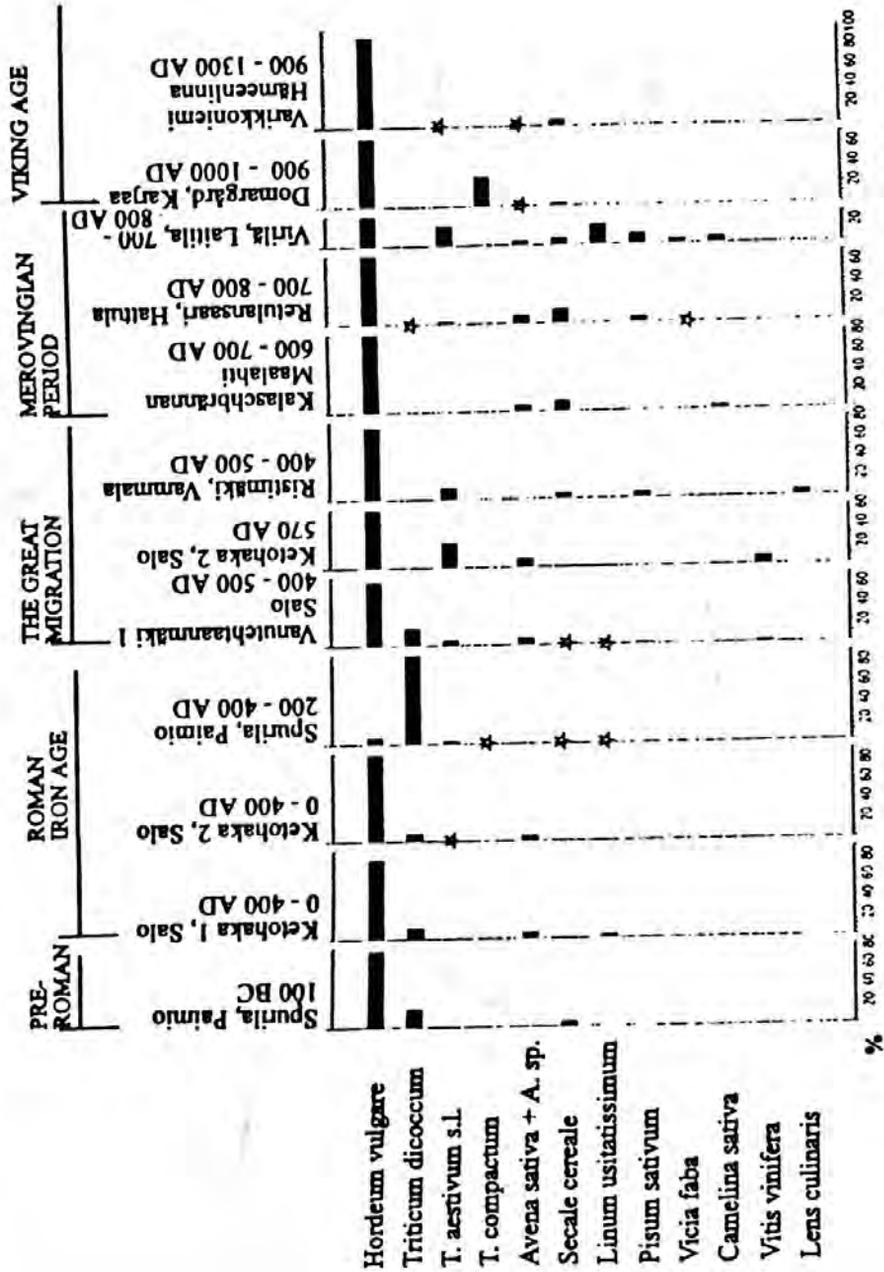

Fig. 3. Charred rye grains (*Secale cereale*) from Finnish Merovingian period
 A. A rye grain in different views, found from Retulansaari, Myllymäki (Hattula) cremation excavation, made 1976
 B—D. Three rye grains in different views from Virilä, Vainionmäki (Laitila), excavated 1993.
 Drawings M. T. Aalto

%

From the material excavated in 1993 in the Vainionmäki cremation burial ground (table 10) I have defined a wide range of cultivated plants and charred weed seeds. These Merovingian (700—800 AD) finds were made mostly in a sacrificial pit (?) found under the cairn of several cremations and in a posthole under the cairn. The cultivated plants included (table 10) barley (30%), wheat (20%) and flax (20%). The percentages of oats (4%) and rye (6%) may still be an indication of their weed-like manifestation. Pea and broad bean, as well as rye (6%), were also items on the list of finds of Vainionmäki. Gold-of-pleasure (*Camelina sativa*) was found in Vainionmäki like in Maalahti of the same period. The relatively great amount of charred flax seeds (17 in all) is prominent.

The Viking Period (800—1050 AD)

Archaeobotanical material dating from the Viking Period in Finland has been found in Domargård, Karjaa (Matiskainen 1984) and in Varikkoniemi, Hämeenlinna (Lempiäinen 1992), see fig. 1 and tables 11—12.

The grains in Domargård, Karjaa (table 11) were found in the foundations of a Viking Period dwelling, possibly a granary (Matiskainen 1984). Besides barley (68%), the percentage of club wheat (*Triticum compactum*) is significant (29%). The percentages of rye (2%) and oats (1%) are not enough for indication of cultivation of these species in the area.

The data concerning the trading centre dating from the Viking Period to the Early Middle Ages in Varikkoniemi, Hämeenlinna (Lempiäinen 1992) is based on a reasonably large quantity (2443 pieces) of identified grains (table 12). However, the majority of finds consisted of barley (92%), whereas the percentages of rye (6%), oats (1,5%) and wheat (0,5%) were low. Grains of rye were 150 pieces and might not indicate a large scale cultivation of the crop.

Results

In the tables 1—12 are listed the Finnish Iron Age cultivated plants and their find-spots (fig. 1) referred in the paper.

Conclusions

A résumé is presented from the available data of the archaeobotanical grain material found in 12 different archaeological contexts of Finnish Iron Age. Their find-spots are shown in fig. 1. and the data referred in the text are listed in tables 1—12. In a column diagram form (fig. 4, counted from the relative percentages of the species), is illustrated the presence and succession of the economic species through Finnish Iron Age. Barley (*Hordeum vulgare*) was the main cultivated crop in Iron

Fig. 4. The diagram (a Tilia-graph) of the relative grain and seed percentages of the economic plants found through Finnish Iron Age

* Indicates presence of a plant and low percentages (less than 2%)

Age (59—92%). However, there were some exceptions in cremation materials (Spurila 6%, table 4, Virilä 20%, table 10), perhaps due to the selection of the cremation offers. Emmerwheat (*Triticum dicoccum*) was cultivated already from the beginning of Pre-Roman time up to the Great Migration period, having its greatest percentage (90%, table 4) in Spurila (Late Roman period) in the selected cremation context. Other wheat species like club wheat and bread wheat (*Triticum compactum*, *Triticum aestivum*) appear in minor percentages from Roman Iron Age to Viking Age, not reflecting a pure cultivation, as an exception the Domargård Viking Age granary finds of club wheat (29%). Oats (*Avena sativa*) and rye (*Secale cereale*) grains appear as single charred grains and low percentages through all periods, showing in the beginning their possible weed-nature in barley fields. Rye (fig. 3) might have been cultivated as a crop since Merovingian Period, having its highest relative percentage in Retulansaari finds (table 10, 14%). No greater expansion of rye was manifested during Viking Age. Flax (*Linum usitatissimum*), gold-of-pleasure (*Camelina sativa*), pea (*Pisum sativum*), broad bean (*Vicia faba*), lentil (*Lens culinaris*) and grape (*Vitis vinefera*, fig. 2) complete the list of economic plants of Iron Age in Finland.

REFERENCES

PUBLICATIONS:

- Aalto, M. 1982: Archaeobotanical studies at Katajamäki, Isokylä, Salo, South-West Finland. *PACT* 7: 137—147. Helsingör.
- Aalto, P. 1984: In: Edgren, T., Salo, U. & Lehtosalo-Hilander, P.-L. 1984: *Suomen historia*. I. Espoo.
- Baudou, E., Engelmark, R., Liegren, L., Segerström, U. & Wallin, J.-E. 1991: Järnåldersbygd i Österbotten. En ekologisk-arkeologisk studier av bosättningskontinuitet och resursutnyttjande. *Acta Antiqua Osterbotniensia Studier i Österbottens förhistoria nr 2*. Scriptum; Vasa.
- Behre, K.-E. 1992: The History of Rye Cultivation in Europe. *Vegetation History and Archaeobotany* 1(3).
- Edgren, T., Salo, U. & Lehtosalo-Hilander, P.-L. 1984: *Suomen historia* I. Espoo.
- Engelmark, R. 1989: Makrofossilanalys från Kalaschabrännan, Malax. *Studia Archaeologica Ostrobotniensis* 1988.
- Engelmark, R. 1991: Miljö och jordbruksekonomi vid Kalaschabrännan, Malax. In: Baudou, E., Engelmark, R., Liegren, L., Segerström, U. & Wallin, J.-E., *Järnåldersbygd i Österbotten. En ekologisk-arkeologisk studier av bosättningskontinuitet och resursutnyttjande. Acta Antiqua Osterbotniensia Studier i Österbottens förhistoria nr 2*. Scriptum; Vasa.
- Engelmark, R., Segerström, U. & Wallin J.-E. 1993: The Palaeoecological Record of Cultivation in Ostrobothnia During the Iron Age. *Fennoscandia Archaeologica* 10.
- Kivikoski, E. 1973: Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuauflage. Helsinki.
- Lempiäinen, T. 1992: Pflanzliche Makroreste von der Wikingerzeitlichen — frühmittelalterlichen Siedlung Varikkoniemi in Hämeenlinna. *Suomen Museo* 1992.
- Luoto, J. 1985: Archaeological excavations at Spurila, 1982—1983. *Iskos* 5.
- Luoto, J., Pärssinen, M. & Seppä-Heikka, M. 1981: Grain Impression in Ceramics from Ristimäki, Vammala, Finland. *Finskt Museum* 1981.
- Matiskainen, H. 1982: Anthropographic Interpretation of the Isokylä Area, Salo, South-West Finland. *PACT* 7. Helsingör.
- Matiskainen, H. 1984: Getreidekörner aus der späteisenzeitlichen Siedlungskammer Domargård I in Karjaa, Südfinland. *Fennoscandia Archaeologica* 1.
- Meinander, C. F. 1983: Om introduktionen av sädesodling i Finland. *Finskt Museum* 1983.

- Núñez, M. G. & Vuorela, I. 1976: A Field Method for the Retrieval of Plant Remains from Archaeological Sites. *Memoranda Soc. Fauna Flora. Fennica* 52.
- Purhonen, P. & Ranta, H. 1991: *Arkeologia Suomessa. Arkeologi i Finland. Museoviraston julkaisuja*. Vammala.
- Salo, U. 1967: Die frühromische Zeit in Finnland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. *Finska Fornminnesförenings Tidskrift* 67. Vammala.
- Salo, U. 1984: Esiroomalainen rautakausi. In: *Edgren, T., Salo, U. & Lehtosalo-Hilander, P.-L. Suomen historia I*. Espoo.
- Sarkamo, J. 1970: Retulansaaren uhriröykkiö. *Suomen Museo* 77 (Referat auf Deutsch).
- Sarkamo, J. 1984: Retulansaaren «uhriröykkiö». In: *Edgren, T., Salo, U. & Lehtosalo-Hilander, P.-L. 1984: Suomen historia I*. Espoo.
- Schauman-Lönnqvist, M. 1988: Iron Age Studies in Salo. III. The Developement of Iron Age Settlement in the Isokylä Area in Salo. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. *Finska Fornminnesförenings Tidskrift* 89(2). Vammala, 1989.
- Schauman-Lönnqvist, M., Hirviluoto, A.-L., Linturi, E. & Uino, P. 1986: Iron Age Studies in Salo. I. The Research History of the Isokylä Area in Salo. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. *Finska Fornminnesförenings Tidskrift* 89(1). Vammala.
- Seppä-Heikka, M. 1981: Botanical Analysis of Plant Impressions and Silicified Seeds. In: *Luoto, J., Pärssinen, M. & Seppä-Heikka, M. 1981: Grain Impression in Ceramics from Ristimäki, Vammala, Finland. Finskt Museum* 1981.
- Seppä-Heikka, M. 1985: Grains and Seeds from Younger Roman Iron Age Excavations in Spurila. *Iskos* 5.
- Tolonen, K., Siiriäinen, A. & Hirviluoto, A.-L. 1979: Iron Age Cultivation in SW Finland. *Finskt Museum* 1976.
- Tolonen, M. 1985: Palaeoecological Reconstruction of Vegetation in a Prehistoric Settlement Area, Salo, SW Finland. *Ann. Bot. Fennici* 22.
- Zohary, D. & Hopf, M. 1993: Domestication of Plants in the Old World. *Clarendon Press*. Oxford.
- Uino, P. 1986: Iron Age Studies in Salo. II. An Iron Age Community at Ketohaka, in Salo and Other Remains of Metal Period Buildings in Finland. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. *Finska Fornminnesförenings Tidskrift* 89(1). Vammala.
- Vuorela, I. 1986: Cultural Palaeoecology in Malax. Pollen Analysis. *Nordic Late Quaternary Biology and Ecology* (ed. L.-K. Königsson). *Striae* 24.
- Vuorela, I., Saksela, A., Lempiäinen, T. & Saarnisto, M. 1992: Pollen and Macrofossil Data in Deposits in the Wooden Fortress of Käkisalmi. Dated to About AD 1200—1700. *Ann. Bot. Fennici* 29.

UNPUBLISHED SOURCES:

- Aalto, M. (1976): Retulansaaren kumpareen 152 arkeobotaaniset löydökset. (Manuscript.)
- Aalto, M. (1970—1980): Salon Isokylän Vanustehtaanmäen ja Ketohaaran rautakautiset arkeobotaaniset löydökset. (Manuscript.)
- Aalto, M. 1994: Laitilan Kodjalan Virilän arkeobotaaniset löydöt 1993. (Manuscript.)
- Kukkonen, I., Hiltunen, E., Luoto, J., Seppä-Heikka, M., Terho, A. & Tolonen, M. 1986: Lounais-Suomen metallikautinen asutuskehitys. Suomen Akatemian tutkimussopimus no. 01/332 vv. 1983—1985. Loppuraportti. (The final report of the Finnish Academy research project 01/332.)
- Sarvas, A. 1977: Hattula (Tyrvántö) Retulansaari, Myllymäki. Kumpareen 152 kaivaus v. 1976. Museoviraston esihistoriallinen toimisto, kaivauskertomus 11/1977. (Excavation report.)
- Saukkonen, J. 1989: Museoviraston kaivaukset Kodjalassa. *Varelia* 16(2): 25—29. *Julk. Vare r. y., Turun yliopiston Arkeologian osasto. Åbo Akademin kopiokeskus.*
- Seppä-Heikka, M. 1986: In: Kukkonen, I., Hiltunen, E., Luoto, J., Seppä-Heikka, M., Terho, A. & Tolonen, M. 1986: Lounais-Suomen metallikautinen asutuskehitys. Suomen Akatemian tutkimussopimus no. 01/332 vv. 1983—1985. Loppuraportti. (The final report of the Finnish Academy research project 01/332.)

FINDINGS OF IRON AGE CULTIVATED PLANTS IN FINLAND

TABLE 1.

SPURILA, PAIMIO, SEPPÄ-HEIKKA ET AL. 1986.
PRE-ROMAN PERIOD (100 BC).

Analysed locations no number of grains		CREMATION	
		n	%
BARLEY	(<i>Hordeum vulgare</i>)	43	77
EMMMERWHEAT	(<i>Triticum dicoccum</i>)	10	18
RYE	(<i>Secale cereale</i>)	3	5
		56	100

TABLE 2.

KETOHAKA 1, ISOKYLA, SALO (syn. KATAJAMAKI, AALTO, M. 1982, UIINO 1986).
ROMAN IRON AGE (0 — 400 AD).

Analysed locations no number of grains		DISCOL. SOIL							
		23		24		21		68	
		n	%	n	%	n	%	n	%
BARLEY	(<i>Hordeum vulgare</i>)	65	71	52	85	115	87	232	81
EMMMERWHEAT	(<i>Triticum dicoccum</i>)	13	14	4	7	11	9	28	10
OATS	(<i>Avena sativa</i>)	6	7	5	8	4	3	15	6
FLAX	(<i>Linum usitatissimum</i>)	7	8	—	—	1	1	8	3
		91	100	61	100	131	100	283	100

TABLE 3.

KETOHAKA 2, ISOKYLA, SALO, analysed by Aalto, cf. UIINO 1986.
ROMAN IRON AGE (0 — 400 AD).

Analysed locations no number of grains		DISCOL. SOIL							
		29		22		3		51	
		n	%	n	%	n	%	n	%
BARLEY	(<i>Hordeum vulgare</i>)	106	94	35	71	23	96	164	88
EMMMERWHEAT	(<i>Triticum dicoccum</i> , <i>T. sp.</i>)	5	4	6	13	1	4	12	7
OATS	(<i>Avena sativa</i>)	2	2	8	16	—	—	10	5
		113	100	49	100	24	100	186	100

TABLE 4.

SPURILA, PAIMIO, SEPPÄ-HEIKKA 1985, 1986.
LATE ROMAN PERIOD (200—400 AD).

Number of specimen number of grains		CREMATION	
		n	%
BARLEY	(<i>Hordeum sp.</i>)	28	6
EMMMERWHEAT	(<i>Triticum dicoccum</i>)	394	90
WHEAT	(<i>T. aestivum</i> , <i>T. compactum</i>)	13	3
RYE	(<i>Secale cereale</i>)	3	0.6
FLAX	(<i>Linum usitatissimum</i>)	1	0.4
		439	100

TABLE 5.

VANUTEHTAANMAKI 1, ISOKYLA, SALO. Excavated by Linturi 1979—1980, analysed by Aalto (unpubl.).

THE GREAT MIGRATION (400—500 AD).

Analysed locations no number of grains	SOOTPIT(-79) (158/520)		POST- HOLES(-80)		TOTAL	
	n	%	n	%	n	%
BARLEY (<i>Hordeum vulgare</i>)	76	76	168	61	244	65
EMMERWHEAT (<i>Triticum dicoccum</i>)	10	10	54	20	64	17
WHEAT (x6, <i>T. aestivum s.l.</i>)	—	—	18	8	18	5.5
OATS (<i>Avena sativa</i> + <i>A. sp.</i>)	9	9	19	7	28	7
RYE (<i>Secale cereale</i>)	4	4	—	—	4	1
FLAX (<i>Linum usitatissimum</i>)	1	1	—	—	1	0.4
PEA (<i>Pisum sativum</i>)	—	—	6	2	6	2
WINEGRAPE (<i>Vitis vinifera</i>)	—	—	6	2	6	2
	100	100	271	100	371	100

TABLE 6.

KETOHAKA 2, ISOKYLA, SALO, CAIRN 11.

THE GREAT MIGRATION PERIOD (AD 570, HEL-1566, UINO 1986).

Analysed locations no grains	DISCOLORED SOIL	
	n	%
BARLEY (<i>Hordeum vulgare</i>)	7	59
WHEAT (<i>Triticum aestivum s.l.</i>)	3	25
OATS (<i>Avena sativa</i>)	1	8
WINEGRAPE (<i>Vitis vinifera</i>)	1	8
	12	100

TABLE 7.

RISTIMÄKI, VAMMALA (SEPPÄ-HEIKKA IN LUOTO ET AL. 1981).

THE GREAT MIGRATION (400—500 AD).

grainimprints and silicified seeds	CREMATION	
	n	%
BARLEY (<i>Hordeum sp.</i>)	14 (imprints)	74
WHEAT (<i>Triticum cf. aestivum</i>)	2	11
RYE (<i>Secale cereale</i>)	1	5
PEA (<i>Pisum sp.</i>)	1	5
LENTIL (<i>Lens culinaris</i>)	1 (silific.)	5
	19	100

TABLE 8.

KALASCHABRANNAN, MAALAHTI (ENGELMARK 1989, BAUDOU et al. 1991).

MEROVINGIAN PERIOD (600—700 AD).

Analysed locations: POST-HOLES, DISCOLORED SOIL, PLOUGH TRACES number of grains		
	n	%
BARLEY (<i>Hordeum vulgare</i>)	42	80
OATS (<i>Avena sativa</i>)	3	6
RYE (<i>Secale cereale</i>)	5	10
GOLD-OF-PLEASURE (<i>Camelina sativa</i>)	2	4
	50	100

TABLE 9.

MYLLYMÄKI, RETULANSAARI, HATTULA (TYRVANTO),
excavated by SARVAS (1976, cf. SARKAMO 1970), det AALTO (unpubl.).
MEROVINGIAN PERIOD (700—800 AD).

Excav. levels number of grains		CAIRN 152				TOTAL	
		III	IV	V	VI	n	%
BARLEY	(<i>Hordeum</i>)	68	87	22	28	205	70
WHEAT	(<i>Triticum sp.</i>)	3	4	—	—	7	2.7
EMMMERWHEAT	(<i>T. dicoccum</i>)	—	—	—	1	1	0.3
OATS	(<i>Avena sativa</i>)	4	4	8	7	23	8
RYE	(<i>Secale cereale</i>)	14	13	7	5	39	14
PEA	(<i>Pisum sativum</i>)	4	4	6	2	16	5
BROADBEAN	(<i>Vicia faba</i>)	—	—	—	1	1	0.3
		93	112	43	44	292	100

TABLE 10.

VIRILA VAINIONMÄKI, KODJALA, LAITILA, cairn of cremations,
excavated 1993 by Saukkonen, det. AALTO 1994 (cf. PURHONEN & RANTA 1991).
MEROVINGIAN PERIOD (700—800 AD).

Analysed locations Number of locations number of grains		CAIRN OF CREMATIONS			TOTAL	
		SACRIF. PIT(?)	POST- HOLE	OTHER	n	%
BARLEY	(<i>Hordeum vulgare</i>)	15	7	3	25	30
WHEAT	(<i>T. aestivum s.l.</i>)	12	2	3	17	20
OATS	(<i>Avena sativa</i>)	2	—	1	3	4
RYE	(<i>Secale cereale</i>)	5	—	—	5	6
PEA	(<i>Pisum sativum</i>)	3	—	5	8	10
BROADBEAN	(<i>Vicia faba</i>)	3	—	—	3	4
FLAX	(<i>Linum usitatiss.</i>)	4	12	1	17	20
GOLD-OF-PLEASURE	(<i>Camelina sativa</i>)	5	—	—	5	6
		49	21	13	83	100

TABLE 11.

DOMARGARD I, KARJAA (MATISKAINEN 1984).
THE VIKING PERIOD (900—1000 AD).

Analysed sample number of grains		A HOUSE FLOOR (A GRANARY ?)	
		n	%
BARLEY	(<i>Hordeum vulgare</i>)	119	68
WHEAT	(<i>Triticum compactum, T. sp.</i>)	51	29
OATS	(<i>Avena sp.</i>)	2	1
RYE	(<i>Secale cereale</i>)	3	2
		175	100

TABLE 12.

VARIKKONIEMI, HAMEENLINNA, (LEMPIÄINEN 1992).

THE VIKING PERIOD-EARLY MIDDLE AGES (900—1300 AD).

Analysed sample number of grains		SETTLEMENT	
		n	%
BARLEY	(<i>Hordeum vulgare</i>)	2249	92
WHEAT	(<i>Triticum cf. aestivum</i>)	10	0.5
OATS	(<i>Avena sativa</i>)	34	1.5
RYE	(<i>Secale cereale</i>)	150	6
		2443	100

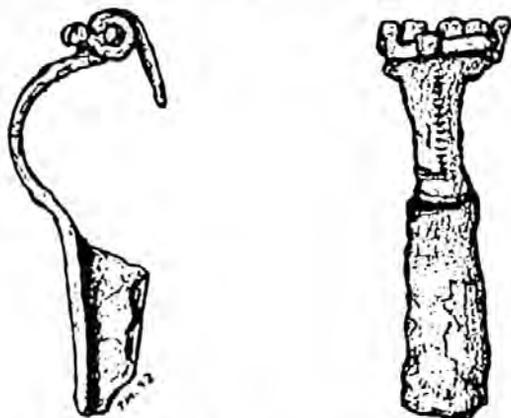
ИЗМЕНЕНИЕ КАРТИНЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА СЕВЕРНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

В соответствии с господствующим до последнего времени представлением, на северном побережье восточной части Финского залива существовал, во всяком случае в отношении археологических памятников, хронологический перерыв и перерыв в развитии культуры от конца бронзового века до эпохи раннего средневековья, то есть более полутора тысяч лет. Согласно ему, могильники римского железного века располагались в восточной части Уусимаа, в районе г. Порво, и после эпохи переселения народов более не проявлялись восточнее Западной Уусимаа Карья* (Salo 1984, 200, 235).

Эта картина культуры железного века была существенно изменена начатыми в 1990 г. работами губернского музея Кюменлааксо по исследованию каменных насыпей. Оказалось, что на этой территории на протяжении железного века почти непрерывно происходило развитие культуры и, очевидно, существовала преемственность в населении. Изменение этой картины убедительно говорит о том, что критикой источников необходимо заниматься в соотнесенности их с историей исследований: карта распространения памятников на какой-нибудь территории может отражать более состояние ее изученности, чем археологическую действительность. До 1990-х гг. на архипелаге и побережье Кюменлааксо проводились лишь незначительные раскопки погребений под каменными насыпями, не принесшие датированных находок, да и то прежде всего исследовались насыпи типа хииденкиуас. Очевидно, имеются основания относиться еще более осторожно к предполагаемым перерывам и пробелам в развитии культуры; прочная традиция могильников эпохи бронзы на побережье Кюменлааксо — более пятидесяти насыпей типа хииденкиуас — уже сама по себе говорит против разрыва в традиции при переходе к младшей эпохе металла. На рассматриваемой территории продолжение развития культуры, видимо, основывается главным образом на промысловой структуре: на архипелаге Кюменлааксо были необычайно хорошие условия для охоты на тюленей, которая, как видно, продолжалась там интенсивно с каменного века и через эпоху металла существует до настоящего времени. Другим сильным фактором развития была наиболее значительная в южной части Финляндии область ловли лосося — порожистая р. Кюмиёки с притоками.

Современная ситуация в изучении железного века прослеживалась, собственно говоря, уже в середине 1980-х гг., когда проведенные Мирьями Толонен палеоботанические исследования показали, что выращивание ячменя началось на берегу залива Вехкалаhti уже в доримском железном веке, а постоянные занятия земледелием — в

* В подобных топонимах первое название относится к приходу, второе — непосредственно к месту находки (деревне, хутору и т. д.).

Илл. 1. Петлеви́дная фибула основной серии старшего римского времени. КМ 27059 : 1. Найдена в каменном ящике в погребении из Пюхтя Струканкаллиот при раскопках сотрудниками губернского музея Кюменлааксо в 1991 г. (Рисунок Т. Миедтинена)

эпоху викингов (Толонен 1986, рукопись). Могильщик римского времени в Струканкаллиот в Пюхтя и могильники в Вехкалаhti Куорсало и Вястари естественным образом укладываются в общую картину диаграммы Толонен. Ее новое исследование показывает, что культивирование ячменя в форме подсеянного земледелия проявляется на территории Куорсало уже в первой половине эпохи бронзы — в 1100-е гг. до н. э. (Толонен, устная информация). В более ранних находках на побережье Кюменлааксо уже были отчетливые указания на радикальные изменения картины железного века. Наконечник копья из Вехкалаhti Пеккола был интерпретирован как относящийся к раннему железному веку. Также на западном берегу Ахвиакоски, на р. Кюмиёки в Аньяланкоски, найдена керамика, очевидно, железного века. Речь может идти в данном случае о поселении ловцов лосося, относящемся к железному веку, таком же, как в Северной Кюменлааксо: в Северной Кюменлааксо издавна известные поселения эпохи викингов располагаются именно на месте лососевых порогов (Miettinen 1990, 77).

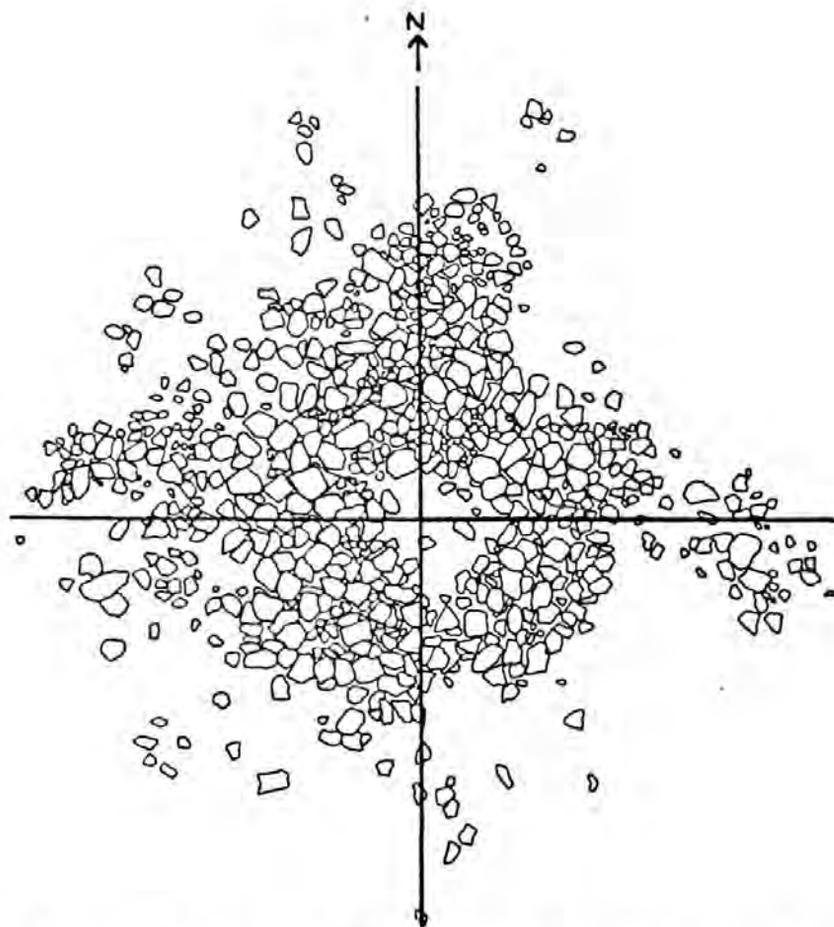
Исследование найденное в 1989 г. на территории притока Пюхтя, одного из западных рукавов Кюмиёки, могильщика Струканкаллиот, содержащего более десяти погребений под каменными насыпями, было стартовым выстрелом для проекта изучения погребений под каменной насыпью в Кюменлааксо, а также для изменения существующей картины железного века на северном побережье восточной части Финского залива. Из погребений раскопаны лишь три, но очевидно, что все представляют один и тот же период — римский железный век.

Из исследованных погребений, пожалуй, наиболее значимым является третье погребение — прямоугольное по форме с продольными стенами из каменных плит, не имеющие каменного заполнения захоронение в открытом каменном ящике, похоже, уникальное в Финляндии. Найденные в могиле петлеви́дные фибулы основной

серии относят ее непосредственно к началу новой эры, к раннему римскому времени; второй фибуле можем найти почти идентичную аналогию из погребения в Карья Крогтердсмалма (Salo 1968, Tab. 4: 3). Находящаяся с северной стороны этого погребального сооружения и содержащая парное захоронение могила под каменной насыпью, вторая могила, датируется, со своей стороны, по найденной в ней половинке бусины с золотой фольгой, наиболее вероятно, концом младшего римского времени. Также вполне может быть, что она представляет исключительно период захоронений в ящиках; рассматриваемый тип вещи, как правило, не наблюдается до 300-х гг.

В Вехкалаhti Куорсало исследованы две могилы на береговых скалах, погребение под каменной насыпью типа хииденкиуас и ромбовидная конструкция типа ладьевидных вымоستок, в которой не оказалось находок. В каменной насыпи нашли, помимо прочего, черешковый наконечник стрелы со срезанным острием, появляющийся в наших раскопках обычно лишь начиная с эпохи переселения народов (Kivikoski 1973, 54, Abb. 37). Поскольку ни по одной из изученных на территории Кюменлааксо могил нет еще радиоуглеродных датировок, мы не знаем, относится ли погребение из Куорсало к среднему или позднему железному веку. Высота насыпи над уровнем моря 7 м, что делает возможной более раннюю датировку. Ладьевидная вымостка из Куорсало датируется по высоте над уровнем моря тем же временем, что и каменная насыпь; в любом случае, это, кажется, первая ладьевидная вымостка в нашей стране, относящаяся к железному веку. Остальные ладьевидные вымостки побережья и островов Кюменлааксо, каковых всего шесть, находятся на той же высоте, что и сооружения типа хииденкиуас (в среднем 15 м выше уровня моря).

В Вехкалаhti Таммио Вястари исследована относящаяся к эпохе викингов могила под каменной насыпью, которая по своей конструкции также является могилкой на прибрежной скале типа хииденкиуас, что и насыпи римского времени в Пухтя Струка: лишь посреди насыпей есть слой земли, в котором находились вещи. Из погребения в Вястари, наряду с железным ножом и оплавившимися фрагментами бронзовых украшений, происходит около 60 обломков трехчастного украшенного прорезным орнаментом гребня, который по своему типу и датировке представляет скандинавскую культуру викингов. Подобные вещи, кажется, ранее не находились, во всяком случае так далеко на востоке Финляндии. Поскольку с бронзовыми украшениями был найден маленький перстенок, речь, возможно, идет о женском захоронении. Относящаяся к насыпи конструктивная особенность — расположенные по сторонам света выступы, из которых северный совершенно цел и органически связан с насыпью, — по полученным мною сведениям, не является уникальной у нас: в районе островного моря, очевидно, имеется несколько аналогичных данному явлению (Т. Эдгрен, устная информация), также подобного типа структуры известны и на Карельском перешейке (А. Сакса, устная информация). Найденная рядом с этой насыпью небольшая куча камней, удлиненная, «каплевидная» по форме, тоже оказалась погребением. В ее центральной части найден фрагмент бронзового стержня, а также уголь. Высота наиболее крупной на-

Илл. 2. Погребение под каменной насыпью эпохи викингов из Таммио Вястари в Вехжалахти. По краям округлой в плане насыпи имеются отвечающие странам света выступы, из которых находящийся с северной стороны насыпи наиболее хорошо сохранился. Раскопки сотрудниками губернского музея Кюменлааксов в 1993 г. (Рисунок Т. Миеттинена)

сыпи над уровнем моря в Вястари составляет 6 м, более маленькой 5,2 м.

Летом 1994 г. на маленьком острове Пёрстинг, в южной части Куорсало, была исследована насыпь, которая оказалась по конструкции двухчастной. Под камнями насыпи открылся сделанный как минимум пару столетий назад из камней насыпи навигационный знак (куммели); камни в основе насыпи принадлежали древней могиле с кольцом из камней; посередине вымостки обнаружено также немного угля. Высота насыпи над уровнем моря всего лишь 4,5 м, так что она не может быть старше тысячи лет. Тогда еще остров был небольшим скалистым островком, и его использование под

место захоронения было практически возможным, в принципе, без расположенных рядом могил Куорсало (речь идет о традиции хоронить на островах в пределах территории могильников).

Продолжение погребальной традиции эпохи металла, проявляющееся в могилах под каменной насыпью, наиболее хорошо видно именно в пределах восточной группы островов залива Вехкалаhti. В северной части Куорсало, на материке, имеется значительный могильник, состоящий из насыпей типа хийденкиуас и двух меньших насыпей, очевидно, относящихся к железному веку. В западной части острова Вястари и на западном конце острова Таммио имеются расположенные далеко в сторону моря каменные груды типа хийденкиуас; погребение эпохи викингов и, вероятно, могила эпохи бронзы расположены напротив друг друга на берегу того же залива. Полученная из болота Сурсуо в Куорсало при определении образца торфа дата по C^{14} , указывающая на использование ячменя на прилегающей территории уже в первой половине эпохи бронзы, свидетельствует отчасти о мощности развития земледелия на этой территории. На основании археологических результатов все же наблюдается некоторый разрыв в период римского железного века. На этот период, с другой стороны, падает существование могильника Пюхтя Струканкаллиот. Второй центр железного века побережья Кюмиёки, на котором, похоже, хронологически находился культурный фон в области западного рукава Кюмиёки, — поселения эпохи раннего металла из Руотсинпюхтя Койракаллио: там встречается, во всяком случае, асбестовая керамика типа Лууконсаари. Есть, впрочем, основания удивляться тому, что ни в одной из исследованных до настоящего времени могил не найдено керамики. Похоже на то, что на побережье Кюменлааксо и на островах традиция возводить каменные насыпи продолжалась от эпохи бронзы до конца доисторического времени. Морфологическое развитие могильников, таким образом, здесь значительно отличается от западной Финляндии: речь может идти именно о присущей островной области особой черте. Может оказаться, что на всей территории восточнее Финского залива фиксируется такой же уровень развития человека. На могильниках железного века Карельского перешейка погребения под каменными насыпями известны вплоть до второй половины железного века (А. Сакса, устная информация).

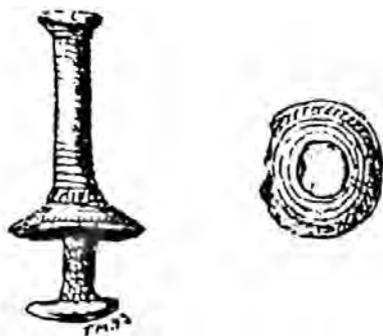
Находка погребения эпохи викингов в Вястари на северном побережье восточной части Финского залива не была совсем неожиданной. А. М. Таллгрэн раскопал в 1910-е гг. в Виролахти, на острове Эссаари, входящем в оставшуюся по ту сторону границы государства группу островов, на высоте 6 м от уровня моря четырехугольную каменную насыпь, которую он на основании найденного в могиле скандинавского наконечника копья интерпретировал как «могилу воина-викинга» (Tallgren 1918, 20—24). Происхождение найденных в могиле поясных накладок Таллгрэн искал в арабском культурном мире. Форму могилы он считал неизвестной среди могильников эпохи викингов, отсылая к могилам типа Стейнрайх, известным в землях вдоль Балтийского моря. Культурная многогранность погребения на Эссаари может быть отчасти сопоставима с погребением в каменном ящике из Струканкаллиот и вы-

ражает характерную для побережья Кюменлааксо и прилегающей территории самобытную погребальную традицию. В этой связи следует упомянуть также исследованное Э. Кивикоски в 1939 г. погребение под насыпью, представляющее собой скандинавский тип хёг, для нас, во всяком случае к моменту находки, уникальное, находившееся на территории, также оставшейся по ту сторону границы в Виролахти Орслаhti, и остов корабля викингов из Виролахти Лапури, радиоуглеродная дата которого конец X в.

Очевидно, что мы не сможем на основании полученных к настоящему времени находок железного века основательно ответить на вопросы, касающиеся развития культуры железного века на побережье Кюменлааксо. Отчасти это следствие общей ситуации в изучении железного века. Поскольку мы недостаточно знаем демографию того времени, количественные соотношения между могильниками и стоящими за ними популяциями, мы можем с помощью упомянутых выше находок лишь предварительно обрисовать происхождение, устройство и величину населения железного века побережья Кюменлааксо. Во всяком случае, очевидно, что величина могильника Струканкаллиот должна указывать на местное постоянное население земледельцев (серп из второго погребения). В этой связи можно отослать читателя к расположенной западнее находке доримского времени из Перная Малмсбю, содержавшей серпы и финско-балтийские вещи. Нет оснований сомневаться, что на территории Куорсало Тамми проживало и передвигалось местное постоянное население, которое уже в бронзовом веке было знакомо с земледелием и занималось интенсивной охотой на тюленей начиная с эпохи культуры гребенчатой керамики. Сошлемся опять же на ту количественную основу, выражающую продолжение заселенности, которая наблюдается в относительно богатом погребальном материале — более полусотни хвиденкиуас — предыдущей эпохи металла. Невозможно предположить, что население и его культурное развитие оборвались на этой экологически и в промысловом отношении очень выгодной территории при переходе к следующему историческому периоду.

Многогранность культурных влияний является отчетливой чертой материала изученных к настоящему моменту могил. Это вообще типично для международной зоны побережья. Исходная территория и взаимное соотношение этих вещей все же являются довольно сложной проблемой. Например, тип могилы в каменном ящике из Струка может происходить как из Прибалтики, так и из Скандинавии; петлевидные фибулы могут быть импортом из Прибалтики, но нахождение оружия в могилах опять же чуждая для Прибалтики черта. То же раздвоение наблюдается, к примеру, с находкой норландской фибулы из Тютяrsaари; найденная на месте керамика близка к балтийскому типу (Сагрелан 1980); найденный во второй могиле из Струканкаллиот кусок березовой смолы указывает на западные, скандинавские связи (Edgren 1993, 15—16); ладьевидные выкладки побережья и островов Кюменлааксо, бесспорно, являются скандинавскими по происхождению, прежде всего готландскими.

В этом отношении есть причина упомянуть также исследованное мною в 1991—1992 гг. погребение типа хвиденкиуас в Котке, в Са-

Илл. 3. Двойная шиповидная пуговица с маленькими пластинами из IV периода бронзового века. КМ 27680 : 1. Найдена в насыпи типа хииденкиуас в Кварниеси Саловаара неподалеку от г. Котка при раскопках сотрудниками губернского музея Кюменлааксо в 1992 г. (Рисунок Т. Мисттинена)

каменной насыпью в эпоху бронзы и железного века также приобретает аналогичные черты по мере развития исследований. Все это более наглядно указывает на продолжение населения и культуры на нашем побережье. Таких датирующихся VIII периодом бронзового века вещей найдено в Зелландии около 200 экз., в Швеции — около 50 экз. и на Готланде — 2 экз. (Baudou 1960, 87—88). В случае с хииденкиуас из Саловаара с ее северной стороны находилась ладьевидная конструкция, соединявшаяся с насыпью каменной перемычкой; и в этом случае речь может идти о могилах, хотя вещей здесь также не было найдено.

Поскольку и по этой могиле не имеется радиоуглеродной даты, мы не знаем, какой промежуток времени прошел между изготовлением пуговицы и моментом совершения погребения и возведения насыпи. Незначительная разница во времени могла бы указывать даже на то, что скандинавские колонисты могли поселиться в устье Кюмиёки уже около 3000 лет назад (разница в несколько столетий указывает опять же на то, что на восток постепенно, посредством торговли на побережье, переместилась отдельная вещь). Относительно значительное количество ладьевидных насыпей побережья Кюменлааксо — больше, чем в целом в остальной материковой Финляндии, — может свидетельствовать о деятельности скандинавов, прежде всего выходцев с Готланда, направленной на развитие мореходства в этой области. Тогда речь должна идти о притягательной силе Кюмиёки, большой лососевой реки южной Финляндии, и организации на основе ловли лосося с выходом на торговлю им социальной и торговой системы, которая могла приобрести международный характер уже в эпоху неолита. Вспомним, что экспансия центральнонорусской ямочной керамики на запад остановилась у р. Кюмиёки и экспансия культуры Киукайнен на восток на территории современной Финляндии остановилась в тех же пределах. Это могло отчасти активизировать культурное развитие таким образом, что в восточной части архипелага Кюменлааксо уже в первой по-

ловаара, в котором найдена двойная пуговица с маленькими пластинами и шиповидной головкой, указывающая либо опосредованно, либо напрямую на связи с южной Скандинавией. Это датская по происхождению вещь является первой металлической находкой эпохи бронзы на территории Кюменлааксо и в то же время по качеству первой такой находкой во всей стране. Упомянутая находка также перенесла границу распространения погребений с вещами эпохи бронзы от района Хельсинки к устью р. Кюмиёки. Похоже на то, что, кроме Финского залива, на побережье Ботнического залива распространение погребений под

Илл. 4. Каменная насыпь типа хиденкиуас из Каарниemi Саловаара близ г. Котка. Находящаяся с ее северной стороны ледяная вымостка соединяется с насыпью перемишкой. Раскопки сотрудниками губернского музея Кюменлааксов в 1992 г. (Рисунок Е. Миеттинена)

ловине эпохи бронзы начали заниматься земледелием; земледелие могло проникнуть сюда и с востока, на что указывает недавняя датировка занятия земледелием в области Южной Саймы, в Тайпалсаари, в эпоху бронзы. Наиболее важной местной формой промысла, как уже отмечалось, была все же ловля тюленей, имевшая наилучшие условия именно среди цепи островов в восточной части Вехкалаhti. Очевидно, именно поэтому мощная преемственность в развитии культуры эпохи металла наблюдается на всей территории побережья Кюменлааксо. Многогранная и гибкая система хозяйства зародила и в других частях побережья и островной зоны постоянные популяции, с которыми мореплаватели Балтии и Скандинавии могли заниматься торговлей.

ЛИТЕРАТУРА

- Baudou, E. 1960: Die regionale und chronologische Einleitung der jüngeren Bronzezeit im Nordischen Kreis. *Acta Universitatis Stockholmiensis*.
- Carpelan, Ch. 1980: Contacts in the Northern Baltic Region as shown by Ceramics. *Fennougrici et Slavi 1978. Helsingin yliopiston arkeologian laitos, moniste n:o 22*.
- Edgren, T. 1993: Lavansaaren Suursuonmäen röykkiöhaudat. *Suomen Museo 1992*.
- Kivikoski, E. 1973: Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text.
- Miettinen, T. 1990: Valkealan historia I. Valkealan esihistoria.
- Salo, U. 1968: Die frühromische Zeit in Finnland. *SMYA 67*.
- Salo, U. 1984: Pronssikausi ja rautakauden alku. *Suomen historia 1*.
- Tallgren, A. M. 1918: Muutamia uusia muinaislöytöjä ja kaivauksia. *Suomen Museo*.
- Tolonen, M. 1986: Esihistoriallinen ihminen luonnon muuttajana; siitepölyanalyysi Kymenlaakson asutushistoriallisessa tutkimuksessa. Käsikirjoitus. *Helsingin yliopiston kasvitieteen laitos*.

LATER IRON AGE FINDS
FROM NORTHERN FINLAND

1. Introduction

In Finland north of 65°N lat. iron was produced in a modest scale already in the first millennium BC in a cultural context defined by asbestos ware pottery of the Kjelmoøy type (Kehusmaa 1972, 32—49, 80—88; Schulz 1986; Kotivuori 1992; cf. Solberg 1909). The production of iron as well as of pottery appears to have ceased about AD 300. It is thought that, during the Roman Iron Age, the agrarian societies of Scandinavia and Finland, participating in a European trade network, developed activity towards northern Fennoscandia. This probably had an effect on the local hunting and fishing societies, identified as *Saami*, indicated archaeologically by the changes mentioned above, in addition to a flow of foreign artifacts towards the north (Carpelan 1979; Carpelan 1994).

The Postceramic Iron Age of Northern Finland covers the period AD 300—1300. Not many sites and other fixed objects of the period are identified and investigated and most of them, representing an extension of the southern agricultural society, are discovered along the coast of the Gulf of Bothnia and the Tornio River (Koivunen 1992; Mäki vuoti 1992). The greater part of the Postceramic Iron Age material of northern Finland consists of accidental finds: metal artefacts produced outside the region. Therefore Postceramic Iron Age archaeology of northern Finland is largely a question of determining types and dates of artefacts and detecting their provenances. Thus the study of the Postceramic Iron Age of northern Finland easily loses its priority and turns to a subordinated extension of the study of the Iron Age/Medieval Period of the regions of production of the artefacts. As a consequence of this, the picture of the North-Finnish Postceramic Iron Age is dominated by frameworks, questions, and explanations based on alien cultural identities.

The study of the Postceramic Iron Age of northern Finland must, of course strike for setting a framework and formulating questions based on the local circumstances, but the task is not easy. The study should be based on fixed monuments (settlements, cemeteries, sacred sites *etc.*) of the local population — the *Saami* — and artifacts produced by them. As indicated above, the material is insufficient. The foreign artefacts, on the other hand, reflect the interaktion between the *Saami* and outside societies. Hence the foreign material is also a part of the *Saami* culture. At the same time the foreign material reflects the outside societies and, in particular, subcultures within them devoted to maintaining northern connections that possibly included new-settling.

My aim with this paper is to review some recent finds representing the Later Postceramic Iron Age (AD 800—1300, *i. e.* the Viking Age and Crusade Period; *e. g.* Kivikoski 1973, 10) and consider them in their historical contexts.

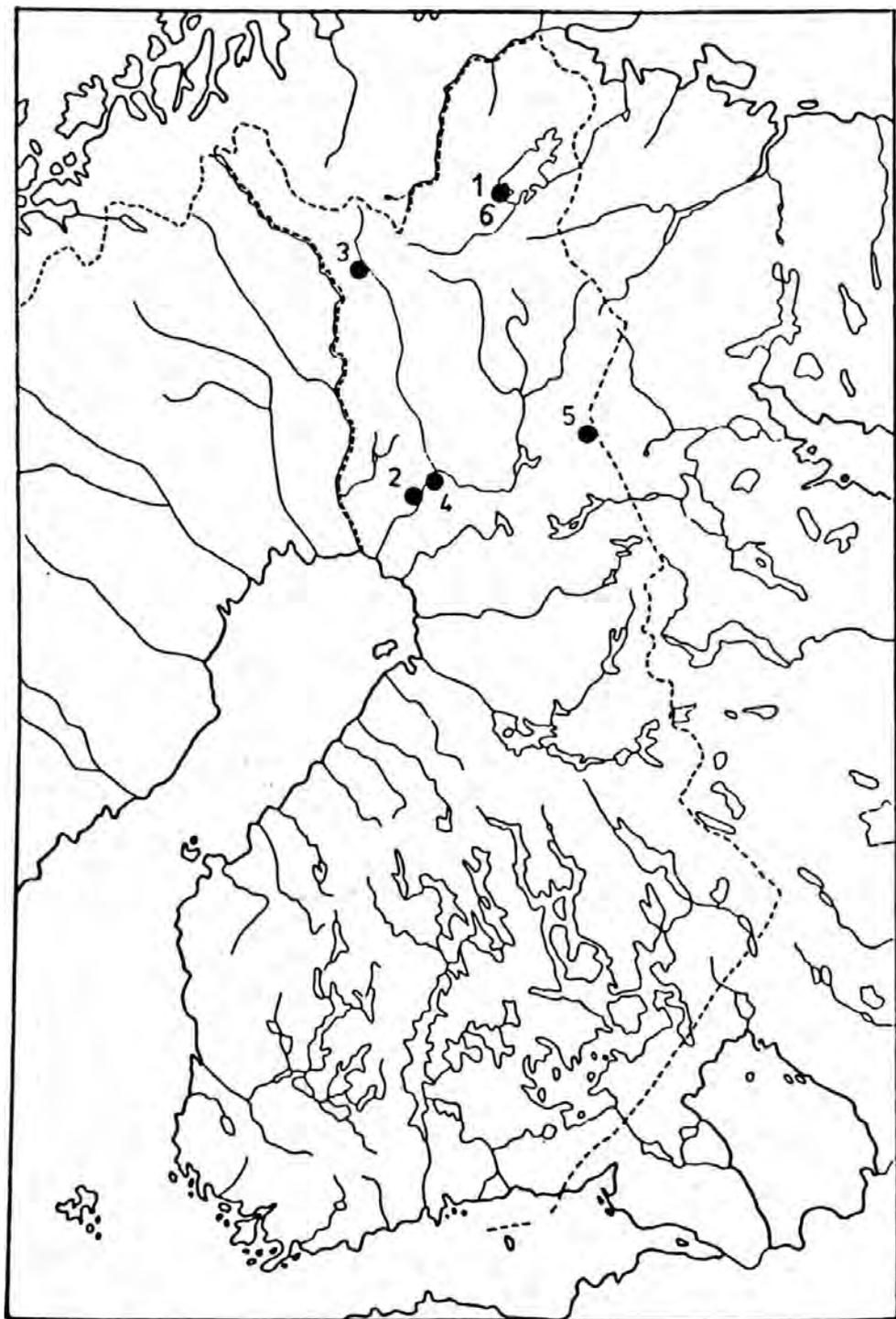

Fig. 1. Map of northern Finland with the sites referred to indicated: (1) Rahajärvi; (2) Muurola; (3) Ketomella; (4) Pöykkölä; (5) Onkamo; (6) Rahajärvi

2. Recent Finds

Since 1992 five metal artifacts dating to this have been described by Aki Arponen (1992; 1993), Hannu Kotivuori (1993a, b), and Marja Mustakallio-Jussila (1993) in *Raito*, a semipopular series published by the Lapland County Museum. One further artefact is not yet reported in print. These accidental and, perhaps with the exception of one, isolated finds is indicated on the map (fig. 1).

2.1. A bronze object discovered in 1992 on the shore of Lake *Rahajärvi*, Inari (fig. 1: 1), is in private possession. In 1993 a video tape with good shots of the specimen was shown to me. It was possible to identify a *convex oval brooch* of the Scandinavian Viking Age type *R 647*, but at present I am not able to confirm the correct Petersen subtype. Three brooches of type *R 647* were earlier discovered in northern Finland (Huurre 1983, 356), two of which were found by Lake *Suolijärvi* in Posio as early as 1868 (fig. 2 a, b; Kotivuori 1993b, 43—45). Sjøvold (1974, 204) reports 34 such brooches from northern Norway while Serning (1960, 36—37) and Zachrisson (1976, 33, 114, fig. 42) mention 9 from northern Sweden. *R 647* dates to the 9th century.

2.2. A bronze *penannular brooch* which rolled ends representing a subtype identified by the flat ring (fig. 3) was discovered already in 1976 by the river *Kemijoki* at *Muurola*, Rovaniemi Rural Municipality (fig. 1: 2), and delivered to the Lapland County Museum in 1992 (Kotivuori 1993a). The brooch is plated and, in spite of corrosion, it is possible to notice incised ornamentation. Earlier two penannular brooches with rolled ends (one of silver) were discovered in northern Finland but they represent a subtype where the ring is triangular in section (Huurre 1983, 352). In Finland both of these subtypes seem to occur more frequently within the western cultural sphere than elsewhere. However similar brooches are found also in Ingria and south of lake *Ladoga* (Мальм 1967, 153—155, 176—178). The subtypes are dated to the period 850—1150 (Salmo 1956, 72—75; Lehtosalo-Hilander 1982, 100—101; Huurre 1983, 353).

2.3. A *shield boss shaped brooch* of bronze (fig. 4) was discovered in 1987 by the river *Ounasjoki* at *Ketomella*, Enontekiö (fig. 1: 3), and delivered to the Lapland County Museum in 1992 (Mustakallio-Jussila 1993). Three brooches representing the same type, but made of silver, were earlier discovered in northern Finland as parts of silver hoards. Some 20 specimens are reported from northern Sweden and Norway. Such brooches occur more frequently within the Western Finnish cultural sphere and Estonia than elsewhere. The type is dated to the 11th and 12th centuries (Huurre 1983, 355).

2.4. A *chain holder* of bronze (fig. 5) was discovered already in the late 1960ies by the river *Kemijoki* at *Pöykkölä*, City of Rovaniemi (fig. 1: 4), and delivered to the Lapland County Museum in 1992 (Kotivuori 1993a). Representing a common Eastern-Finnish-Karelian type dated to the 12th and 13th centuries, it is part of a woman's set of ornaments (Kivikoski 1973, fig. 1114). It is the first of its kind in northern Finland, even if other women's ornaments of Karelian provenance of the period are known from the region (Huurre 1983, 357).

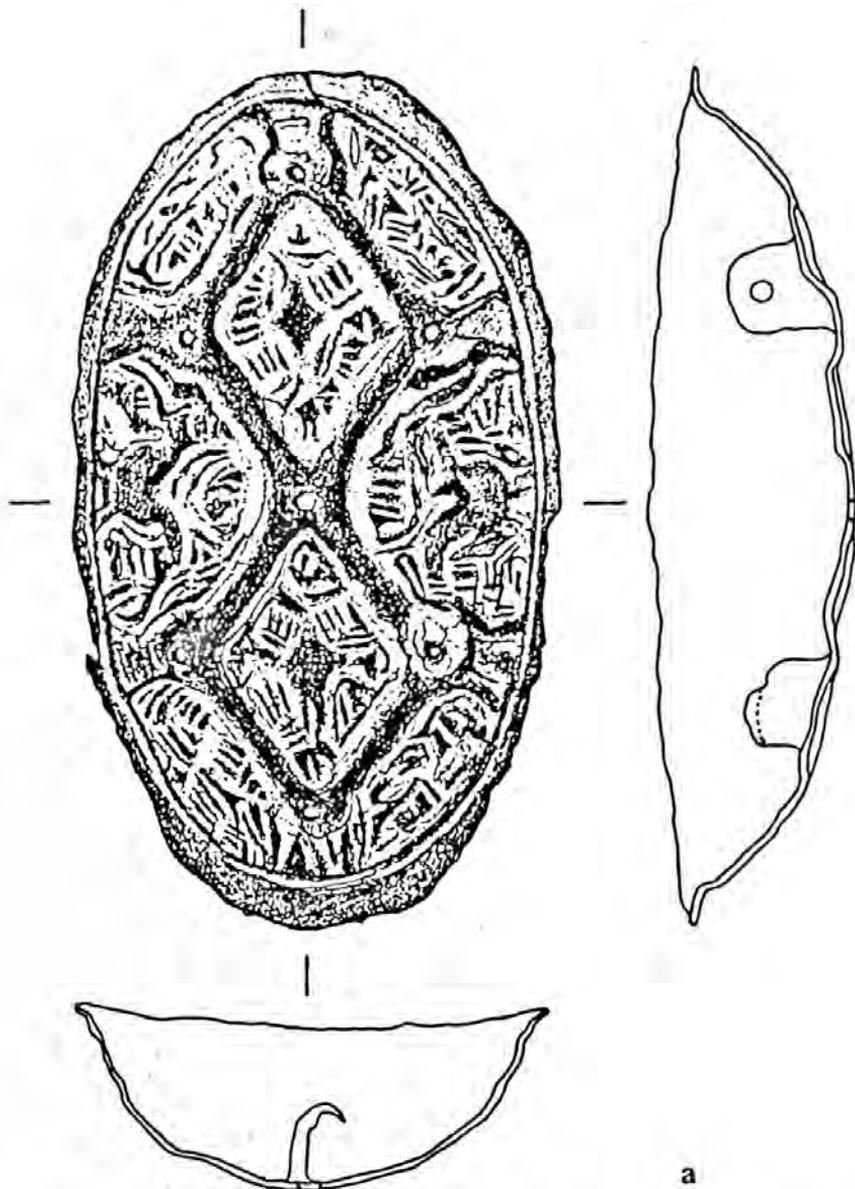

Fig. 2a. Oval brooches of type R 647 from Suolijärvi, Posio; bronze;
(a) subtype F (1/1)

2.5. A bronze pendant discovered about 1980 in what may have been the rests of an inhumation grave at *Onkamo*, Salla (fig. 1: 5), was delivered to the National Board of Antiquities in 1990 (Arponen 1992). It is a sculptural representation of a two headed *horse pendant* with six loops for fastening small pendants, in this case tiny bells, four of which are preserved (fig. 6). Earlier only a fragment of such a pendant was known from northern Finland (Carpelan 1967, fig. 1; 1987, fig. 1: 3). Some similar pendants, representing Ryabinin's (1981) type XX, are

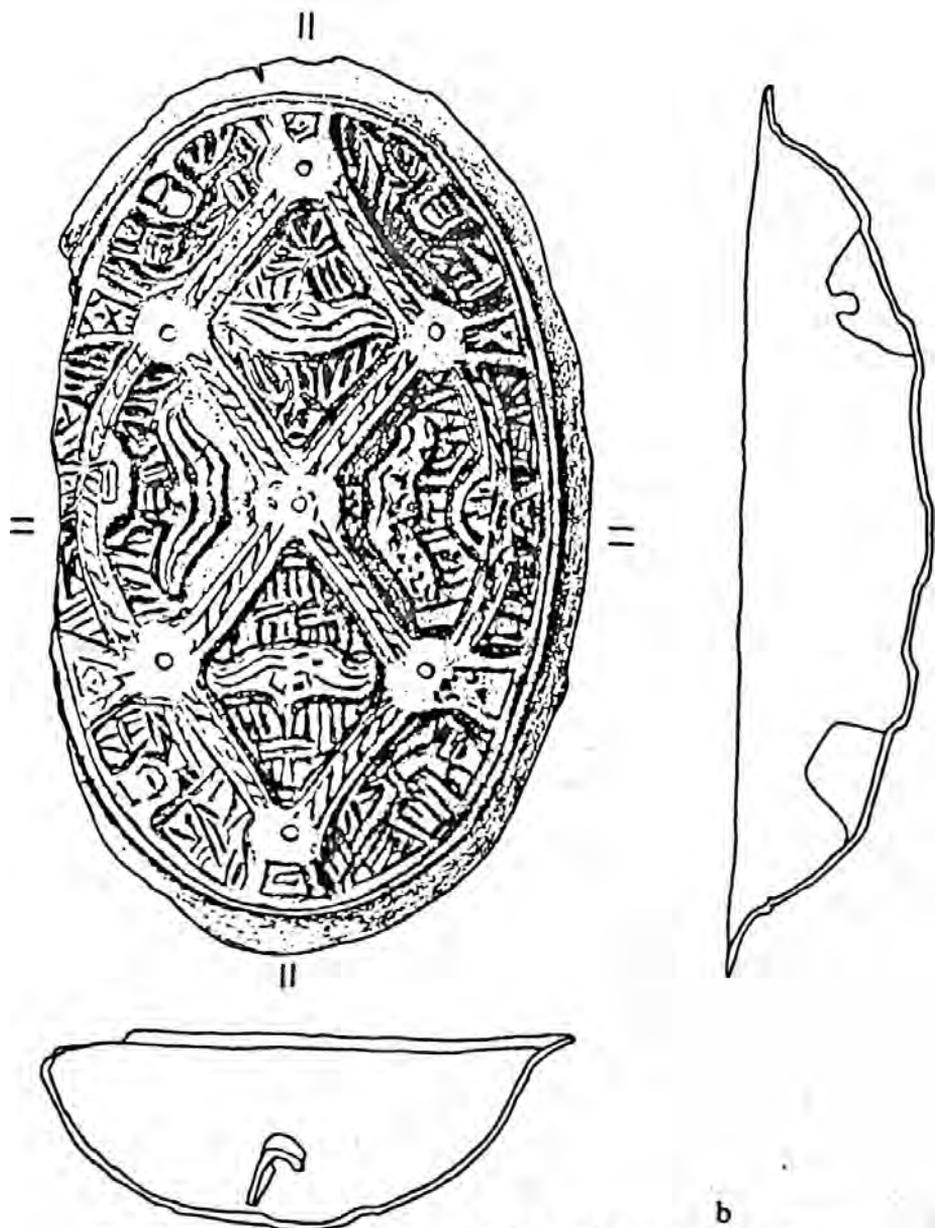

Fig. 2b. Oval brooches of type R 647 from Suolijärvi, Posio; bronze;
(b) subtype D (1/1)

known from eastern Finland and the Karelian Isthmus. Outside Finland the distribution of the type stretches from Ingria to eastern Russia with an emphasis on a triangular area with Ingria, the Moscow region, and the Vaga region in the corners (Рябинин 1981, 39—43, fig. 10). The two-headed horse pendants discovered in grave 5 at Kekomäki, Kaukola, (Kivikoski 1973, Abb. 1137) and in kurgan 7 at Manuilova, Ingria, (Рябинин 1981, Table XXI: 3) are nearly identical with the specimen from Onkamo. Type XX is dated to the period 1150—1400.

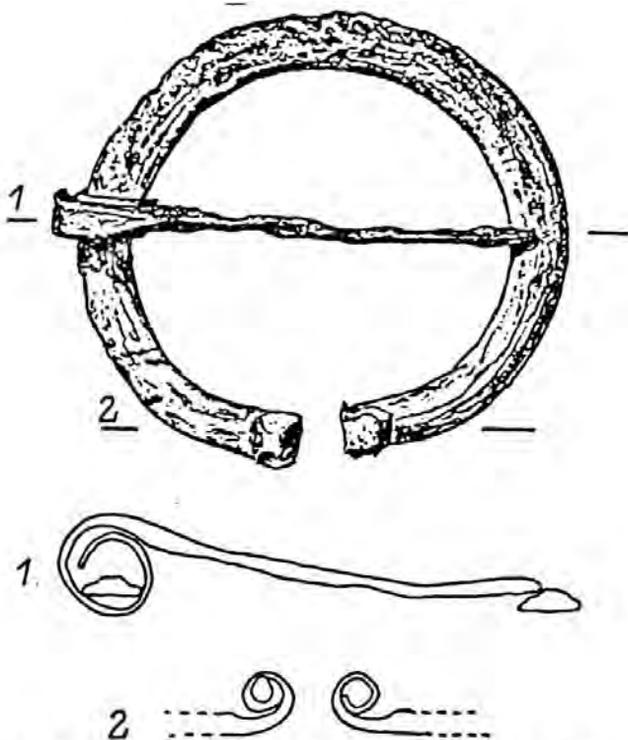

Fig. 3. Penannular brooch from Muurola, Rovaniemi Rural Municipality; bronze (1/1)

2.6. In 1991 a special bronze brooch was discovered on the shore of Lake *Rahajärvi*, Inari (fig. 1: 6), and delivered to the National Museum of Finland (Arponen 1993). The specimen simulates a *penannular brooch*, even if it is cast as a ring (Arponen 1993, 40, fig.). It is the first of its kind from northern Finland, and elsewhere from Finland only one resembling brooch is known, *i. e.* a brooch from the cremation field cemetery at Kalmumäki, Kalanti, SW Finland, with finds from the Merovingian and Viking periods (Salmo 1956, 85—86, Abb. 43). Similar brooches are found in various parts of northern Russia: one as belonging to a possible hoard discovered at a fortified settlement near Voskresensk, one from an inhumation cemetery near Korbola, both on the river Vaga, and two, as isolated finds, at the mouth of the river Ussa (Tallgren 1931, 113—117, figs. 1, 6, 7; Ovsyannikov 1980, 232, fig. III: 7). The brooch from *Rahajärvi* shows an interesting casting technique including the special feature that the tongue is cast together with the ring. This technique including the special feature that the tongue is cast together with the ring. This technique is said to be characteristic for northern Russia (Tomanterä 1991). The *Korbola* cemetery is dated roughly to the period 1050—1150 (Ovsyannikov 1980, 234).

3. Discussion

These six artefacts form an interesting collection. The *Rahajärvi* oval brooch (cf. fig. 2 a, b) was probably imported from northern Norway.

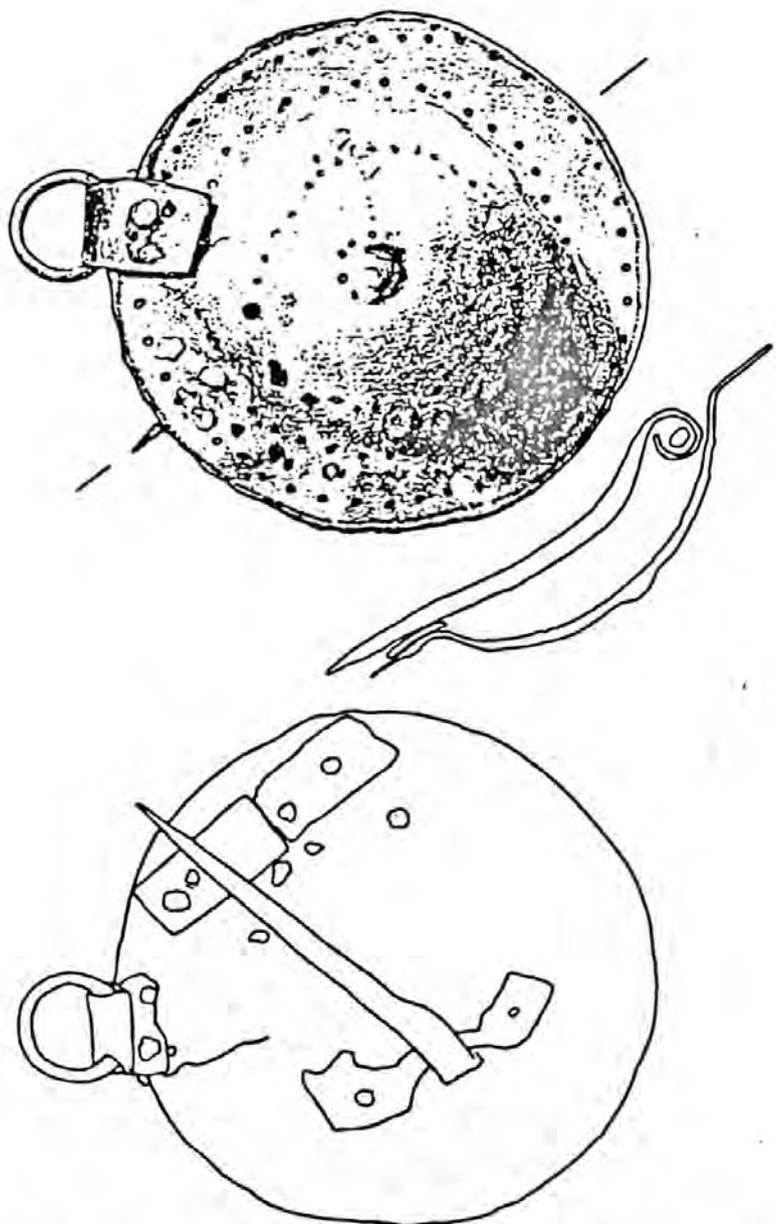

Fig. 4. Shield boss shaped brooch from Ketomella, Enontekiö; bronze (1/1)

The Muurola penannular brooch (fig. 3) and the Ketomella buckle (fig. 4) came from southern Finland. The Pöykkölä chain holder (fig. 5) originated in Karelia. The Onkamo pendant (fig. 6) was taken to the North, probably through Karelia, from Ingria or somewhere within a larger territory extending eastwards from Ingria. The origin of the Rahajärvi penannular brooch is to be sought in the Vaga region even if it may have been produced somewhere else in northern Russia. The brooch of

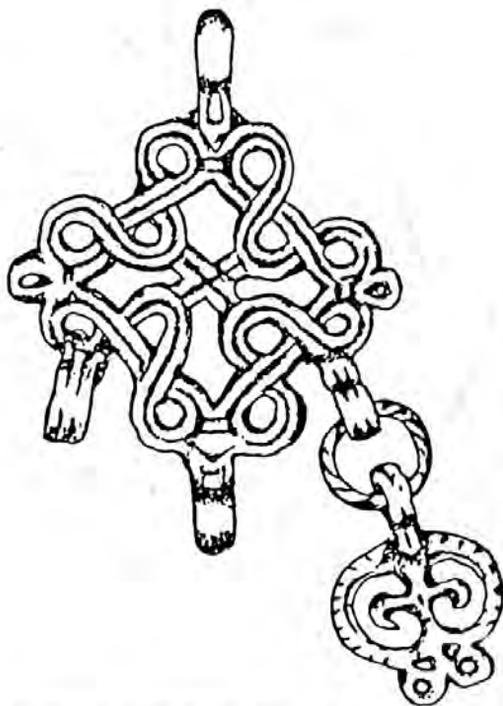

Fig. 5. Chain holder from Pöykkölä, City of Rovaniemi; bronze (1/1)

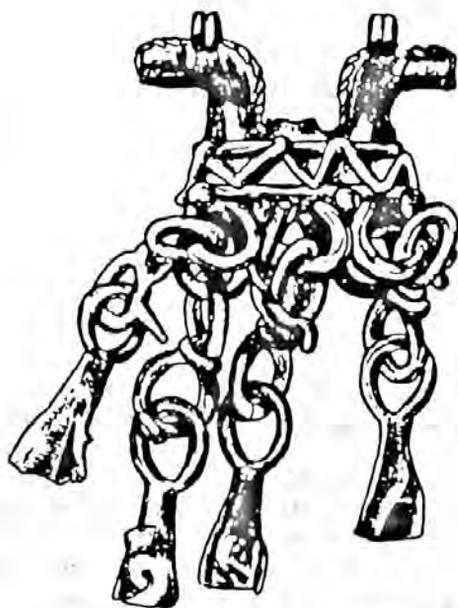

Fig. 6. Pendant from Onkamo, Salla; bronze (1/1)

Norse provenance dates to the 9th century, the penannular brooches and the buckle of Finnish origin date to the 9th—12th centuries, and the Karelian chain holder as well as the Ingrian (or more eastern) pendant date to the 12th—14th centuries. The penannular brooch from northern Russia dates to the 11th century.

This picture corresponds in detail with the one given by the Later Iron Age material of northern Finland as a whole. It consists of artefacts (1) of Scandinavian (probably mainly Norse) origin, (2) of Finnish origin or probably transmitted by Finnish trade from the Baltic region, (3) of Karelian origin or probably transmitted by Karelian trade from northwestern Russia, and (4) of artefacts originating in northern Russia. There are also corresponding chronological differences between the groups. While the Scandinavian material dates mainly to the 9th century the Finnish material is most common in the 10th century and later, and the Karelian material is most common during the 12th century and later (Huurre 1983). Material originating in northern (and eastern) Russia has a wide chronological distribution in Finland (Meinander 1966; 1973).

The Saami folklore and language suggest that the Saami originally came in contact with different ethnic groups, as (1) the *dazá* or the Norse, (2) the *kai'nölač* or the Finns, (3) the *ruos'sa* or the Russo-Karelian tax collectors but, originally, probably the Swedish settlers of north-western Russia, (4) the *gar'jel* or the Karelians, and (5) the *cutde* or the Chud (Itkonen 1961b, 113—130). This corresponds well with the regions of origin of the archaeological material referred to above. However, interesting problems remain, as the question of the origin of the material of Scandinavian types and the question of the material originating in northern Russia.

Pirjo Uino (1992, 607) pointed out that a centre of distribution of artefacts of Scandinavian types may have been in north-western Russia, and especially in Staraya Ladoga (Uino 1988). As linguistic studies seem to confirm that the Saami were in contact with Swedes of north-western Russia (Itkonen 1961b, 113—114), this supports the possibility that part of the Scandinavian material was not Norse but originated in the sphere of Staraya Ladoga. The question of the origin of the Ladoga Lapp (Itkonen 1961b, 106; Кирпичников 1984) is part of the problem.

In addition to the penannular brooches from Rahajärvi and Kalmumäki, referred to above, at least three other penannular brooches produced with the same crude casting technique and showing typological features characteristic to the penannular brooches discovered in the Vaga region and elsewhere in northern Russia (Tallgren 1931, figs. 6, 7; Ovsyannikov 1980, figs. II: 1—3, III: 8; Овсянников, Рябинин 1986, figs. 3: 1, 2; Савельева 1987, fig. 32) are found in the southern part of Finland (Salmo 1956, 80—81, 85—86, figs. 39, 44, 45). This indicates connections between *i. a.* the Vaga region and both southern and northern Finland. Meinander (1973) referred to a considerable number of artefacts of various kinds found in Finland but originating either physically or typologically in central or eastern Russia and he also found reason to believe that eastern traders extended their trips as far west as Finland. The connections indicated by these finds begun already in the first half of the first millennium (Meinander 1966).

On the other hand, many of the penannular brooches from northern Russia, referred to above, as well as other classes of artefacts, too, are «undoubtedly connected, first and foremost, with the sphere of West Finnish antiquities of the 10th—11th centuries» as Ovsyannikov put it (1980, 232; Савельева 1992; West Finnish referring to the Balto-Finnic complex). Clearly many of the objects are copies or applications of western originals.

The connections between remote regions across northern Russia indicated by a fairly large archaeological material is supported by linguistic facts indicating that there were connections between Balto-Finnic people and Permian people (ancestors of the Komi-Zyryan) in the 18th—12th centuries (Itkonen 1961a, 37; Савельева 1992). I suggest that there must have been a network of communication among the Finno-Ugric groups of northern Russia and that it was transformed to a commercial organization for the supply of wilderness goods, mainly furs, to Ladoga, Bolgar and elsewhere (Carpelan 1993). From an eastern, «Permian», point of view the traders of this organization were probably called *Biarm*, a name adopted by the Norse sailing to the White Sea region. Later the trade in northern Russia was little by little taken over by expanding Russians who learnt that Finno-Ugric societies were *Chud* as they (with the exception of the Finns and Karelians) were also called by the Saami. The word is explained to have meant a wedge and a wedge-like staff as an emblem of a group of armed traders (Itkonen 1961b, 123—126). Finns used a synonym word, *wadja*, for the same emblem, a word also recognised by the Saami (Vilkuna 1957, 124—125; Itkonen 1961b, 105—108; Valonon 1980, 52—84).

In Scandinavian sources the Chud element is met with in the *Egils Saga Skallagrimssonar* telling about how the Norse chief Thóroff Kveldulfsson, on one of his expeditions to Finnmark (= Lapland), came across and defeated two groups of armed traders identified as *Kylfingar*. The name is a literal translation of the word *chud* in the above sense (Itkonen 1961b, 129). As late as the 1320ies the *Hauksbók* explains that *Kylfingaland* is the same as *Gardariki*, i. e. Russia where the Chuds lived (Johansen 1964). Returning to the special eastern brooch from Rahajärvi I suggest that it, in addition to the eastern finds in northern Fennoscandia (Serning 1956, table 3; Zachrisson 1984, 30—32; Makarov 1991; and e. g. Kivikoski 1973, fig. 1079 from the sacrificial site Ukonsaari, Inari, only 20 km north of Rahajärvi), reflects the Chud element in the Saami folklore.

4. Conclusion

The artefacts described in section 2 were all produced outside northern Finland between AD 800 and 1300. The territories of origin lie in Norway (possibly also the southern Lake Ladoga area), Finland, Karelia, and northern Russia. I suggest that the provenances represent the ethnic entities indicated by the Saami folklore and language: the *dazā* (the Norse) and possibly the *ruos'ša* (the Swedes from north-western Russia), the *kai'nolac* (the Finns), the *kar'jel* (the Karelians) and the *cudde* (the Chud, the Finno-ugrics of north-western and northern Russia, or Biarmia). The connections between the Saami and the Swedes of NW Russia as well as the connections between the Saami and the Chud/Biarm offer problems of special interest also from the point of

view of archaeology. The Saami and the Biarm, are connected both in Ottars report of his trip to Biarmia from the north and in the Saga of the famous viking Ragnar Lóðbrok approaching Biarmia from the south (!). On the basis of linguistic and anthropological studies it is claimed that also a Saami component has contributed to the ethnogenesis of the Komi-Zyryan (Туркин 1985).

REFERENCES AND ABBREVIATIONS

Original drawings of figs. 2, 3, 5, 6 by the National Board of Antiquities; fig. 4 from H. Kotivuori (1993a).

- Arponen, A. 1992: Sata muinaisjäänköhdettä Sallasta. *Raito* 3: 36—38.
- Arponen, A. 1993: Terveisiä «taipaleentakaisilta tsuudeilta». *Raito* 1: 40—41.
- Carpelan, C. 1967: Juikenttä. En sameoplats från järnålder och medeltid. *Norrbottn. Norrbottens läns hembygdsförenings årsbok*: 67—76.
- Carpelan, C. 1987: Juikenttä — keskiajan ja uuden ajan alun metsäsaamelainen yhteisö arkeologisen aineiston valossa. *Saamelaiset — sovinnolliset sopeutajat (Lapin maakuntamuseon julkaisuja 5, ed. by R. Huopainen)*: 62—76. Rovaniemi.
- Carpelan, C. 1992: Problems of Archaeological Research in the Arctic Areas of Fennoscandia. *Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Papers presented by the Participants in the Soviet-Finnish Archaeological Symposium 10—16 May 1990 in Tallinn (ed. by V. Lang and J. Selirand)*: 180—189. Tallinn.
- Carpelan, C. 1993: Bjarmerna. *Finlands Historia* 1 (by T. Edgren and L. Törnblom): 231—233. Esbo.
- Carpelan, C. 1994: Katsaus saamelaistumisen vaiheisiin. *Johdatus saamentutkimukseen (Tietolipas 131, ed. by U.-M. Kulonen, J. Pentikäinen and I. Seurujärvi-Kari)*: 13—42. Helsinki.
- ESA = Eurasia Septentrionalis Antiqua I—XII (1926—1938), Suppl. Vol. (1954). Helsinki.
- Huurre, M. 1983: Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin esihistoria. *Pohjois-Pohjanmaan ja Lapin historia*. I. Kuusamo.
- Itkonen, E. 1961a: Suomen suvun esihistoria. *Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta (Tietolipas 20)*: 5—47. Helsinki.
- Itkonen, E. 1961b: Lappalaisten esihistoria kielitieteen valossa. *Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta (Tietolipas 20)*: 85—131. Helsinki.
- Johansen, P. 1964: Kyllinger. *Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid från vikingatid till reformationstid. IX. (ed. by H. Pohjolan-Pirhonen)*: 602—604. Helsingfors.
- Kehusmaa, A. 1972: Kemijärven Neitilä 4. *The University of Helsinki. Department of Archaeology Stencil* 3. Helsinki.
- Kivikoski, E. 1973: Die Eisenzeit Finnlands. *Bildwerk und Text*. Helsinki.
- Koivunen, P. 1992: Myöhäisesihistorialliset asutusvirrat ja jatkuvuusteoria Pohjois-Suomen kannalta (Summary: Settlement flows in the late prehistoric period and continuity theory from the viewpoint of northern Finland). *Suomen varhaishistoria. Tornion kongressi 14. 16.6.1991 (Studia Historica Septentrionalia 21, ed. by K. Julku and M. H. Korhonen)*: 149—162. Rovaniemi.
- Kotivuori, H. 1992: Personal communication.
- Kotivuori, H. 1993a: Korulöytöjä Rovaniemeltä. *Raito* 1: 42—44.
- Kotivuori, H. 1993b: Kitkan aalloilla. Posion uinuva muinaisuus. *Raito* 2: 35—46.
- Lehtosalo-Hilander, P.-L. 1982: Luistari. II. The Artefacts. *SMYA* 82: 2.
- Makarov, N. A. 1991: «Eastern» Ornaments of the 11th—13th Centuries in the Sami Areas: Origins and Routes. *Acta Borealia* 8: 57—80.
- Meinander, C. F. 1966: Zu einem Schmuck vom Pianobor-Typ aus Finnland. *Pronksiajast varase feodalismini. Urimusi baltimaade ja naaberilade arheolooglast (ed. by H. Moora, and J. Selirand)*: 114—122. Tallinn.
- Meinander, C. F. 1973: Brobackan pyöreä solki. *Honos Ella Kivikoski (SMYA 75, ed. by P. Sarvas and A. Siiriäinen)*: 146—151.
- MäkiVuoti, M. 1992: Rautakauden asutus Pohjanrannalla (Summary: Iron Age Settlement on the Coast of Northern Ostrobothnia). *Suomen varhaishistoria. Tornion kongressi*

- 14, 16.6.1991 (*Studia Historica Septentrionalia* 21, ed. by K. Julku and M. H. Korhonen): 343—355. Rovaniemi.
- Mustakallio-Jussila, M. 1993: Ketomellan solkilöytö. *Raito* 1: 37—38.
- Ovsyannikov, O. V. 1980: First-Discovered Burialfield of «Zavolochye Tshud». *Fenno-Ugri et Slavi 1978. Papers presented by the participants in the Soviet-Finnish Symposium ... in Helsinki May 20—23, 1978* (*The University of Helsinki. Department of Archaeology Stencil* 22): 228—236. Helsinki.
- Ryabinin, E. A. 1981 see Рябинин, Е. А. 1981
- Salmo, H. 1956: Finnische Hufeisenfibeln *SMYA* 56.
- Schulz, E.-L. 1986: Ein Eisenverhüttungsplatz aus der älteren Eisenzeit in Kajaani. *ISKOS* 6: 169—173.
- Serning, I. 1956: Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska Lappmarkerna. *Nordiska Museet: Acta Lapponica. XI*. Stockholm.
- Serning, I. 1960: Övre Norrlands järnålder. *Skrifter utgiva av vetenskapliga biblioteket i Umeå* 4. Umeå.
- Sjåvold, Th. 1974: The Iron Age Settlement of Arctic Norway. A Study in the Expansion of the European Iron Age Culture Within the Arctic Circle. 2. Late Iron Age (Merovingian and Viking Periods). *Tromsø Museums Skrifter. Vol. X, 2*. Tromsø/Oslo/Bergen.
- SMYA = Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja 1—LII (1874—1953). (1954). Helsinki.
- Solberg, O. 1909: Eisenzeitfunde aus Ostfinmarken. *Videnskaps-Selskabets Skrifter II. Hist.-Filos. Klasse. 1909 No. 7*. Christiania.
- Tallgren, A. M. 1931: Biarmia. *ESA VI: 100—120*.
- Tomanderä, L. 1991: Wachsfiligran. *Fennoscandia archaeologica VIII: 35—49*.
- Uino, P. 1988: On the History of Staraja Ladoga. *Acta Archaeologica* 59: 205—222.
- Uino, P. 1992: Karjalan tutkimus ja pohjoinen Fennoskandia (Summary: The role of Northern Fennoscandia in Karelian archaeological research). *Suomen varhaishistoria. Tornion kongressi 14, 16.6.1991* (*Studia Historica Septentrionalia* 21, ed. by K. Julku and M. H. Korhonen): 605—612. Rovaniemi.
- Valonen, N. 1980: Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia (Abstract: Early Contacts Between the Lapps and the Finns). *Ethnologia Fennica. Finnish Studies in Ethnology* 10: 21—98 (99—124).
- Vilkuna, K. 1957: Kainuu-Kvenland. Missä ja mikä? Helsinki.
- Zachrisson, I. 1976: Lapps and Scandinavians. *Archaeological Finds from Northern Sweden. Early Norrland* 10. Stockholm.
- Zachrisson, I. 1984: De samiska metalldepåerna år 1000—1350. *Archaeology and Environment* 3. Umeå.
- Карпелан, К. 1976: Финские саами в железном веке. *Финно-угры и славяне: 143—151*. Ленинград.
- Кирпичников, А. Н. 1984: Приладожская лопь. *Новое в археологии СССР и Финляндии: 137—144*. Ленинград.
- Мальм, А. В. 1967: Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы. *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ* 43. Москва.
- Овсянников, О. В., Рябинин, Е. А. 1986: Новые данные о культуре средневекового «чуждского» населения в бассейне озера Лача. *Советская археология* 2: 210—216.
- Рябинин, Е. А. 1981: Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. *Археология СССР. САН Е1-60*. Ленинград.
- Савельева, Э. А. 1987: Вымские могильники X—XII вв. Ленинград.
- Савельева, Э. А. 1992: Прибалтийско-финский компонент в этногенезе коми-зырян. *Древности славян и финно-угров: 129—134*. Санкт-Петербург.
- Туркин, А. И. 1985: Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе коми-зырян. *Проблемы этногенеза народа коми*. Сыктывкар.

**BROOCHES AS INDICATORS OF CULTURAL REGIONS
IN LATE ROMAN IRON AGE FINLAND**

The Early Iron Age of Finland has often been described as culturally uniform, despite the fact that areas of settlement were located at considerable distances from each other. According to present studies, permanent agricultural settlements, in which the deceased were interred with grave goods, existed only in the river valleys of Uusimaa, Finland Proper and Southern Ostrobothnia, and along large bodies of water in Satakunta and Häme in the inland. It has been assumed that in the inland regions the agricultural settlers coexisted with a mobile hunter-gatherer population which is difficult to ascertain in the archaeological record. It is also assumed that the latter was gradually assimilated into the farmer population or may have become the Saami (Lapps) identifiable in later contexts.

Recent Iron Age finds from beyond the areas of agricultural settlement suggest changes to the former paradigm according to which only the farmers of Southern Finland had permanent settlements and buried their dead in archaeologically observable graves. In 1988 a cairn cemetery was discovered at Kaakkuri near Oulu, with finds most probably dating from the Migration Period (ca. A. D. 400–500). At that time, the site was a small island near the mouth of the Oulunjoki River. It was hardly a profitable location for farming, but highly suitable for practices such as seal hunting. The finds, including a sword, point to contacts with Southern Ostrobothnia and Middle Sweden (Mäkivuoti 1992, 349). Similar finds have come to light at Rakanmäki in Tornio, Liinakangas in Kempele and Tervakangas in Raahe (Mäkivuoti 1992, 352, map 1). An Early Roman Iron Age grave has also been found outside the assumed area of settlement in Southern Finland, at Strukankallio, in Pyhtää near the mouth of the western branch of the Kymijoki River. This site is topographically similar to the contemporary site of Koitö near Porvoo, further to the west. The grave at Koitö, however, is not the only burial site in the region. The Pikkulinnamäki cemetery, a few kilometres north of Koitö, points to further settlement in the area. Sickles found in the cemetery suggest that the deceased, at least at Pikkulinnamäki, were farmers (Meinander 1969, 68). On the other hand, Strukankallio and Koitö were in an archipelago environment at the time, and these graves can probably be attributed to a population engaged in hunting and fishing.

The new finds show that Early and Middle Iron Age culture and economic structures in Finland were more varied than previously assumed. There appear to have been several economic niches and specialized means of livelihood, and farming was combined with subsidiary economic practices. Consequently, groups following different means of livelihood, and not only farmers, could have interred their dead with grave goods.

This leads to the question of how local features are reflected in material culture in different parts of Finland, and how cultural regions can be defined in the archaeological record. This paper discusses regional variation in certain brooch types in the Late Roman Iron Age (ca. A. D. 200—400).

In Finland, the Late Roman Iron Age and the early stages of the Migration Period form a uniform period, and it is impossible to establish any unequivocal chronological boundaries. The same brooch types occur in both the Roman Iron Age and the Migration Period. The Early and Late stages of the Roman Iron Age are more easily distinguished, as also the Migration and Merovingian periods.

Approximately one hundred Late Roman Iron Age burials are known from Finland (Schauman-Lönnqvist 1992, 235, appendix 1). Most of these fall into periods C2 and C3 (ca. A. D. 250—400). Only a few are from period C1. Over 250 Migration Period finds are known at present. The increased number of finds is probably related to the fact that burial with grave goods became more common, which may of course have resulted from a rise in the standard of living.

Almost all the oldest finds of the period are imported articles. The material of period C2 is richer and more varied, and from this time onwards brooches and ornaments were made locally in Finland.

The Early Iron Age cultures of Finland and the East-Baltic regions have a number of features in common, with similarities in burial customs and ceramic traditions (Carpelan 1980, 189), and particularly in brooch types. The weapons in the Finnish material, however, are mostly Scandinavian and Germanic types. The term «East-Baltic» as used in Finnish archaeology implies both imported objects from the East-Baltic regions of Estonia, Latvia, Lithuania and East Prussia and artefact forms of East-Baltic origin that were produced in Finland. The concept is thus synonymous to «domestic» in many respects. An example is given by Unto Salo in his overview of the Late Roman Iron Age, in which he observes that the inhabitants of a certain region were Finns as the artefacts found there are of East-Baltic form (Salo 1984, 234). The opposite concept is «Scandinavian», implying import. This distinction has its own history and is related to the theory according to which Finland was settled from the south around the Birth of Christ, as indicated by East-Baltic artefact forms and types in the material (Hackman 1905). Although this theory has long been rejected and archaeologists generally accept the idea of continued settlement, notions and views concerning the significance of the origin of artefacts in Early Iron Age contexts have not been revised.

There are as yet no general works or overviews on the artefacts of the Late Roman Iron Age and the Merovingian Period. The only exception is Oiva Keskitalo's posthumous study (1979) on the Late Roman Iron Age in Finland. Keskitalo, however, focused on the chronology of various artefact types, and there has been no discussion on the possible areas of production of different brooch types.

The following section presents those brooch types of the Late Roman Iron Age which have been found in largest numbers and which are of chronological importance. Tendril and crossbar brooches are further discussed as examples of local variation.

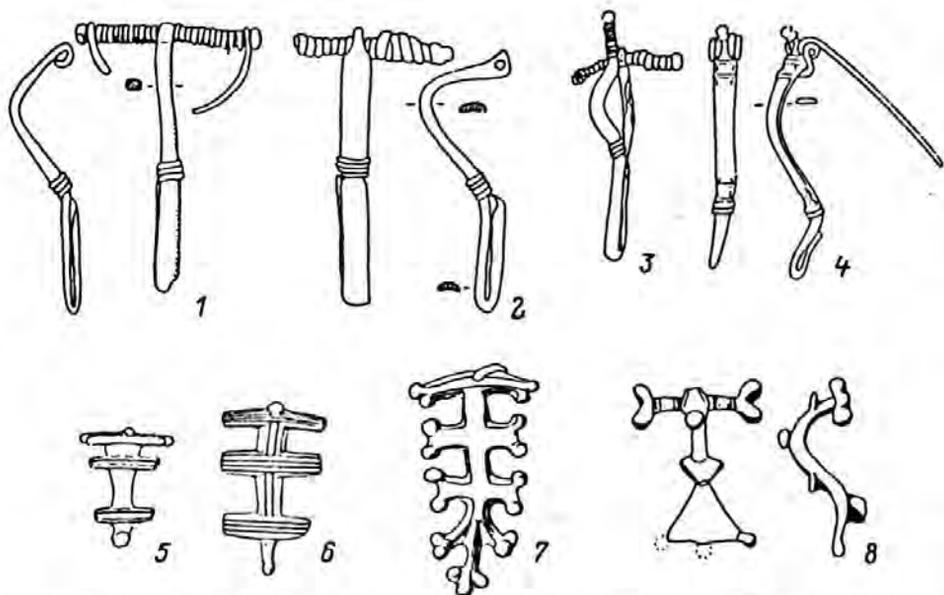

Fig. 1. 1. Tendril brooch with a hook for affixing the spiral axis. 2. Tendril brooch with the spiral axis passing through a hole. 3. Knobbed tendril brooch. 4. Nydam brooch. 5. Livonian crossbar brooch. 6. Memel-type crossbar brooch. 7. Knob-ornamented crossbar brooch. 8. Triangularfoot brooch from Mujavainio in Laihia

Tendril brooches

Tendril brooches are found in the regions around the Baltic. In Sweden they occur only in Skåne (Scania), Öland and Gotland. In Denmark they have been found mainly on the islands of Bornholm and Fyn, and they also occur in Schleswig-Holstein. Further to the east, tendril brooches are found around the mouth of the Vistula, in East Prussia, Latvia and Estonia (Almgren 1897, 78).

The tendril brooch is regarded as the leading artefact type of the Late Roman Iron Age in Finland, but it remained in use in the Migration Period. Tendril brooches dated to the Roman Iron Age in Finnish contexts can be assigned to a number of groups. All of these, however, appear to have been made with the foot and the bow forming a separate part in relation to the spiral, the cord and the pin. There are two variants of the simple form of this brooch. In the first variant, the spiral axis is joined so that the upper end of the bow is bent into a catch or hook through which the axis passes. In the second type, the upper part of the bow is flattened into a narrow lamellar part, through which a hole was drilled for the axis. It should be pointed out that the specific method of affixing the spiral axis is not of chronological importance in the Finnish material, although it has been claimed that the latter variant may be older (Almgren 1897, 76).

There are six finds of brooches in which the upper part of the bow is bent into hook-shape for affixing the spiral axis. Five of these are from Finland Proper (Keskitalo 1979, 32) and one is from Satakunta (Koivisto 1991, 32). This variant was presumably made in Southwest

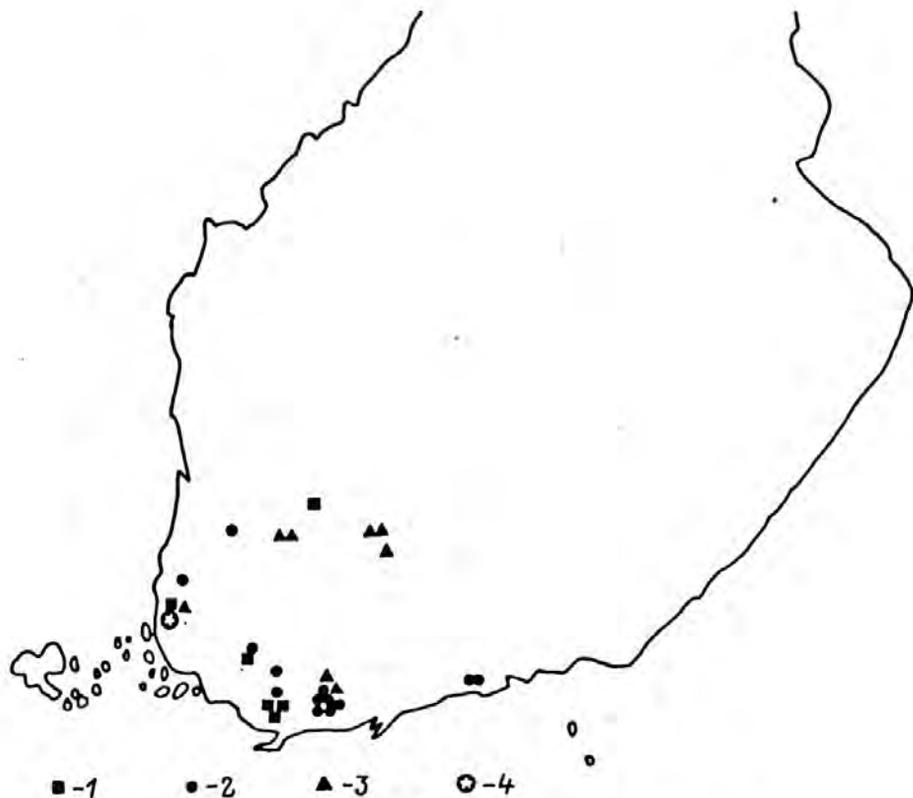

Fig. 2. The distribution of tendril brooches in Finland

1 — with hook for affixing the spiral axis; 2 — with the spiral axis passing through a hole;
3 — knobbed tendril brooches; 4 — Nydam brooch

Finland, as there no parallels in the East-Baltic material. It is a local form, which, contrary to established views, does not derive from an East-Baltic prototype.

The other variant, in which the spiral axis passes through a drilled hole, occurs in Western Uusimaa and the inland regions (Keskitalo 1979, 151). This distribution is a natural one in view of the importance of the water route in the Karjaa region of West Uusimaa as a connection between the coast and the inland. However, a brooch of this type found at Aitankallio in Kalanti does not fit the pattern equally well, although it is still quite probable that the variant in question was produced in Häme. The bows of two brooches of this variant have ornaments consisting of transverse lines and incised patterns (NM 11579: 2 from Kaukola in Tyrvää and NM 14264: 35 from Lentolankärki in Hauho). Similar decoration is found in many brooches from the Germanic regions, but not in the East-Baltic region. The closest parallels to these two brooches are from Bornholm (Keskitalo 1979, 154). Although tendril brooches with the bow passing through a drilled hole are found in the East-Baltic region, particularly in Estonia, the decoration of the Tyrvää and Hauho specimens shows that East-Baltic origin cannot be definitely claimed for the Finnish finds of this variant.

All the knobbed tendril brooches found in Finland are of types in which the spiral axis passes through a hole in the lamellar end of the bow. There are two variants of the knobbed tendril brooch. In one the neck-part of the terminal knob is decorated with a spiral, i. e. a thin spiral of bronze wire wound round this part, which ends in a smooth, rounded knob. The other variant lacks the spiral, and the terminal knob is of simple smooth form. Both variants were very common in Northern Estonia (Keskitalo 1979, 156), where finds of spiral-ended brooches number approximately one hundred (Moora 1938, 132).

We must also mention two brooches which have profiled terminal knobs instead of wound spirals. One is a so-called Nydam brooch found in cairn I at Aitankallio in Kalanti (NM 18291: 54). The centre of distribution of these brooches is in Schleswig-Holstein, Mecklenburg and the island of Fyen. The other specimen is a brooch from the Katajamäki II burial at Salo (Uskela) (Schauman-Lönnqvist 1989, 35, fig. 31), with its closest parallels in Latvia (Keskitalo 1979, 157).

In summary, it can be observed that the knobbed tendril brooches are of a type with most of its parallels in Virumaa in Northern Estonia. Some of the Finnish finds were definitely made domestically, while others are imports. The above-mentioned Nydam brooch was definitely imported from South Scandinavia.

There are also tendril brooches with ring ornamentation. Two of these can be dated to the Late Roman Iron Age, and they also have their closest parallels in the Latvian material (Keskitalo 1979, 160). Ring-ornamented tendril brooches are generally from the Migration Period. A considerable number of the Migration Period specimens are silver. The most impressive example of this type is a stray find from Korppolaismäki in Turku. This object has gilt plate between the ring ornaments (Hackman 1908). All the ring-ornamented tendril brooches of the Roman Iron Age are of bronze.

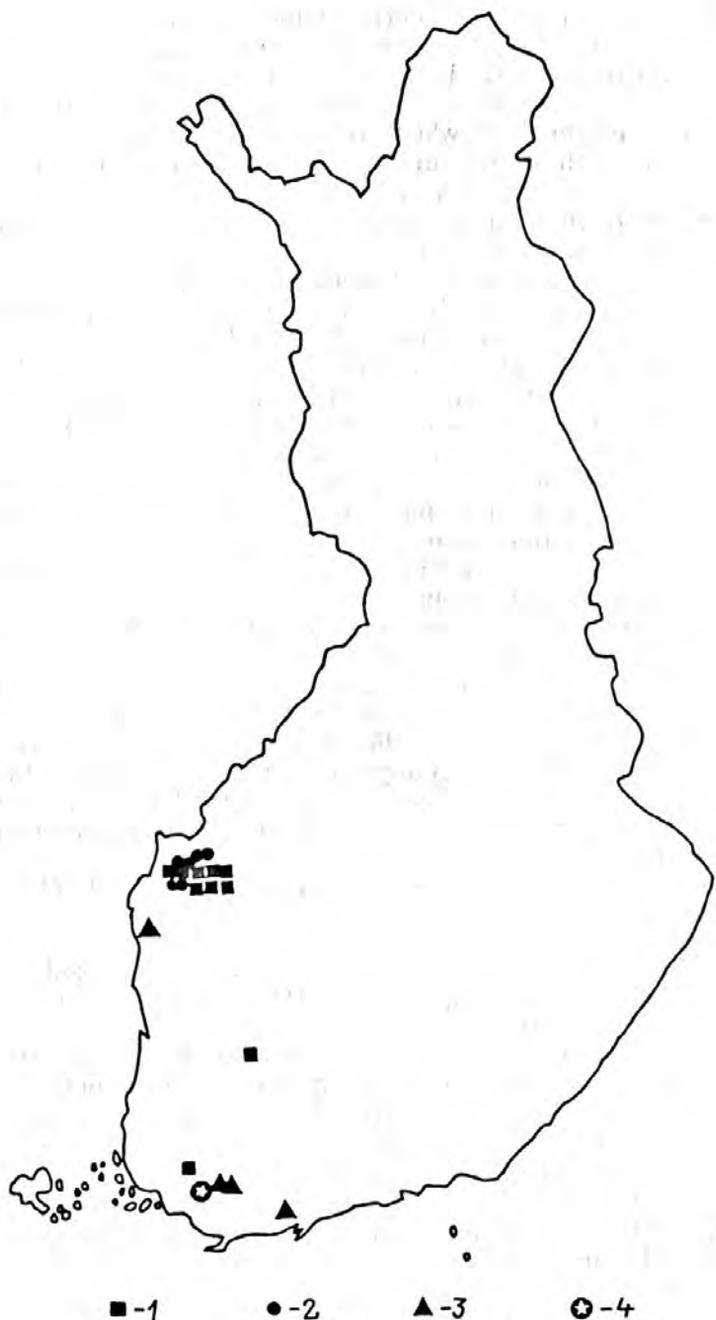
Over 40 tendril brooches have been found in Finland. This number and the techniques indicated by certain specimens suggest that tendril brooches were actually made in different parts of Finland. It is an artefact group which upon closer inspection contains East-Baltic, South-Scandinavian and Continental features. There are also local forms, displaying features from the above areas.

All the tendril brooches have been found in Southern Finland, and are completely absent in the material of Southern Ostrobothnia. Owing to the number of known specimens, their absence from Ostrobothnia cannot be regarded as a pure coincidence.

The knobbed tendril brooches, which were either imported from Estonia or made locally after Estonian models, are primarily found in the Karjaa and Porvoo areas, which in also other respects presumably had contacts with Estonia.

Crossbar brooches

The Finnish material contains three types of crossbar brooches: Livonian, Memel-type and knob-ornamented. All the specimens of the Livonian type have been found so near the regions of Livonia that

■-1 ●-2 ▲-3 ⊕-4
 Fig. 3. The distribution of crossbar brooches in Finland
 1 — knob-ornamented; 2 — Memel-type; 3 — Livonian; 4 — atypic

import from these parts has been assumed. There are four finds of the type at present (from Ekeberga in Siuntio, Ketohaka in Salo and Edsbacken 10 in Närpiö; Keskitalo 1979, 186).

The Memel-type crossbar brooches differ to such an extent from the Latvian specimens that we may assume local production in Finland. The Finnish specimens also display Livonian features. Brooches of this type, however, have not been found in those parts of Ostrobothnia where the Memel-type brooches were presumably made. The Ostrobothnian crossbar brooches with knob ornament date from the end of the Roman Iron Age, and there are a few possibly later specimens. Like other crossbar brooches, these have three crosswise bars, but unlike the others of the type they have a three-pronged foot. The angles of the crosswise bars and the prongs of the feet are decorated with knobs. This type also has parallels in Livonia. The Ostrobothnian specimens do not appreciably differ from their Livonian counterparts, and it is possible that a couple of the Ostrobothnian brooches were imported from Livonia. The remainder are of local production. This brooch type was popular in Ostrobothnia. Only two specimens found their way to other parts of Finland: one to Satakunta and another to Lieto in Finland Proper. It can be asked whether these two brooches could be evidence of two women of Ostrobothnia marrying outside their home region. A fragmentary brooch found at Finskilä in Sauvo lacked the prong knob of the foot part. The prongs, however, were decorated with transverse lines. As this specimen differs from an otherwise uniform group of artefacts, it may have been imported from the East-Baltic region, where several variants of this type occur.

Knob ornaments became popular decorative elements, particularly in brooches made in Ostrobothnia. An important Late Roman Iron Age find is grave 3 of the Mujavainio cemetery in Laihia (Meinander (1947) which included a small bronze bowl of Roman import. The vessel has obviously been in use for a long time, as it had been repaired. Despite this, it must be regarded as a valuable object in the Finnish context. Among the other grave goods were three Memel-type crossbar brooches as discussed above, and a highly unique fibula with a triangular foot-part. This object is decorated with knobs and there are small protruding triangular plates on the bow. The burial was a closed inhumation grave. The brooches were in a birch-bark box, and thus did not belong to the dress of the deceased. The knob-ornamented fibula with a triangular foot is a unique specimen. A couple of brooches resembling it have been found in Latvia, but the similarities are not convincing enough to establish a definite connection. The brooch was more probably designed and made in Ostrobothnia, the knob element already being familiar from the crossbar brooches. The triangular foot may of course be connected with the Latvian brooches. The crossbar brooches date grave 3 at Mujavainio to the transition from period C2 to C3. Consequently, the triangular-foot brooch cannot be linked directly with the knob-ornamented triangular-foot fibulas of the following period, despite their chronological proximity. The Merovingian Period triangular-foot brooches with knobs (Kivikoski 1973, abb. 219–221) are also Ostrobothnian types. The material from Gotland includes brooches that may have been models or prototypes for them (Nerman 1935, pl. VI: 38,

42), but the Mujavainio specimen contains features of these as well. The influence of Gotland, however, can be seen in the Merovingian Period cruciform brooches of Ostrobothnia (Kivikoski 1973, abb. 222, 223).

Summary

The above discussion points to the differences in the respective distributions of tendril and crossbar brooches. The tendril brooch had a wide distribution in Southern Finland, and other contemporary brooch types have been found in Uusimaa, Finland Proper, Satakunta and Häme. There, however, were almost uniquely imported objects, either from the East-Baltic region or from Scandinavia. Some individual specimens were definitely produced locally, but owing to their few numbers, specific areas of production cannot be outlined. Neither can we establish in the case of imports the possible popularity of individual brooch types in different regions. At present, almost all the crossbar fibulas discovered in Europe have been studied (Schulze 1977) and classified into very small groups. None of these groups spread into the restricted area of Finland. The domestic variants of Finland, which are not mentioned by Mechthild Schulze, do not display any definite localized distribution.

By the close of the Roman Iron Age localities like Salo were thriving communities. But Salo, for example, does not appear to have been the centre of production for any brooch types. With regard to Southern Finland in general, there were, with only a few exceptions, no definite brooch-making centres. It is possible that some of the enamel-ornamented penannular brooches, some of which are from the Late Roman Iron Age and were modelled after prototypes from Virumaa in Estonia, could have been made in Häme (Keskitalo 1979, 196), but the specific locality of production cannot be established. It should also be noted that although the brooches were made locally, their form was foreign.

Ostrobothnia is thus the first region in Finland where brooches of local character began to be made. As discussed above, the starting points for local production were the East-Baltic region and Scandinavia. Local production can be dated to period C3, at the end of the Late Roman Iron Age. Similar activities continued during the Migration Period. One reason for the special role of Ostrobothnia in this respect may have been a more established type of social organization, which was reflected in a more uniform and possibly centrally directed production of brooches and ornaments. Settlement in Ostrobothnia concentrated in the river valleys of the present municipalities of Maalahti, Laihia, Vähäkyrö, Isokyrö and Vöyri. Närpiö formed a separate unit of settlement further south, although this region declined after the Roman Iron Age. With the exception of Närpiö, settlement in Ostrobothnia was limited to a very small area, only some thirty kilometres at its widest. Local topography possibly facilitated centralized activities better than in the widespread settled areas in other parts of Finland.

The brooch tradition of Ostrobothnia, differing as it does from the rest of Finland, can also be given an ethnic attribution, although it is not credible that the local population was in any way markedly different from its contemporaries elsewhere in the country. Here, as in other parts

of Finland, East-Baltic influences were prominent. In some localities of Ostrobothnia burial customs display continuity from the Bronze Age onwards. In many places burials were still made in cairns as late as the Iron Age. Differences in the cultural background mostly consist in the fact that Ostrobothnia had more contacts with Latvia, and the Livonian region in particular, whereas the inhabitants of Southern Finland were influenced more by the Virumaa region of Estonia.

Scandinavian contacts were generally of a southern orientation, and it was not until the Migration Period that regional differences emerged in contacts with Scandinavia. At this stage, Ostrobothnia appears to have had closer contacts with Gotland than other regions.

A further reason for the exceptional role of Ostrobothnia may be sought in the possibility that this region differed from Southern Finland with respect to economy and means of livelihood. I have mentioned new finds and the picture they present of Early Iron Age settlement in Finland. Although pollen analysis indicate agricultural practices, I would claim that agriculture in Ostrobothnia was highly marginal in comparison with Southern Finland. A more probable scenario would be one in which the economic activities of the core regions of Southern Ostrobothnia were linked to activities in the present-day areas of Tornio, Oulu and Raahé.

BIBLIOGRAPHY

- Almgren, O. 1897: Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm.
- Carpelan, C. 1980: Contacts in the Northern Baltic Region as shown by Ceramics. *Fennougric et slavi 1978. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 22.*
- Hackman, A. 1905: Die ältere Eisenzeit in Finnland I. Die Funde aus den fünf ersten Jahrhunderten n. Chr. Helsingfors.
- Hackman, A. 1908: Silfverspännat från Korpolaissudden vid Åbo. *Åbo stads historiska museum h. V. 1908. Åbo.*
- Keskitalo, O. 1979: Suomen nuoremman roomalaisen rautakauden löydöt. *Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 20.*
- Kivikoski, E. 1973: Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe. Helsinki.
- Koivisto, L. 1991: Nokia, Viik. Rautakautisen kumpukalmiston tutkimus 1986—1987. *Karhunhammas 13. Turku.*
- Korolainen, M. & Kolehmainen, A.-M. 1987: Kokemäki, Ylistaro, Leikkimäki. *Karhunhammas 11. Turku.*
- Mäki vuoti, M. 1992: Rautakauden asutus Pohjanmaalla. Suomen varhais historia (edited by Kyösti Julku). *Studia historica septentrionalis 21. Rovaniemi.*
- Meinander, C. F. 1969: Däviits. En essä om förromersk jäärmålder. *Finsk Museum 1969.*
- Moora, H. 1938: Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. *Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft XXIX.*
- Nerman, B. 1935: Die Völkerwanderungszeit Gotlands. Stockholm.
- Salo, U. 1984: Pronssikausi ja rautakausi. *Suomen historia I. Espoo.*
- Schauman-Lönnqvist, M. 1989: The Development of Iron Age Settlement in the Isokylä Area in Salo. Iron Age Studies in Salo III. *Finska Fornminnesföreningens Tidskrift 89: 2.*
- Schauman-Lönnqvist, M. 1992: Kontinentaler und skandinavischer Import als Indikatoren sozialer Strukturen der Kaiser- und Völkerwanderungszeit in Finnland. *Prähistorische Zeitschrift 1992/2.*
- Schulze, M. 1977: Die spätkaiserlichen Armbrustfibeln mit festem Nadelhalter: Gruppe Almagren VI 2. *Antiquitas, Reihe 3, Band 199. Bonn.*

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ» В БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКОЙ ТУНДРЕ

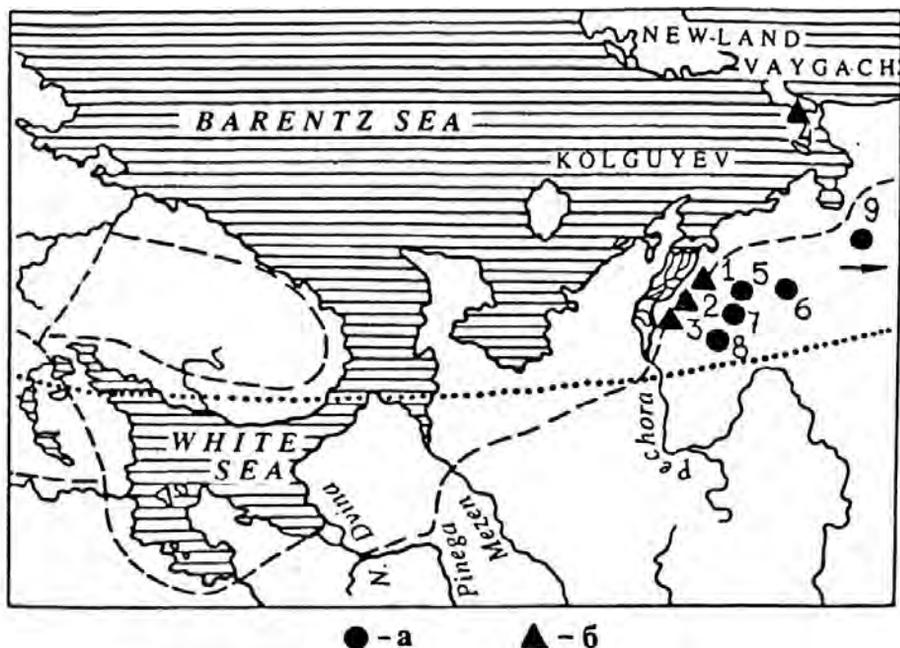
В последние годы интенсивно изучаются средневековые памятники восточноевропейской Арктики. На огромной территории от Скандинавии до Северного Урала выявлены и исследуются древности, представляющие первостепенное значение для понимания историко-культурных и этнических процессов, происходивших в арктических тундрах во второй половине I — начале II тыс. н. э.

Можно отметить два важнейших момента, связанных с этим процессом: во-первых, изучение арктического средневековья опирается на значительные успехи средневековой археологии северной части лесной зоны Восточной Европы; во-вторых, в районе Большеземельской тундры уже сейчас мы имеем дело с целой серией исследованных базовых памятников различного типа (могильники, жертвенные места, поселения).

Даже краткий анализ обнаруженных и исследованных памятников в зоне восточноевропейской тундры впервые дал возможность конкретно «ощутить» динамику этнокультурных контактов населения различных микрорегионов этой зоны, вычленив два пласта культуры, один из которых предварительно можно отнести ко второй половине I тыс. — рубежу или самому началу II тыс. н. э., а второй датировать началом II тыс. н. э. — концом XIII ст. Оказалось, что средневековый пласт древностей на ранних этапах связан с таким ярким явлением культуры, как пермский звериный стиль. Находки этого типа древностей в нижнепечорском регионе представлены тремя полностью раскопанными памятниками: это Ортинское городище в самом устье р. Печоры, святилище и городище на р. Гнилке (около Пустоззерска).¹

1. Ортинское городище расположено в устье р. Печоры, в плане городище — почти прямоугольник, оборонительные системы представлены рвами и валами с деревянными конструкциями внутри, имеется сложная система двух входов. Крепость можно охарактеризовать как памятник регулярной планировки, который и по характеру оборонительных сооружений, и по внутренней планировке —

¹ Ovsjannikov O. V. 1) The Yorodets Sanstuary of the 12th—13th Centuries on the Niznia Pechora River // ISKOS, 9. Helsinki, 1990. P. 99—105; 2) The Gorodets Sanctuary of the 6th—13th Centuries on the Lower Pechora River According to the Excavations Held in 1988—1990 // Specimia Sibirica: The Arctic Papers of an International Conference Syktyvkar, 16—18 May, 1991. Savarial, 1992. P. 189—194; 3) From the White Sea Land to the Lower Ob — the Ancient Trade Ronte to the Arctic // Fenno-Ugri et Slavi, 1992: Prehistoric Fenomy and Means of Livelihood. Helsinki, 1994. P. 78—87; Ovsjannikov O. V., Terebikhin N. M. Sacred Space in the Culture of the Arctic Regions // Sacred Spites, Sacred Places: One Worldarchaeology, 23. London & New York, 1994. P. 44—81; Овсянников О. В. Памятники с находками пермского звериного стиля // Духовная культура: Проблемы и тенденции развития: Тезисы докладов, III Всероссийская научная конференция, 11—14 мая 1994 г. Сыктывкар, 1994. С. 19—33.

Илл. 1. Памятники звериного стиля в Большеземельской тундре

1 — Ортинское городище в устье р. Печоры. VI—X вв.; 2 — Городецкое городище на р. Гнилке (окрестности Пустозерска). VI—X вв.; 3 — городище святилища на р. Гнилке. VI—XIII вв.; 4 — святилище острова Вайгач. VI—XIII вв.; 5 — находка бронзовой пантеры (полое литье) на юго-восточном берегу Городецкого озера (окрестности Пустозерска). VI—X вв.; 6 — находка бронзового зеркала в д. Устье. XVII в.; 7 — находка бронзового зеркала в д. Пыльмеи. XVII в.; 8 — находка трех бронзовых предметов у оз. Харитоновского. VI—X вв.; 9 — находка бронзовой «шумящей» подвески у пос. Каратайка (на р. Каратайха). VI—X вв.

a — случайные находки; b — раскопанные памятники

своеобразная «сулица» наземных жилищ вдоль фасадов крепости. Она имеет прямые и пока единственно достоверные аналогии среди укрепленных поселений обских хантов VII—XI вв. Из находок, относящихся к памятникам пермского звериного стиля, упомянем бронзовую полого литья рукоять железного кинжала с навершием в виде хищной птицы; бронзовую фигурку пантеры с детальной разработкой мышц; литую голову медведя. Наиболее близкие аналогии ведут нас на Нижнюю Обь, Северное Приуралье и Зауралье — в культуры так называемого пермского звериного стиля. Широкое распространение памятников данного типа подтверждают и случайные находки пермской бронзовой пластики в районе Нижней Печоры: фигурки человеко-зверей, пантеры.²

2. Городецкое городище на р. Гнилке. Памятник сохранился частично, но с трех сторон уцелели остатки валов и рвов, в насыпи вала прослежены остатки деревянных оборонительных конструкций.

² Три бронзовых предмета, изображающие человеко-зверей, найдены в тундре у г. Харитоновского нарьянмарским биологом С. Козловым; их фотографии опубликованы: *Ovsjannikov O. The Arctic of Russia in the Middle Ages: Recent Archaeological Discoveries and the Ancient Trade Route Along the Arctic Coast. Tromso, 1993. Fig. 40.*

Название древнего укрепления, на наш взгляд, все же сохранилось в письменных документах конца XV в., когда русские отряды соединились для похода в Сибирь на Печоре — они «пришли в Пещеру реку до Усташа града».³

Из бронзовых украшений наиболее интересные — рукоять железного кинжала, украшенная литой птицей, часть литой пряжки с изображением двух оленят и чудовища. Ближайшие аналогии этим находкам можно указать в памятниках Нижней Оби.

3. Городецкое святилище на р. Гнилке. Об этом памятнике, полностью исследованном нами, я уже делал доклад. Напомним, что здесь были найдены бронзовый антропоморфный идол, бляха с животными, расположенными в три яруса и терзающими друг друга. Здесь же был найден костяной гребень с гравированным изображением белого медведя.

Одна из последних случайных находок сделана учителем Каратайской школы, многолетним участником нашей экспедиции П. Вылко (илл. 2) недалеко от устья небольшого ручья, впадающего в р. Каратайха. Это бронзовая пластина с шестью петлями-завершениями по концам пластины. Назначение бронзовых петель вполне ясно — к ним крепились «шумящие» части привески, причем к одной паре ушек (возможно, верхней паре) шумящие привески крепились непосредственно к петле, а к другой паре ушек привески крепились через переходное звено, имеющее также пару ушек и украшенное круглой выпуклостью. Непосредственно «шумящая» часть подвески имеет острые концы, она сделана как бы в виде «перьев». Поверхность пластины украшена S-образным орнаментом. На наш взгляд, найденное в восточной части Большеземельской тундры бронзовое украшение отдаленно напоминает фрагмент бронзовой пластины, раскопанной Э. А. Савельевой в Ылджыдьельском могильнике (погр. 74) и атрибутированное автором раскопок как «предмет поясного набора».⁴ В то же время по характеру изготовления и по типу «шумящих» привесок эти вещи весьма отличны.

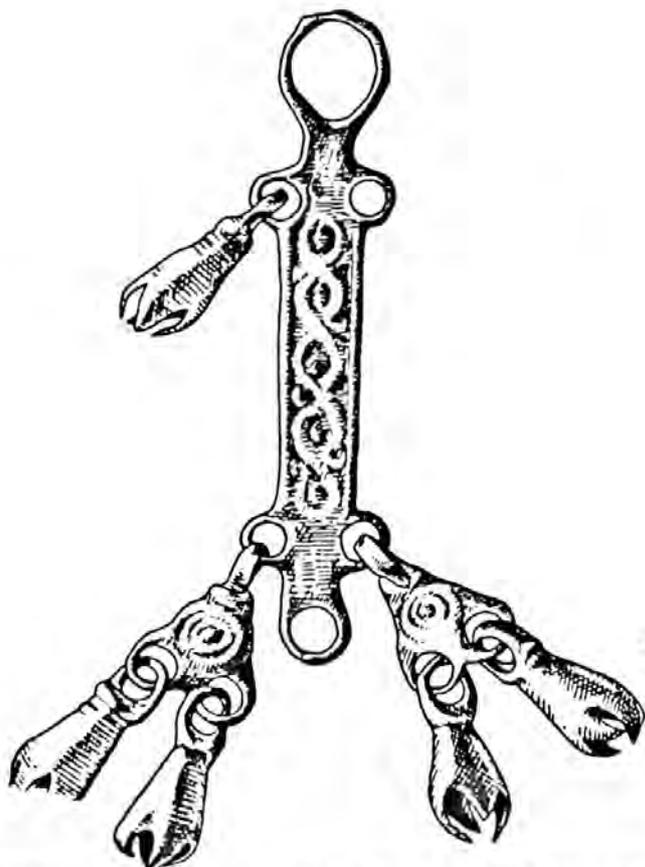
Вероятно, еще предстоит работа по сбору и атрибуции всех известных случайных находок в бассейне Нижней Печоры. Например, такие находки известны, главным образом, по течению Средней Печоры: в 1890 г. в районе Усть-Цильмы древние находки приобретал секретарь отделения этнографии ИРГО Ф. М. Истомин, получивший в том году право производить раскопки «на землях казенных, общественных и принадлежащих установлением».⁵ Преимущественно позднесредневековые предметы были собраны на берегах Пустозерского озера и присланы в дар Археологической комиссии о. Иоанном Поповым.⁶ Наиболее интересные предметы присланы в Археологическую комиссию в 1899 г. крестьянином Алексеем Аншуковым, собраны они им были также в районе Усть-Цильмы: «красной меди пластинка в виде слона, найденная при распаханья поля», «изображение орла

³ Беляев Д. О географических сведениях в древней Руси // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. VI. СПб., 1852. С. 248.

⁴ Савельева Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв. Л., 1987. Рис. 36.

⁵ Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 1, 1890, № 53, л. 4, 12 об., 13.

⁶ Там же, 1891, № 134, л. 1—2.

Илл. 2. Находка бронзовой «шумящей» подвески у пос. Каратайка. V—X вв.

медное» и «старинный нож, рукоятка медная (желтой меди) с украшением, найденный в горе ручья».⁷

Возможно, все упомянутые материалы раскопок и случайные находки — это свидетельства существования в VII — начале XI ст. в арктических тундрах к востоку от р. Северной Двины, р. Мезени и до Северного Урала обширной контактной зоны, население которой в рассматриваемое время входило в большое образование — трансуральскую культурную область, дифференциация которой началась в период контактов с Древней Русью и болгарами.

К сожалению, пока очень мало известно о памятниках Большеземельской тундры после рубежа XIV—XV вв. По существу, исследован только один очень поздний комплекс — могила XIX в. в восточной части Большеземельской тундры (левый берег р. Падимейвис, приток р. Каратаихи).⁸ Памятник интересен тем, что содержит бронзовые украшения, несомненно, позднего происхождения, но как по сюжетам,

⁷ Там же, 1899, № 177, л. 4.

⁸ Чернов Г. А. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры // СА, XV, 1951. С. 308—324.

Илл. 3. Бронзовое зеркало — стрелец-кентавр. XVII вв., д. Устье

так и по изготовлению (например, круглая прорезная подвеска с конем внутри⁹) они аналогичны бронзовым украшениям более древнего происхождения (например, кентавр, стрелец, всадник¹⁰). Однако эти древние сюжеты также претерпели значительные изменения: не только стали более грубыми по технике изготовления, но представляется, что изготовители их, равно как и «потребители», утратили знание первоначального сюжетного смысла изображений.

Почти все исследователи, которые занимались данной категорией материала, усматривали несомненно «религиозную символику сцен», считая, что на бронзовой бляхе или медальоне изображен не просто охотник, а божество в виде охотника, покровитель лесного мира зверей.¹¹ Датируя находки бронзовых блях с охотничьими сценами в Вымских могильниках XI—XIII или XII—XIII вв., Э. А. Савельева считает, что большинство из них изготовлялось на основе сасанидских мотивов в Волжской Болгарии (лишь одна бляха, по ее мнению, может иметь древнерусское происхождение).¹² В восточной части Большеземельской тундры бляха этого же времени с изо-

⁹ Там же. Табл. IV, рис. 11.

¹⁰ Там же. Табл. IV, рис. 1, 5, 12.

¹¹ Леценко В. Ю. Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. 1970. № 3. С. 148.

¹² Савельева Э. А. Вымские могильники XI—XIV вв. С. 118; *Ее же*. Роль Волжской Болгарии в развитии культур Перми-Вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 101—102.

бражением всадника и охоты найдена только на святилище Болванский Нос I на о. Вайгач.¹³

Наше внимание привлекло несколько случайных находок, сделанных в районе древнего Пустозерска в последние годы, — это бронзовые лгтые бляхи с ушками, изображающие стрельца и кентавра (илл. 3, 4). Найденные древности относятся, на наш взгляд, к тому пласту позднесредневековой мелкой пластики, подробную сводку которого опубликовал в свое время А. П. Окладников.¹⁴ Бляха с Печоры с изображением стрельца, в отличие от сибирских блях, имеет только одно отверстие для подвешивания (одно отверстие имеет также бляха «Стрелец» из могилы, раскопанной Г. А. Черновым). Бляха с кентавром из этой же могилы имеет, как и сибирские, два отверстия в верхней части, а бляха с изображением всадника имеет овальную петлю для подвешивания.¹⁵ Печорский кентавр, в отличие от сибирских блях, также имеет петельку для подвешивания. Любопытно сравнить печорскую находку с кентавром и бронзовую бляху из Западной Сибири, обнаруженную на поверхности вместе с другим инвентарем (вероятно, разрушенная могила), — это на редкость схожие отливки, отличающиеся едва заметными деталями. Сходство увеличивается также наличием ушек в верхней части обеих блях (илл. 5).

А. П. Окладников очень эмоционально описал данный тип бронзовой пластики: «...перед нами — неожиданно пышный и яркий для крайнего севера Азии и тем более для XVII в. фантастический образ мифического существа тройственной природы, крылатого кентавра, совмещающего в себе черты человека, лошади и птицы, образ снабженный атрибутами царственного величия и божественного космического происхождения, о чем выразительно свидетельствует звездный фон, на котором он находится».¹⁶ Нам представляется, что мы имеем дело с одной очень древней традицией, которая в различных регионах и в различное время проявлялась по-разному. Однако все сюжеты — стрелец, кентавр и всадник на соколиной охоте — образуют круг сюжетов, характерных для «Александриады» (иллюстрация к жизнеописанию Александра Македонского). Любопытно, что в XI—XIII вв. сюжет «Всадник на соколиной охоте» представлен на бляхах (имеют петельку для подвешивания), которые встречаются в XVII в. в районах Северной Азии. Как справедливо считал А. П. Окладников, это зеркала, но с определенной системой подвешивания (по две дырочки в верхней и нижней частях зеркалов), в центре каждого зеркала присутствует уже утративший практическое значение выступ-шпенек (ранее использовавшийся в каче-

¹³ Хлобыстин Л. П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. Рис. 1 (27). Вайгачская бляха приведена нами лишь в качестве сюжетной аналогии, так как сама вещь изготовлена в совершенно иной технике.

¹⁴ Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. 1950. № 8. С. 1—2, 5.

¹⁵ Вещи были собраны доктором биологических наук М. Д. Сониным на берегу р. Надым у пос. Шуга (Тюменская область, Ханты-Мансийский нац. округ). Благодарю М. Д. Сонины за возможность публикации одной из находок.

¹⁶ Окладников А. П. Бронзовое зеркало... С. 142.

Илл. 4. Бронзовое зеркало — крылатый кентавр.
XVII в., д. Пылавец

Илл. 5. Бронзовое зеркало — крылатый кентавр. XVII в.

стве рукоятки). В более позднее время, вероятно с конца XVII в. и в последующие периоды, в Большеземельской тундре и на севере Западной Сибири существовали бронзовые бляхи-амулеты, сохранявшие и в сюжете, и в декоре старинные традиции (в том числе и выступ-шпенек на сюжетной стороне подвески), но имевшие для ношения или одну петельку, или дырочки в обрамляющем сюжет декоративной пояске. То есть к этому времени изменился способ подвески бляхи.

Широкое распространение «александрийских» сюжетов преимущественно на северо-востоке Восточной Европы и в Западной Сибири, особенно в XVII—XVIII вв., объясняется во многом общей историко-культурной судьбой племен, населявших эти районы Севера.

Высказанные в данном докладе суждения во многом носят предварительный характер. Тем важнее было ввести в научный оборот материал, часть которого находится в частных коллекциях.

RELIGION IN ARCHAEOLOGICAL PERSPECTIVE — ASPECTS OF METHODOLOGY AND INTERPRETATION

The study of religions, like archaeology, belongs to the broad sphere of cultural studies. Where archaeology approaches all components of past and prehistoric cultures, the study of religions focuses on a single area. Chronologically, it covers phenomena from the distant past to the present day. This extends the array of comparative materials for investigating the individual manifestations of even ancient religions to presently existing communities in similar ecological conditions and at similar levels of social organization.

Accordingly, the problems and methods of archaeology and the study of religions are widely different. In spite of this, several common bases emerge when these respective fields of research focus on ancient cultures. The material elucidating prehistoric religions must often be collected and dated by archaeological methods. But archaeological approaches and methods alone are not sufficient for studying past religious phenomena; the means of both disciplines are required. Unless we know the religion of a prehistoric community — the way its members comprehended the universe and their own place in it, their conceptions of visible reality, the afterlife and the forces operating in them — we will be hard put to interpret social structures and the models of economic activity within the community.

Although, at least in Western society, religion appears to have taken second place to other ideologies and world views in satisfying needs previously served by it, phenomena such as the rise of Islam clearly demonstrate the considerable influence religion can still have under certain conditions. There are further examples of interest in religion and its increased significance, such as the new status of the Orthodox Church in Russia, widespread Western interest in eastern religions, and the wide flowings of new religious movements.

Archaeology and the study of religion

Interest in religion has in turn led to increasing scholarly focus on its various manifestations; this even concerns prehistoric religions, an area which is the most difficult to approach and interpret. Among the Scandinavian countries, Sweden — with its long traditions of studies in religion, for example, in connection with rock carvings, stones with images and early Christianity — has been particularly active in this area (e. g. Gräslund 1987, 1991, 1992; Görman 1987, 1989; Hultgård 1992; Kaliff 1992a, 1992b, 1993).

Few Finnish archaeologists, however, broached the subject of religion, and even fewer have presented conclusions. The main exceptions are a few researchers who have discussed the problems of early Chris-

tianity (e. g. Cleve 1948, 1952, 1955; Kivikoski 1955, 1969; Hirviluoto 1984, 1987; Lehtosalo-Hilander 1987; Salo 1987; Purhonen 1984, 1987, 1992a, 1992b, 1992c, 1993). Broader perspectives on prehistoric society in Finland are presented in general works on the subject by Matti Huurre and Torsten Edgren. These writers also outline prevailing religious concepts in various stages of prehistory (Huurre 1979; Edgren 1992). Unto Salo is the only Finnish archaeologist to have followed the concepts of the study of religions in his research. Salo's research in this area includes discussions of the significance of oval fire-striking stones and so-called troll stones and the imagery of the Gundestrup kettle (Salo 1962, 1972, 1990a, 1990b). Among experts in the study of religions, Anna-Leena Siikala has recently referred to archaeological materials in her work *Suomalainen samanismi* (Finnish Shamanism) published in 1992.

The caution of Finnish archaeologists is understandable and is naturally based on an awareness of the many potential sources of error in connection with the study and interpretation of religious phenomena on the basis of archaeological material. But despite limited scholarly interest in religion, no archaeologists have questioned its existence or role in the various periods of prehistory. Perhaps the main reason for the lack of discussion is the time-honoured positivist tradition of Finnish archaeology, which has often restricted interpretations to presentations of primary results.

Unlike his Finnish colleagues, who have taken hardly any stand on the subject, Carl-Axel Moberg of Sweden has adopted a highly critical view of interpreting the religious significance of archaeological material. Citing a number of examples, Moberg reveals the insufficient evidence for commonly held notions of prehistoric Nordic religions, such as claimed sun worship in the Bronze Age (Moberg 1977, 98—105).

If the goal of archaeology is defined as the total investigation of specific cultures in certain periods, we should also try to establish the role or position of religion in the cultures concerned. Outlined in the following discussion are a few possible approaches developed from two basic assumptions. The first is that the Stone Age population of Finland already had some concept of supernatural powers which could control people's lives and the cycles of nature. The second assumption maintains that burial according to an established ritual indicates belief in life after death. Although these points cannot be proven at least with the oldest archaeological material, we can take as our starting point the «sacred» paradigm of studies of religion. According to Mircea Eliade, all people have an unconscious idea of the sacred. Accordingly, experiencing the sacred is the prerequisite for the models of behaviour from which religions have developed. In the following, the concept of religion is given a broad meaning to denote the whole world view of prehistoric man.

Material and problems

Prehistoric religions can be studied with the aid of religious material. This area of material culture includes votive gifts related to cult practices, sacred images, sacrificial vessels, symbols, emblems and amulets

indicating personal beliefs, sacrificial and burial sites, graves, rock art, and other areas of art. In some cases, the starting point may be non-archaeological, for example, written sources, folk poetry or mythology. It may also be necessary to apply the methods of disciplines such as art history, cultural anthropology, history and linguistics. Combinations of various approaches are often required.

The problems of research will stress an archaeological perspective if the researcher is specifically interested in the material expressions of religion in a certain period. This also concerns studies focusing on the process of religious change, the starting points and results of such processes, their course, and the causes and consequences of religious change. Also considered are the ways in which religions are spread (conversion, movements of population, the agency of an upper class, in connection with the adoption of new means of livelihood, or on a bilateral basis as in connection with trade) and other phenomena that are to be explained with reference to religion.

The perspective of studies of religion is more prominent in evaluating the overall potential of the archaeological record in this field and in investigating religions as separate phenomena or religion and world view as a whole. This also applies to descriptions of a religion as part of a culture, to studies of the overall role of religion in the life of a community, and to explaining religion in terms of other phenomena.

Religion can be studied from the perspective of both the individual and the community. It may have emerged as a collective activity for ensuring means of livelihood (e. g. hunter-gatherer shamanism and the related means of leading the dead into the afterlife by following prescribed rituals, the fertility rites and ancestor worship of agricultural peoples, the painting of images on rocks to ensure success in hunting). In these contexts even individual mishaps, illness and ailments were often attributed to transgressions against the community. A primary religious focus on the individual and the securing of his or her post-mortem state is evidenced for example in cremation when it is based on a belief in the existence of the soul, and in Christian inhumation burial when it is regarded as ensuring the resurrection of the body on the Last Day.

Sources of error

The numerous sources of error in the study of prehistoric religions have often been pointed out. Although research proceeds from the concrete and tangible archaeological material, we have no way of knowing its intra-cultural symbolic significances, much less its relationship to abstract beliefs and the religious practices which arise from them. Consequently, it is by no means certain that, for example, the common features of modern and Iron Age burial customs have the same significance. This discrepancy is known in at least one case which is described in a contemporary written source, the account by the Arabian traveller Ibn Fadlan of the cremation of a Viking chieftain on the Volga. In this text, one of the participants in the rite reveals the reason for the cremation:

the deceased will enter paradise immediately after the flames have turned his body into ashes (Simonsen 1981, 59). Accordingly, the purpose of burning the body would have been to free the invisible spirit of the deceased, or to release the soul from the dead body. In our culture, among those who generally believe in the existence of the soul, it is believed to leave the body at the moment of death, and cremation is mainly a practical arrangement due to crowded urban cemeteries.

A further source of error is our tendency to posit relations of cause and effect based on our own cultural and contemporary frame of reference. These tendencies may lead to one-sided explanations of cultural phenomena with reference to economic, ecological, sociological, political, or even religious factors.

Problems also arise when conclusions are drawn from the archaeological material without sufficient criticism based on the results of modern studies in cultural anthropology. In her work on Finnish shamanism, Anna-Leena Siikala also reviews prehistoric burial customs as indicators of beliefs in the afterlife, observing that the graves and the objects found in them reveal concepts of the post-mortem state of the individual. According to her, these concepts fall into two main groups, one of which is related to the so-called close realm of the dead, while the other refers to the «distant» realm of the dead.

Notions related to the distant realm of the dead appear to be characteristic of Arctic hunting and fishing cultures, among which Siikala includes the Stone Age Comb Ware culture of Finland. These ideas tell of a fearful attitude of avoidance towards the spirits of the dead and they would be a suitable background for open-air burial or interment in simple pits. Siikala also regards the use of red ochre and fire in connection with burial as a means of isolating the dead from the community of the living (Siikala 1992, 106—112). With regard to the disposal of the dead in the open air, there is no evidence of this custom from prehistoric times (nor could there be). Although it is possible that only part of the population of a prehistoric community was given an archaeologically verifiable burial, the example of the Late Mesolithic site of Jönsas in Vantaa shows that most of the dead of at least this community were interred with the required rites. Excavations at Jönsas revealed a cemetery of 23 graves treated with red ochre, in which even graves close to each other remained distinct and separate, indicating burials carried out within a relatively short period.

In Scandinavia, where the osteological material of redochre graves has survived better than in Finland, there are even finds of religious symbols in the graves of new-born babies (Albrethsen & Brinch Petersen 1976). Many features of corresponding graves in Scandinavia and Finland, particularly the rich grave goods of amber and flint in the redochre graves of the Comb Ware culture, would indicate attitudes of respect and affection towards the deceased. The location of the cemetery in the actual dwelling site and its connection with both the Suomusjärvi and Comb Ware cultures do not support the suggestion of fear of the dead.

In discussing the religious concepts of the Comb Ware population with reference to the world view of the Arctic hunter-fisher communities of Siberia, Anna-Leena Siikala applies a phenomenological

method whereby religious phenomena can be compared with each other regardless of their respective geographical or historical contexts.

Siikala, however, does not consider the fact that the Neolithic, or even Late Mesolithic, population of Finland did not live in severe Arctic conditions but in a climate which was considerably more temperate than today, permitting, under optimum conditions, the formation of a considerable economic surplus. Affluence is indicated by a wide range of imported objects, as also by the fact that the Stone Age population was of approximately the same height as the present-day Finns (Edgren 1992, 64). This correlates well with the nutritional situation and accordingly with the general standard of living. In applying the religico-phenomenological method, we should also take into account the ecological context and socio-economic level of the communities and societies concerned. Insecure conditions and continuous concern for the welfare of the community will easily make people seek aid from supernatural powers. It is also possible that the anxieties of life in this world are reflected in concepts of the afterlife, which in the Arctic regions would have been expressed, for example, as fear of the dead.

On the other hand, archaeologists have not questioned Matti Huurre's suggestion of totemism as an explanation for the numerous animal-head sculptures of the Comb Ware culture (Huurre 1979, 65; see also Siiriäinen 1981, 26). According to this theory, religion and society would have been based on a kind of clan system, in which each clan had its own totemic animal. The totemic animal, with which a special mythical relationship existed, was considered to be the ancestor of one's own kin group. Accordingly, the animal-head weapons and other visual representations of animals were images of these beings. Experts have also accepted Ari Siiriäinen's religico-ecological model for explaining rock paintings, although Siiriäinen himself has later rejected it, though not in writing. According to him, rock paintings began to be made possibly as targets for ritual shooting with spears and arrows only after the elk stocks had been depleted through excessive hunting in the Comb Ware period (Siiriäinen 1981, 26—27; 1982, 18—19).

Grave finds as sources on religion

Most of our conclusions concerning prehistoric religion in Finland are based on the material provided by graves. Where interpretations of the religious concepts and beliefs of a culture are based on its burial customs, we must bear in mind that the discovery of Stone Age graves in particular is a highly random occurrence. Even as late as 1961, not a single Mesolithic grave was known in Finland, and the first discoveries of Comb Ware period graves were not until 1959. The first Corded Ware period graves to be preserved intact were only excavated in the 1970s. In most cases, the significance and symbolic value of objects placed in graves can only be guessed. Moreover, almost all organic material, possibly including significant elements of the grave furnishings, has disappeared.

However, Iron Age graves offer the best possibilities among the various bodies of material on religion in different periods to investigate

prevailing notions of the afterlife. In comparison with Stone Age and Bronze Age graves, these have been excavated and studied in far greater numbers, and they often contain rich and varied collections of finds. On the part of the Iron Age, there are already written sources on the history of neighbouring regions facilitating comparisons.

It cannot be judged from the burial custom alone whether it tells of the ideas and concepts of the deceased or his community. Nor do we know how closely the actual burial rite was regulated in different times, cultures and regions, or whether it may have been easier to stray from established practices in peripheral areas. We may also ask whether differences in burial customs within the same cemetery are due to chronological factors or to differences of some kind among the deceased.

With respect to grave goods, it can be said that they may be objects which the living and the bereaved regarded as necessary in the afterlife, but other explanations are possible. The data of cultural anthropology tells that among certain tribes the deceased was entitled to have a certain share of his or her property placed in the grave, in other words it was a question of both economy and ensured existence in the afterlife. Giving the deceased abundant grave goods could also be a manifestation of the wealth of the kin group, whereby the burial could have been a kind of competition among families or a demonstration. In some communities objects owned by the deceased were taboo. The bereaved were not permitted to use them, and they were buried just as the corpse was. Acts such as the breaking of weapons have been explained as preventing the dead from using them against the living; an alternative explanation is that also the weapons had to «die» in order to serve their owner in the afterlife.

But without written sources or reliable oral tradition the study and interpretation of the religious meanings of various burial customs remain difficult. Furthermore, even a well-argued interpretation may not cover all cases within the same culture. Even in prehistoric times, there were people who had a different attitude towards religion than other members of their communities. Some may have been more bound to prevailing beliefs and practices, particularly the «professionals» of religious life such as priests, witches and shamans, while other may have been indifferent or even hostile towards religion. There is even written evidence of this from the Viking Age, albeit in sagas written down a few hundred years later. These sources tell of «men of their own power» who rejected both the old paganism and the newly spreading Christian faith (Gräslund 1987, 82—83).

The syncretistic process of change

The «archaeological» approach to studying religion entails the following of a syncretistic process. My example here is the adoption of Christianity in Finland. Although the first contacts with the Christian religion are already evidenced in the Merovingian Period material, I have limited my discussion to the Crusade Period, the last pre-Christian period in the history and prehistory of Finland. The spread of the new religion can be seen in the gradual changing of burial customs: the

adoption of unfurnished burial and the east-west orientation of graves. This was related to the aim of the Christian church to implement the regulations and proscriptions on burials laid down in canonic law. As the authority of the church grew, Nordic burial practices were also adopted in Finland.

The sources for studying this process of change consist of all 68 excavated Crusade Period cemeteries in present-day Finland and the parts of Karelia ceded to the former Soviet Union after the Second World War. Of these, 49 were in use solely during the Crusade Period. Comparisons are made with a number of medieval cemeteries. The material contains some 600 individual Crusade Period burials and approximately 300 medieval burials. Surveyed and recorded in this material are, among other features, the burial customs and features of grave structures and furnishings. The mean orientation of graves in each cemetery was calculated as well as the respective percentages of graves without finds, those containing only remnants of dress, and graves containing weapons. The following section briefly describes two comparisons of the material, indicating how the process of converting to Christianity proceeded in different cemeteries.

By comparing the proportions of burials with grave goods, those with weapons, and graves containing only remains of clothing in each cemetery, it is noted that the latter group is a significant indicator of the degree to which the Christian burial custom was followed. The youngest cemeteries contained the smallest number of both furnished graves and those with only fragments of clothing. This correlation appears to be significant; in other words, the closer the percentage of burials with grave goods is to that of graves with only remains of dress, and the smaller these percentages are, the greater the degree of Christianization in the community concerned.

The next comparison concerned the mean orientation of all the graves in each cemetery with the percentage of graves without finds. If the assumption that the east-west orientation (270°) gradually becomes adopted as the Christian practice is correct, and that the complete absence of grave goods is the main criterion of the Christian burial custom, these phenomena should have a marked correlation. It was observed that in the cemeteries in which the mean orientation of the graves was closest to the north-south direction, graves without finds were fewest. This particularly concerned the richly furnished cemeteries of Karelia (Purhonen 1992a, 202—222; 1993).

Studying syncretistic processes of change makes it possible to monitor religious acculturation by measuring concrete evidence. This, however, requires that the initial and final situations under review can be defined precisely and that a sufficient corpus of material is available. A further requirement is to be able to date the various stages of the process with reference to artefacts. In other words, an internal chronology must be established for the period under study. With regard to the Christian conversion of Finland, we should also remember that although this process followed the same pattern throughout the country, it began and ended at different times in different regions.

Concluding remarks

There are many sources of error in trying to draw conclusions concerning religion on the basis of the archaeological record. Some of these result from the material itself, its one-sidedness and random occurrences, while others have to do with the researcher, whose own cultural background emerges in the problems considered and in the interpretation of phenomena. An example of an «archaeological» approach to religion is the study of syncretism as a process of religious change. This method makes it possible to follow the course of the process by surveying individual phenomena reflecting in. This, however, provides information only on the exterior manifestations of religion. It is, however, possible in some cases to draw conclusions concerning religious concepts and the intra-cultural meanings of symbols as archaeological facts when anomalies emerge in the overall picture (Purhonen 1992b, 212—216).

Despite the problems and obstacles discussed above, archaeologists, too, should try to take into account the role of religion in the world view of prehistoric man. This may offer a better understanding of culture as a whole and possibly explain the structures of past society and the models of behaviour and action particular to the communities studied. If these interpretations are undertaken by archaeologists, who are familiar with the ecological, economic and chronological contexts of the finds, a number of sources of error can be eliminated. Even though the conclusions may ultimately prove to be incorrect, they may have been of use in raising discussion and furthering research.

BIBLIOGRAPHY

- Albrethsen, S. E. & Brinch Petersen, E. 1976: Excavation of a Mesolithic Cemetery at Vedback, Denmark. *Acta Archaeologica*. Vol. 47. København.
- Cleve, N. 1948: Spår av tidig kristendom i västra Finland. *Finskt Museum* 1947—1948.
- Cleve, N. 1948: En kyrkogård från korstågstiden. *Corolla archaeologica in honorem C. A. Nordman*. Helsinki.
- Cleve, N. 1955: Från hedendom till kristendom. *Hår restes Kristi kors: festskrift till Finlands kyrkas 800-årsjubileum*. Helsingfors.
- Edgren, T. 1992: Den förhistoriska tiden. *Särtyck ur Finlands historia I*. Ekenäs.
- Görman, M. 1987: Nordisk och keltisk. Sydsandinavisk religion under yngre bronsålder och keltisk järnålder. Lund.
- Görman, M. 1989: Hur kan man använda arkeologiskt material i religionshistorisk forskning? Några metodiska överväganden och tolkningsförsök. *Arkeologi och religion*. University of Lund, Institute of Archaeology. Report Series No. 34. Lund.
- Gräslund, A.-S. 1987: Pagan and Christian in the Age of Conversion. *Proceedings of the Tenth Viking Congress*. Universitetets Oldsaksamlings Skrifter. Ny rekke. Nr. 9. Oslo.
- Gräslund, A.-S. 1991: Gravmaterialet som källa till kunskap om religiösa förhållanden. Gravfältundersökningar och gravvarkeologi. *Forskning för kulturmiljövård 3*. Riksantikvarieämbetet. Stockholm.
- Gräslund, A.-S. 1992: Kultkontinuitet — myt eller verklighet? Om arkeologins möjligheter att belysa problemet. Kontinuitet i kult och tor från vikingatid till medeltid. *Projektet Sveriges kristnande*. Publikationer I. Uppsala.
- Hirviluoto, A.-L. 1984: Articles 'Idän ja lännen ristit' and 'Hollolan Kirkailanmäki' in Suomen Esihistoria. *Suomen historia I*. Espoo.
- Hirviluoto, A.-L. 1987: Päättävän rautakauden ja varhaiskeskiajan hautalöydöistä. Muinaisrunot ja todellisuus. *Historian aitta X*. Jyväskylä.

- Hultgård, A. 1992: Religiös förändring, kontinuitet och ackulturation / synkretism i vikingatidens och medeltidens skandinaviska religion. Kontinuitet i kult och tro från vikingatid till medeltid. *Projektet Seriges kristnande. Publikationer 1*. Uppsala.
- Huurre, M. 1979: 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. Keuruu.
- Ibn Fadlan see Simonsen.
- Kaliff, A. 1992a: Brandgravskick och färeställningsvärld. En religionsarkeologisk diskussion. *Occasional Papers in Archaeology 4. Societas Archaeologica Upsaliensis*. Uppsala.
- Kaliff, A. 1992b: En religionsarkeologisk syn på gravar. *TOR. Vol. 24*. Uppsala.
- Kaliff, A. 1993: Världsbild och dödsuppfattning. En essä med exempel. *TOR. Vol. 24*. Uppsala.
- Kivikoski, E. 1955: Suomen varhaisin kristillisuus muinaistieteellisen aineiston valossa. *Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia 56*. Helsinki.
- Kivikoski, E. 1969: Christliche Einflüsse in dem archäologischen Material der Wikingerzeit und der Kreuzzugszeit Finnlands. *Acta Visbyensia III. Visby-symposiet för historiska vetenskaper 1967*. Visby.
- Lehtosalo-Hilander, P.-L. 1987: The Conversion of the Finns in Western Finland. *The Christianization of Scandinavia*. Alingsås.
- Luoto, J. 1989: Suomen varhaiskristillisyydestä. *Suomen Museo 1989*.
- Moberg, C.-A. 1977: Archaeology and Religion: What Can We Know? *Temenos. Vol. III. Studies in Comparative Religion*. Helsinki.
- Purhonen, P. 1984: The Crucifix from Takskula, Maaria — on the Iconographic and Stylistic Aspects of a Group of Crucifix Pendants. *ISKOS 4*. Vammala.
- Purhonen, P. 1987: Cross-Pendants from Iron-Age Finland. Byzantium and the North. *Acta Byzantica Fennica. Vol. III*. Helsinki.
- Purhonen, P. 1992a: Suomen ristiretkiäikaiset ristiriipukset ja varhainen kristillisuus. *Unpublished Licentiate Thesis Manuscript, Department of Archaeology, University of Helsinki*.
- Purhonen, P. 1992b: Arkeologisen löytöaineiston tarjoamista mahdollisuuksista kristinuskon varhaisvaiheiden tutkimuksessa. *Suomen varhaishistoria*. Jyväskylä.
- Purhonen, P. 1992c: Late Prehistoric Cruciform Pendants and the Problem of Early Christianity in Finland. *Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Academy of Sciences. Institute of History*. Tallinn.
- Purhonen, P. 1993: Länsi-Suomen ristiretkiajan sisäisestä kronologiasta: (On the Internal Chronology of the Crusade Period in Western Finland). *Paper delivered at the Historia Fenno-Ugrica Congress in Oulu 1993. In press*.
- Salo, U. 1962: Gundestrupin kattila suomalaisesta näkökulmasta. *Kalevalaseuran vuosikirja 1962*. Helsinki.
- Salo, U. 1972: Merikarvian tonttukivet. *Sananjalka 14. Suomen kielen seuran vuosikirja*. Turku.
- Salo, U. 1987: Suomen kristillistymisen varhaisvaiheita. *Studia historica in honorem Vilho Niitemaa. Turun historiallinen arkisto 42*. Turku.
- Salo, U. 1990a: Agricola's Ukko in the Light of Archaeology. A Chronological and Interpretative Study of Ancient Finnish Religion. *Old Norse and Finnish Religions and Cultic Place-Names*. Åbo.
- Salo, U. 1990b: Fire-Striking Implements of Iron and Finnish Myths Relating to the Birth of Fire. *Fenno-Ugri et Slavi 1988. ISKOS 9*. Vammala.
- Siihkala, A.-L. 1992: Suomalainen samanismi — mielikuvien historiaa. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 565*. Hämeenlinna.
- Süriäinen, A. 1981: On the Cultural Ecology of the Finnish Stone Age. *Suomen Museo 1980*.
- Süriäinen, A. 1982: Recent Studies on the Stone Age Economy in Finland. *Fennoscandia Antiqua*. Helsinki.
- Simonsen, J. B. 1981: Vikingerne ved Volga. Ibn Fadlan reisebeskrivelse resumeret, de-loversal og kommenteret af Jorgen Back Simonsen. Århus.

SACRIFICIAL STONES IN ANCIENT KARELIA

To date 26 sacrificial stones with sacrificial cups are known from the former Finnish Karelia, that is, the Karelian Isthmus and the north-western and northern shores of Lake Ladoga (fig. 1). In three instances the cups were, in fact, made in the surface of protruding bedrock (two in the former rural parish of Käkisalmi, one in the parish of Kirvu). Most of the known cupstones are located in Lapinlahti (Sakkola), in Hovinsaari (among other places in Räsälä) and in Suotniemi (Käkisalmi). The number of cupstones in the whole of Finland lies somewhere between 200 and 300 (Sarmela 1971; Offerstenar i Malax 1984).

As not all of the Karelian sacrificial stones have been checked, and the exact location of all the stones is not documented, the information on the existence of the sacrificial cups has not been corroborated. Several of the documented sacrificial stones (19) have already disappeared and four of the stones in Lapinlahti (Sakkola) disappeared as a field of a state collective farm was cleared in 1992.

There is also information about sacrificial stones in Karelia (14 stones) which do not have cups, or there is at least no mention of any. A question often arises concerning stones which by appearance are somewhat conspicuous, which may possess natural hollows, e. g. weathering recesses, once used for placing sacrificial offerings. I will not refer to such stones in this presentation.

The first sacrificial stone was found in Finland in 1877 (Huur 1971, 32), and thus sacrificial stones were known when Theod. Schvindt carried out his first excavations in Karelia. Schvindt did not however, mention cupstones in his excavation reports from the 1880, although the sacrificial stones of Tontinmäki in Hovinsaari (Räsälä) and Riihimäki in Suotniemi (Käkisalmi) are located adjacent to cemeteries excavated by him. In his thesis published in 1892 (see Schvindt 1893) he made no comment on sacrificial stones, although he described sacrificial rites in the chapter «Religion and Magic». This was in spite of (according to archive sources) the Riihimäki sacrificial stone in Suotniemi being known to him already 1890. Tallgren was the first to pay more attention to sacrificial stones (A. M. T. 1917, see also Uhrivä 1895).

The number of sacrificial stones known in the Karelian Isthmus increased when an inventory was made by A. I. Saksa at the end of 1970s. Saksa has, in addition to identifying previously known stones, «found» up to 13 new sacrificial stones.* The majority (9) are located

* I thank Dr. Alexander I. Saksa for having allowed me to use his unpublished material.

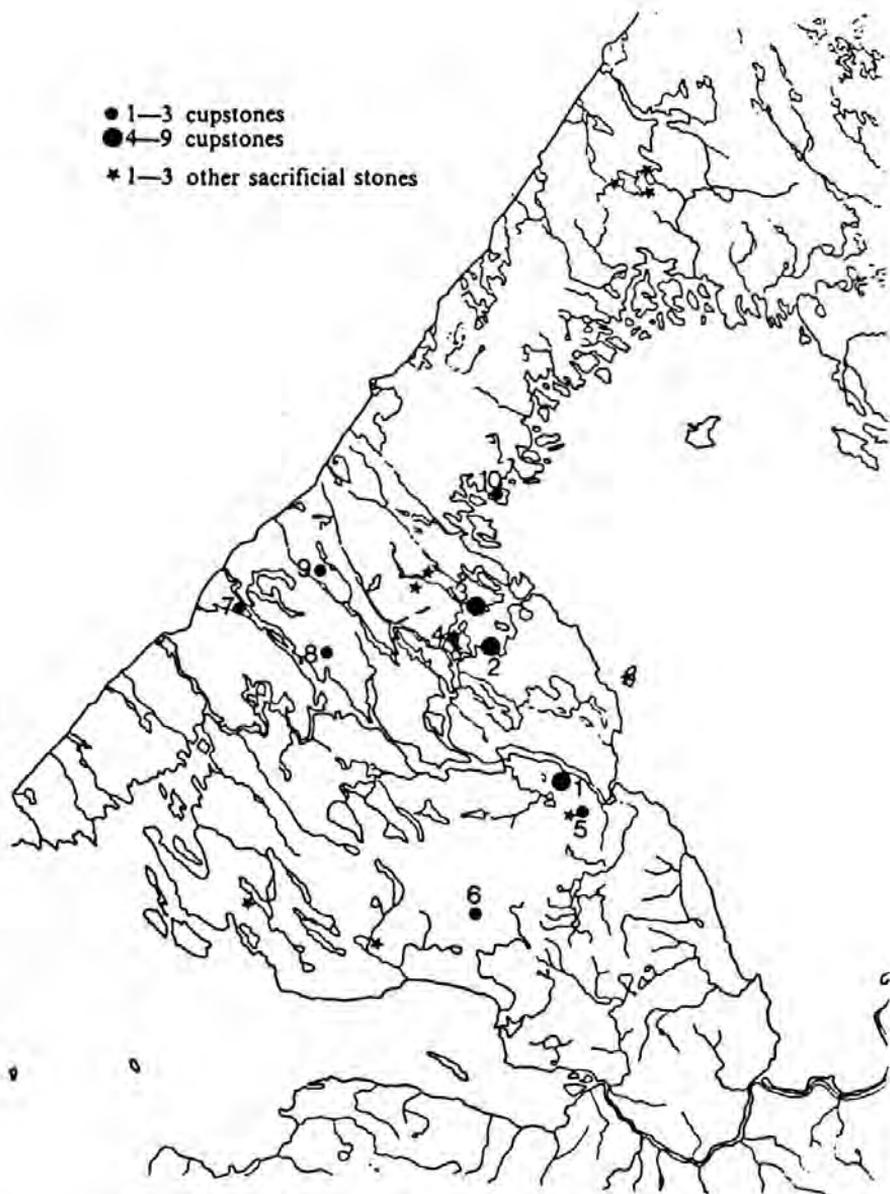

Fig. 1. Sacrificial stones of the previously Finnish Karelia

1—Sakkola Lapinlahti/Ol'hovka (9 cupstones); 2—Räisälä Hovinsaari (4—5 cupstones); 3—Käkisalmi Suotniemi/Jarkoe (4 cupstones); 4—Räisälä Härskensaari (1 cupstone); 5—Rautu Kaskaala/Grivko (2 cupstones, not checked); 6—Kivennapa Polviselkä/Čajko (1 cupstone, uncertain); 7—Jääski Niemi (1 cupstone, not checked); 8—Antrea Koljola/Borovinka (1 cupstone, not checked); 9—Kirvu Ahola (1 cupstone, not checked); 10—Kurkyöki Lapinlahti (1 cupstone, not checked)

on the southern shore of Suvantojärvi in Lapinlahti (presently Ol'hovka, Saksä 1985a, 81—83; 1985b, 46—47).

There is no opportunity to discuss the various interpretations of the significance of cupstones in this connection. I note, however, that the stones have been considered to be connected with necrolatry (Haavio 1950; Hautala 1960, 1965; Sarmela 1971), with fertility sults and with combatting diseases (Äyräpää 1942). The tradition associated with cupstones does not differ from that connected with natural sacrificial stones (Hautala 1960, 106—107; 1965).

Shallow pavings exist next to at least one sacrificial stone located in Hovinsaari and by one sacrificial stone in Lapinlahti. Investigation of the immediate surroundings might shed some light on the use to which the pavings were put. In Lapinlahti there are tens of low mounds of stones near to the sacrificial stones. Saksä suggested that they are connected with sacrificial rites (Saksä 1985b, 47).

Distribution and dating

I have not found, in recent literature, indications of the eastern limits of the distribution of cupstones. To date there are 20 cupstones known in the oblast of Novgorod, the easternmost of which is located on the shore of the Msta-river (report of E. N. Nosov, Novgorod 29.7.1993). There is little information concerning the sacrificial stones in Olonets (Fi. Aunus) and the northern part of East-Karelia (Sarmela 1970); there are a few cupstones on the western shore of Lake Onega (Fi. Aäninen) (Kirkinen 1992, 143, fig. 2). Several types of cult stones exist in various parts of the Slavic section of northwestern Russia. The sacrificial hollows are, however, different to those of the Finnish sacrificial stones. The stones have been dated to a relatively late period — 1400—1700 in the main (Makarov & Černecov 1988).

The dating of cupstones is open to debate. The cupstones of Estonia are dated mainly to early Iron Age (Eesti esiajalugu 1982, T. XI, 185) because their distribution corresponds with that of cemeteries from that time. Many sacrificial stones with only one large cauldron-like hollow have been dated to the Late Iron Age (Äyräpää 1942, 192—193; Selirand 1989, 171). In Finland the oldest stones may date back to the Roman Iron Age, the youngest to the time of the Crusades or later (Kivikoski 1961, 254—255).

The origin of the cupstone tradition in Finland is not discussed in this connection. I pose the question, however, as to whether the Karelian sacrificial stones derive from the western wave of influence during the Merovingian-Viking Age? The answer may be in the affirmative, if one thinks particularly about the concentration of cupstones in Lapinlahti and the grave finds there from Merovingian and Viking times originating from western Finland. From Hovinsaari there are also several finds dating back to Viking Age. As the inhabitation in Lapinlahti seems to have continued undisturbed from Merovingian times to the Middle Ages, the initiation of the cupstone tradition cannot be connected with any particular stage in history.

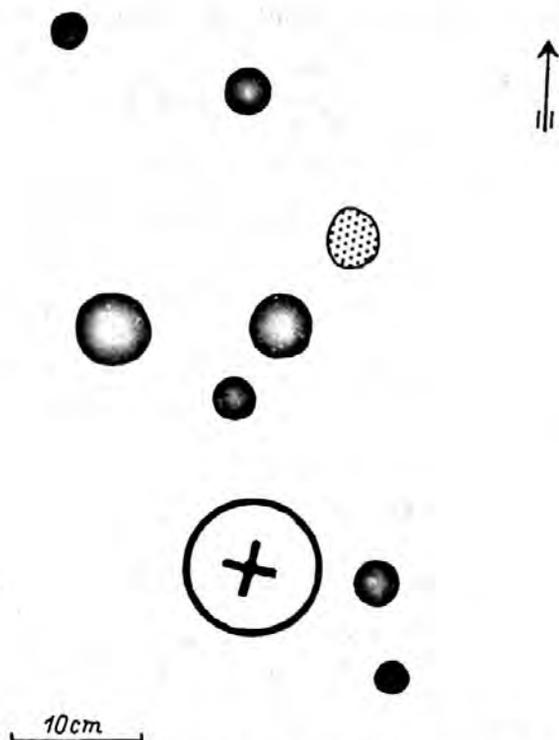

Fig. 2. The sacrificial cups of the rock in Leilumäki (Suotniemi in Käkisalmi) (one natural hollow) and the cross figure. Drawn by P. Uino 1991

Cemeteries occur in areas where most sacrificial stones occur: next to the sacrificial bedrock in Leilumäki in Suotniemi (Käkisalmi), near the sacrificial stones in Hovinsaari (Räisälä) and near the easternmost sacrificial stone in Lapinlahti (Sakkola). However, no sacrificial stone is known from Koverila in Kaukola, nor from other cemeteries of Räisälä, nor in connection with the cemeteries in Hiitola and Kurkijoki. Cemetery and sacrificial stone finds seem thus not to be correlated with each other.

On the other hand, the inventory of sacrificial stones is incomplete, and therefore the relationship between the stones and cemeteries is difficult to establish. As many of the old Karelian villages were abandoned after the war, and the stones by the paths and on cultivated land have been covered by lichen and moss, the sacrificial cups are not easily identified.

Special questions

The number of sacrificial cups in the Karelian stones varies. Sometimes there is only one, but more frequently, around ten. The greatest number of cups (about 24) occur in the sacrificial stone in Riihimäki (Suotniemi). In Leilumäki (Suotniemi; named by Schvindt according to

the faience factory), there is a circle engraved in the sacrificial stone next to the cups and inside it is a cross figure (fig. 2). Further examples of cross figures also occur in the «Ristkivi» and «Pattikivi» stones in Kaskaala in Rautu.

Does the cross in the Leilumäki rock date back to the same period as the sacrificial hollows next to it? Has the cross been engraved later to sanctify the stones with a Christian symbol, after which the use of the sacrificial cups may have continued as before? Has the cross been made to commemorate some particularly merited deceased? Does the cross have a more prosaic explanation—a sign engraved by a land surveyor? The arms of the cross do not, however, follow the quarters, nor is such a way of marking known in the National Survey Board or in the Geodetical Institute (personal communication with the institutes 1993—1994). Crosses have also been used as boundary marks (e. g. in the «Variskivi» stone in Ladoga, see Sourander 1937, 26), but there is no information indicating that any boundary existed in Suotniemi. As there are no other marks in the rock apart from the cross, it can hardly be a late memorial rock (cf. Vilkuna 1992, 81—82).

A cross engraved in stone is not a rare sight in eastern Finland. There are similar examples in e. g. the area of Ilomantsi jurisdictional district (Tirronen 1885), where several types of marked stones are known (report by Matti Huurre 1994). These crosses (cf. Honko 1971; fig. in p. 233), the significance of which is unclear, differ from the cross in Leilumäki. Two stones have been found in Ilomantsi in which there is a crenelated circle obviously indicating the quarters (i. e. a circular figure with four extending arms; inventory report by Anja Sarvas 1970).

Haavio (1950, 40—43 and the sources mentioned) has considered it probable that in the sacrificial stones of the cemeteries each deceased would have received his own cup. Could the 9 cups and one cross in the Leilumäki sacrificial stone be marks commemorating the deceased? After all, Schvindt found five graves on the same hill in 1885 (Schvindt 1893), but by then other graves had already disappeared as a result of removing sand. In the excavations in 1991 carried out by A. I. Saksa and the author some items were found which possibly originate from destroyed graves.

The remains in the grave No 2 in Suotniemi, investigated by Schvindt, had the characteristics of a dignitary who had clearly come into contact with Christianity: a silver cross pendant and a silver signet ring bearing a figure. It is tempting to interpret the cross figure in the rock as a memorial cross, but there is no evidence for this. Broader demographical calculations based on the number of the cups do not lead to anything in the case of the Karelian cupstones (cf. Simola et al. 1984; 1985).

According to Sarmela (1971) the sacrificial grove and other cult sites in Ladogan Karelia belonged to a group of houses or to the entire local community (also see Niemimaa 1938, 48). Hautala (1960, 113) emphasised that the worshipping sites in eastern Finland belonged particularly to the family community. Whatever the case, Lapinlahti—where the sacrificial stones are located in the western part of the area in clusters within a zone extending a full kilometer and are associated with archaeological findings—clearly appears to have been a worshipping site for

a whole community. The tens of mounds of stones may be connected with the same cult activity.

The oldest Karelian sources of written information about the sacrificial sites are in the pastoral letter addressed by Archbishop Makari to the Votij fifth in 1534 and in one part of the so-called «Russian chronicle» (Kirkinen 1987, 119—133). Archbishop Makari sent the monk Ilja on missionary work to Ingria, Karelia and Kola Lappland. His travels probably took him through the Sakkola, Käkisalme and Hiitola regions.

According to the pastoral letter, the related Finnish tribes of northern Russia worshipped trees and stones: «And they sacrifice food and drink and toast in honor of evil spirits». Ilja was supposed to destroy «the filthy worshipping sites, stones and trees located in villages, dwelling sites and forests». The information in the letter may reflect, in a broader sense, the religious circumstances of the 16th century in this area and the long-lasting adherence to the old traditional ways.

REFERENCES AND LITERATURE

Unpublished references

- Institut istorii material'noj kul'tury Rossijskoj Akademii nauk, St. Peterburg.
Archives. Archaeological research reports.
National Board of Antiquities, Helsinki.
Department of Archaeology. Topographic archives.
Department of Cultural History. Diaries of Theodor Schvindt.

Published references

- A. M. T. [A. M. Tallgren] 1917: Suomen uhrikivet. *Kotiseutu 1917. Eesti esiajalugu*. Tallinn, 1982.
Haavio, M. 1950: Sielulintu. *Kalevalaseuran vuosikirja 30*. Porvoo; Helsinki.
Hautala, J. 1960: Itä-Suomen uhrikiviryhmistä. *Suomen Museo 1960*.
Hautala, J. 1965: Survivals of the Cult of Sacrifice Stones in Finland. *Temenos. Vol. 1*.
Honko, L. 1971: Religion der slawischen Völker. *Handbuch der Religionsgeschichte. 1*. Göttingen.
Huurre, M. 1971: Lisää kuppikivistä. *Kotiseutu 1—2/1971*.
Kirkinen, H. 1987: Iljan käynnit Karjalassa 1534—1535. *Bysantin perinne ja Suomi*. Joensuu.
Kirkinen, H. 1992: Äänisen ja Uikujoen kalliopiirrosten tekijät. *Suomen varhaishistoria. Studia Historica Septentrionalia 21*. (Toim. Kyösti Julku). Rovaniemi.
Kivikoski, E. 1961: Suomen esihistoria. *Suomen historia 1*. Porvoo.
Makarov, N. A. & Černecov, A. V. 1988: K izuceniju kultovyh kamnej. *Sovetskaja arheologija 3/1988*.
Niemimaa, T. 1938: Lisätietoja uhri-eli «kuppikivistä». *Suomen Museo 1938*.
Offerstenar i Malax. Yasa, 1984.
Saksa, A. I. 1985a: Issledovanie novyh srednevekovyh pamjatnikov na Karel'skom perešejke. *Novoe v arheologii severo-zapada SSSR*. Leningrad.
Saksa, A. 1985b: Results and Perspectives of Archaeological Studies on the Karelian Isthmus. *Fennoscandia Archaeologica II*.
Sarmela, M. 1970: Uhrikivet ja uhripuut. *Kotiseutu 4/1970*.
Sarmela, M. 1971: Kolmannen kerran kuppikivistä. *Kotiseutu 3/1971*.
Schvindt, T. 1893: Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XIII*.
Selirand, J. 1989: Viron rautakausi. *Studia Archaeologica Septentrionalia 1*. Rovaniemi.

- Simola, H. & Grönlund, E. & Huttunen, P.** 1984: Ovatko Kerimäen uhrikivet rautakautisia? *Piirtoja itäsuomalaiseen menneisyyteen. Veijo Saloheimolle omistettu juhlakirja*. Joensuu.
- Simola, H. & Grönlund, E. & Huttunen, P. & Uimonen-Simola, P.** 1985: Pollen Analytical Evidence for Iron Age Origin of Cup-Stones in the Kerimäki Area. *ISKOS 5*. Helsinki.
- Sourander, I.** 1937: Salmin pitäjän vaiheita ja piirteitä Laatokan-Karjalan historiasta. Porvoo; Helsinki.
- Tirronen, R.** 1885: Muinaisjäännöksiä Ilomantsin kihlakunnassa. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja VII*.
- Uhrikiviä. *Suomen Museo 1895, No 1—2*.
- Vilkuna, J.** 1992: Suomalaiset vainajien karsikot ja ristipuut. *Kansatieteellinen arkisto 39*.
- Äyräpää, A.** 1942 (1943): Uhrikivi — kipujenkivi. *Kalevalaseuran vuosikirja 22/1942*. Porvoo.

МЕЧИ С НАДПИСЬЮ ULFBERHT В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ

До последнего времени считалось, что в Европе найдено 132 меча с именем ULFBERHT, относящихся в большинстве своем к IX—X вв. На первом месте по числу находок стоит Норвегия — 25 экземпляров, на втором — Финляндия — 25 экземпляров, Россия и Украина вместе насчитывают 20 экз., т. е. 76% всех европейских находок подобных мечей концентрировались в Скандинавии, Финляндии, юго-восточной Прибалтике и на Руси, что объясняется существованием в этих регионах языческих погребальных обрядов, в результате которых меч в захоронениях — нередкая вещь.¹ Фактическое же распространение мечей с данным именем в Северной и Восточной Европе повсеместно, но их изучение в зоне в силу многочисленности находок представляется особо результативным.

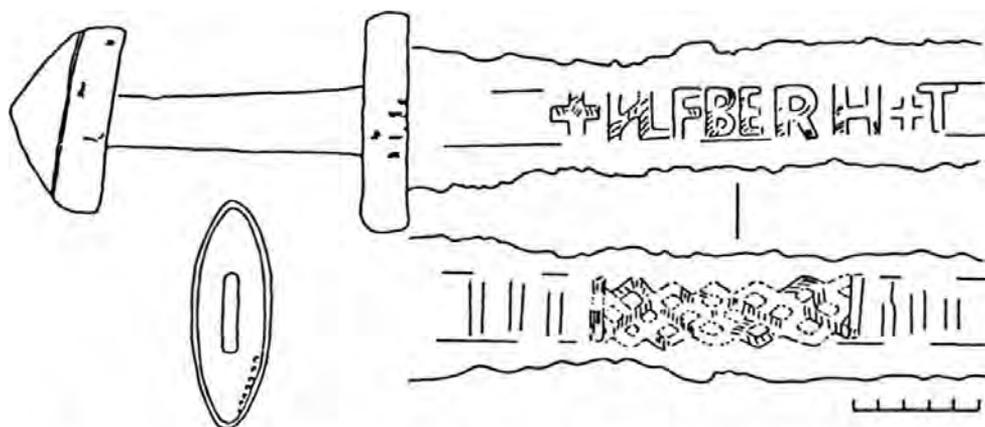
В 1992 г. группой специалистов, включая норвежского археолога А. Стальсберг и автора этих строк, была осуществлена работа в музеях Тронхейма, Осло и Бергена по научному проекту «Мечи эпохи викингов в Скандинавии и на Руси». С помощью рентгена, микроскопа, обычной и стереосъемки, наблюдений в разных по цвету спектрах света было обработано 105 мечей эпохи викингов, обнаруженных в подавляющей массе в норвежских погребениях. На всех клинках удалось зафиксировать ранее неизвестные надписи и знаки.² Клейма наводились железной, а чаще дамаскированной проволокой, которая в горячем виде шкрустировалась в верхнюю треть дола клинка на обеих его сторонах. В составе изученных полос в 30 случаях оказалось проставленным имя каролингского кузнеца ULFBERHT'а (илл. 1). С новым добавлением количество древне-норвежских мечей с этой маркой достигло цифры 55.

В 1993 г. автору совместно с археологом Л. Толлин-Бергман в Государственном историческом музее в Стокгольме удалось изучить отмеченными выше методами, дополненными шлифовкой поверхности коррозированного металла и проявкой надписей и знаков дистиллированной водой, 14 мечей IX—XI вв. и среди них открыть еще 4 образца (один предположительно) с именем ULFBERHT.³ Ранее в Швеции насчитывали 5 мечей с упомянутой маркой. В результате наших дополнительных сборов и расчисток возросло и ко-

¹ Кирпичников А. Н. Новообнаруженные клейма раннесредневековых мечей // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. V, Łódź, 1992. S. 61—81.

² Kirpitsnikov A., Stalsberg A. Sverd fra vikingetiden-russisknorsk undersøkelse // Norsk våpenhistorisk Selskap. Årbok 1992. Oslo, 1992. P. 31—44; Kirpitsnikov A., Stalsberg A. Vikingsverdene avslører sine hemmeligheter-en uvanlig vitenskapelig undersøkelse på Vitenskapsmuseet // Spor (Trondheim). 1993. Nr 1. P. 36—37; Kirpitsnikov A. To sverd med innskrifter. Bogda Vår // Oppdal historielag 1993. P. 84—86; Кирпичников А. Н., Стальсберг А. Новые исследования мечей эпохи викингов (по материалам норвежских музеев) // Археологические вести, 4. СПб., 1995. С. 171—180.

³ Толлин-Бергман Л., Кирпичников А. Новые исследования мечей эпохи викингов (из собрания Государственного исторического музея в Стокгольме) (в печати).

Илл. 1. Хутор Хинис, коммуна Штайнкьер, область Северный Тронделаг. Музей наук Тронхейм (Г 6919). Рис. А. Кирпичникова

личество раннесредневековых мечей с именем ULFBERHT, обнаруженных в Восточной Европе. Их оказалось 13.⁴ В итоге общее число клинков с рассматриваемым именем достигло 179. Их число, несомненно, будет возрастать и в дальнейшем.

Массовость мечей с подписью ULFBERHT — своеобразный производственный феномен эпохи средневековья. Можно сказать, что из числа найденных каждый третий или четвертый клинок, созданный в последней четверти I тыс. н. э., имел упомянутое именное клеймо. Речь идет о крупнейшем по размаху в истории Европы изготовлении самого дорогого и престижного белого оружия. Мастерские, производившие это оружие, возникли, по-видимому, во времена Карла Великого и, как полагают, находились в области средней Рейна.⁵ Свою продукцию они выпускали в течение IX — первой половины XI в. Для второй половины XI — начала XII в. эти образцы становятся все более пережиточными, видимо,ковка их постепенно прекратилась. В период активности рейнских мастерских и произведения многими тысячами расходились по всей Европе, достигая и азиатских областей. Эти изделия повсюду, несомненно, признавались высококачественными и очень ценились.

Мечи с упомянутой маркой, конечно, не были делом рук только одного человека. Первоначальное индивидуальное именное клеймо с течением времени закрепилось за потомственными мечедельными мастерскими, ставшими настоящими фабриками, точнее, мануфактурами, по выпуску клинкового оружия.

Массовый выпуск мечей был бы невозможен без разделения труда и сконцентрированных в одном месте мастеров и их помощников. Подтверждает это положение один среднеазиатский источник IX в., в

⁴ Данные об 11 мечах опубликованы (см.: Кирпичников А. Н. Новообнаруженные клейма... С. 62—63).

⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. I: Мечи и сабли, IX—XIII вв. М.; Л., 1966. С. 38—39.

котором сообщается, что «меч проходит через много рук и несколько разрядов ремесленников». Каждую операцию по заготовке металла, ковке и вытягиванию полосы, полировке, закалке, заточке, насадке рукоятки, изготовлению ножен производил специальный человек.⁶ К этому добавим ювелирную отделку рукоятки и наведение клейма.

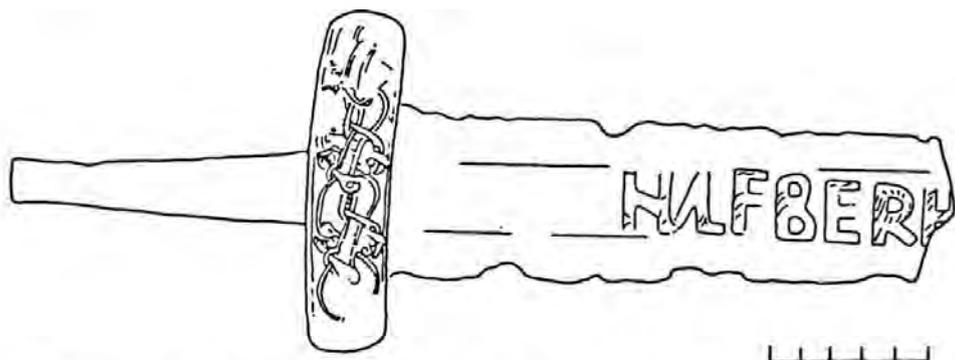
Рукоятки мечей ULFBERHT'a по своим очертаниям типологически различались, однако в большинстве своем они орнаментировались в строгом, этнически нейтральном, геометрическом стиле. На поверхность навершия и перекрестья набивалось множество обычно чередующихся полосок красной меди и латуни, нередко дополненных включениями серебра. Эти полоски по цвету переливались, придавая оружию «мерцающий» драгоценный вид. Трудосмкость работы видна из того, что для украшения типичного меча с надписью ULFBERHT требовалось в общей сложности 10—15 м проволоки цветного металла, а плотность инкрустации измерялась тремя или двумя полосками на каждый миллиметр декорируемой поверхности.

Во второй половине X в. строгость в отделке рукоятей мечей ULFBERHT'a все более разнообразится включением негеометрических орнаментальных мотивов. Этим путем мастера того периода пытались приспособиться к новым художественным вкусам, а также к появлению конкурирующих с ними мастерских и нарастающему влиянию местных приемов обработки оружия.

подавляющее большинство мечей выпускалось с уже смонтированными рукоятками, но встречались случаи, когда в Скандинавии приличные клинки монтировались рукоятками, украшенными элементами *Jellinge*, *Mammen* и *Ringerikestil*. При опознании подобных рукоятей следует, однако, проявлять осторожность. 8 мечей с надписями ULFBERHT, из числа изученных в Норвегии, выделялись рукоятками, украшенными негеометрическим орнаментом. Эта особенность побудила проконсультироваться со специалистом по скандинавскому искусству эпохи викингов д-ром С. Х. Фуглезанг. Из представленных ей образцов только рукоять одного меча, возможно, типа T (по Я. Петерсену), из музея «Собрание древних вещей» в Осло (С 3867) Фуглезанг безоговорочно посчитала сделанной в Скандинавии между 925 и 1025 гг. На перекрестье (навершие утрачено) частично сохранилась гравировка чернью по серебру в виде перехваченных лентами зверей (четко видны лапы, илл. 2). По поводу второго «подозрительного» меча, типа R, с рукоятью, на которой виден гравированный ленточный узор по серебряному фону (тот же музей, С 257, илл. 3), Фуглезанг отмечает, что узор рукоятки, «возможно, мог быть выполненным в Скандинавии, но диагностически он не содержит ни одного элемента, связанного с основными северными орнаментальными стилями». Изделие она датирует 975—1000 гг.⁷ Остальные мечи, по мнению эксперта, вряд ли имеют отношение к художественному ремеслу Сканди-

⁶ *Мандельштам А. М.* Характеристика тюрков IX в. в послании Фатху б. хахану ал Джахиза // *Труды института истории, архитектуры и этнографии*. Т. 1. Алма-Ата, 1956. С. 241.

⁷ Благодарю д-ра Сигне Хорн Фуглезанг за экспертизу древнорвежских мечей. Полностью ее заключение будет использовано в работе: *Киричников А., Стальсберг А.* Мечи викингов открывают свои тайны (готовится к печати).

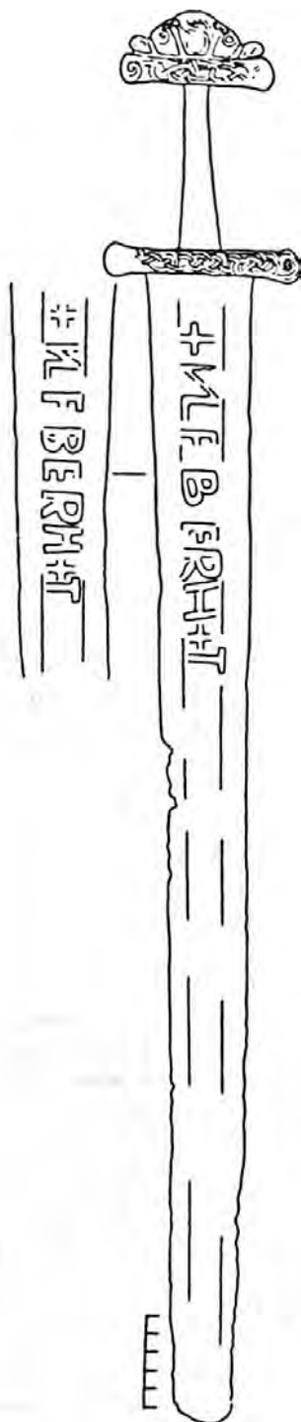
Илл. 2. Хутор Естре Хен, коммуна Станге, область Хедмарк. Музей собрания древних вещей, Осло (С 3867). Рис. А. Кирпичникова

навии. Разумеется, мнение д-ра Фуглезанг можно воспринимать как дискуссионное и опознавание мечей с рукоятями, украшенными в местном вкусе, следует производить и в дальнейшем. Складывается, однако, впечатление, что монтировка собственными рукоятями привозных клинков не носила массового характера. Речь, по-видимому, идет о социально ограниченной заказной работе, связанной не только с ювелирной отделкой оружия, но и с индивидуальной подгонкой рукояти к кисти руки его владельца.

Клеймо ULFBERHT наводилось четкими буквами латинского капитального шрифта. Надпись располагалась в верхней трети дола меча, обычно ее длина составляла 14—16 см (редко больше). Высота букв, равновеликих ширине дола, была 1,9—2,7 см. Имя, воспроизведенное на мече, было заметно издала, явно чтобы привлечь внимание покупателя или заказчика. Зона подписи соответствовала обороте клинка знаку из перекрещенных полос и обрамляющих их столбиков. Знаки варьировались, но в большинстве отличались линейно-геометрическим характером. Назначение композиции — служить составной частью клейма. Возможно, что подобные выкладки означали и ремесленное тавро, и торговую марку.

По своему начертанию надписи несколько различаются формой букв, иногда их последовательностью и сочетанием со знаком креста. Это можно объяснить «почерком» того или иного клинкового писца, а также разновременностью самих предметов. Даже в пределах одной партии изделия по своим клеймам и украшениям в деталях разнились друг от друга. Ответственные «сузлы» вещи выполняли мастера высшей квалификации, но даже они вряд ли могли создавать два идеально одинаковых произведения, хотя к этому и стремились. При всем том принципиальное устройство оружия и общность стилистического оформления рукоятей определенное время сохранялись и имели устойчивые повторяющиеся черты.

Примерно до середины X в. клинки с именем ULFBERHT, возможно, в ряде регионов преобладали среди других образцов и вызвали местные подражания. Кузнецы европейских стран знали приемыковки белого оружия и могли их воспроизвести. Однако, как

бы ни были искусны местные кузнецы, их подражания по сравнению с оригиналами, как правило, отличались большей схематичностью и огрублением в деталях.

Попытку отделить копии от подлинников на примере мечей с именем ULFBERHT предпринял немецкий ученый А. Гайбиг. Из 120 учтенных им клинков он, основываясь на анализе морфологических, метрических и орфографических признаков их надписей, выделил 37 возможных подражаний. По мнению исследователя, эти подражания могли изготовлять не только в странах, удаленных от франкского государства, но и в нем самом. При этом он указывает, что мы пока не имеем сопоставимых данных о качествековки клинков, а сравниваем только их клейма.⁸ В подражательных мечах замечены разного рода отклонения, ошибки, нехарактерные фигуры. Опыт Гайбига заслуживает внимания, но, не вдаваясь в подробности, я позволю себе высказать следующие замечания.

К сожалению, поиск отклонений в клинковом письме имеет шаткую базу. Немало мечей группы ULFBERHT опубликованы с недостаточно выявленными и неудовлетворительно зафиксированными клеймами. К тому же не всегда учитывается и сохранность этих клейм. В этом я неоднократно убеждался, проверяя прежние расчистки. К примеру, описанный выше меч из музея в Осло (С 257, илл. 3) содержал двухстороннюю надпись ULFBERHT (в этом отношении случай редчайший, если не уникальнейший). На рисунке надписи, опубликованном М. Мюллером-Вилле, буквы выглядят наведенными небрежно, некоторые их части отсутствуют вовсе. Из этого Гайбиг заключил, что данный образец является подражательным.⁹ Повторное изучение клейма, однако, показало, что обе

⁸ Geibig A. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter // Offa-Bücher. Bd 71. Neumünster, 1991. S. 116—123.

⁹ Müller-Wille M. Ein neues ULFBERHT-Swert aus Hamburg // Offa 27. Neumünster, 1970. Abb. 6, 19; Geibig A. Beiträge... S. 119, Nr 119.

Илл. 3. Место находки неизвестно. Область Хедмарк. Музей собрания древних вещей, Осло (С 257).
Рис. А. Кирпичникова

части надписи созданы вполне профессионально, а составляющие их буквы исполнены безупречно и полностью сохранились. С учетом охарактеризованных С. Х. Фуглезанг особых украшений рукояти изделие следует признать вполне оригинальным, позднекаролингского происхождения. Подобные поправки не исключены и по отношению к другим надписям, которые на основании испорченных букв причислены к копиям, а в действительности первоначально были вполне исправными. Трудности в опознании мечей разной выработки заключаются еще и в том, что в надписях оригиналов ошибки допустимы. Такого рода допуски еще предстоит определить. На наш взгляд, в надписях могут отсутствовать конечные знаки. Такие буквы, как, например, L, F, T, выкладывались в перевернутом виде, также имели место необычные включения в виде костыльных крестов, фигур в виде омеги и т. д. Предположения об изготовлении копий, однако, справедливы, особенно в тех случаях, когда часть букв в начале и середине слова сперва отсутствовала или они искажены и не читаемы, к тому же наведены грубо и неровно. Мечедельцы, работавшие в метрополии, были, думаю, грамотными, и такие оплошности вряд ли допускали.

Важным является здесь сопоставление клейма и рукояти в отношении формы и качества их выработки. Выше говорилось о плотности укладки цветного металла на поверхность наворачия и перекрестья. Подражатели данной технике не всегда достигали такой частоты набивки полосок, располагали их более редко. В целом сортировка копий и оригиналов далеко не завершена, она потребует взвешенного учета разнородных признаков и индивидуального анализа каждой вещи. Большинство учтенных мечей группы ULFBERHT ныне кажется подписью каролингскими, что, впрочем, признает и Гайбиг.

В зоне предполагаемого расположения мастерских ULFBERHT'a практически нет находок, их можно встретить за тысячи километров от метрополии. Судя по нидерландским, шведским и украинским находкам, мечи с прославленной маркой доставлялись в разные места Европы, как штучно, так и партиями по 5—8 экземпляров. Экспорту клинков (наряду с другим оружием) практически не препятствовали многочисленные запреты (капитулярии 779, 803, 805, 811 гг.) на вывоз военных изделий, время от времени объявлявшиеся во франкском государстве. Производители оружия сбывали свою продукцию купцам профессионалам, чаще всего иностранцам, среди которых, несомненно, были и норманны. Военные грузы доставлялись к побережью Ла-Манша и Северного моря и далее морским путем шли на Север и Восток. В обмен эти купцы привозили сырье или необработанные продукты (металлы, шерсть, шкуры, меха, янтарь). Местные власти такую торговлю поддерживали, поскольку при каждой выгрузке они получали одну десятую стоимости груза.¹⁰ Археология подтверждает направление торговых операций. Концентрация клинковых находок включает регионы, находившиеся в зоне магистральных водных сообщений, по которым купцы и воины возили предметы боевой техники из каролингских пределов в север-

¹⁰ Лебек С. Происхождение франков V—IX веков. М., 1993. С. 293.

ные и восточные страны, в том числе к скандинавам, балтам, славянам, арабам и византийцам. Часть изделий по пути дальних странствований оседала у разных племен и народов. Если говорить о «восточном» направлении торговли, то здесь следует назвать Русь и Волжскую Болгарию, где находят франкские мечи. Не случайно, что скопления мечей с именем ULFBERHT встречены в Юго-Восточном Приладожье (4 экземпляра), Ярославской и Смоленской областях (6 находок), Нижнем Поднепровье (4 клинка). Эти находки тяготеют к главнейшим Волжскому и Днепровскому путям и свидетельствуют о том, откуда к русским, чудским и болгарским воинам поступало лучшее боевое оружие.

Изыскания 1992 и 1993 гг. позволяют поставить вопрос о значительно более мощном, чем считали раньше, размахе торговли оружием в Европе и привозе его крупных партий в Скандинавию из континентальных мастерских. Судя по всему, на севере Европы существовал растущий спрос на высококачественную продукцию этих мастерских. Часть мечей скандинавы оставляли себе, часть реэкспортировали в другие регионы. Жители Скандинавии, не знавшие налогов¹¹ и располагавшие значительными ценностями, добытыми во время торговых и военных операций, обладали прибавочными средствами для массовых закупок импортного оружия, в первую очередь мечей. Характерно, что каждый боиц по древнему закону должен был владеть мечом и другим вооружением и только тогда допускался на тиш. Поголовное вооружение свободного населения Скандинавии, по всей вероятности, не могло обойтись только привозными средствами боевой техники. Боевое оружие создавали и местные кузнецы, вряд ли, однако, объединившиеся в мануфактурные группы. Повышенный спрос на мечи во многом удовлетворялся поступлением континентальных изделий. Эти обстоятельства в несомной степени стимулировали производство мастерских ULFBERHT и обеспечили им процветающую, невиданно интенсивную деятельность именно в период эпохи викингов.

¹¹ Стурлуссон С. Круг земной. М., 1980. С. 616—617.

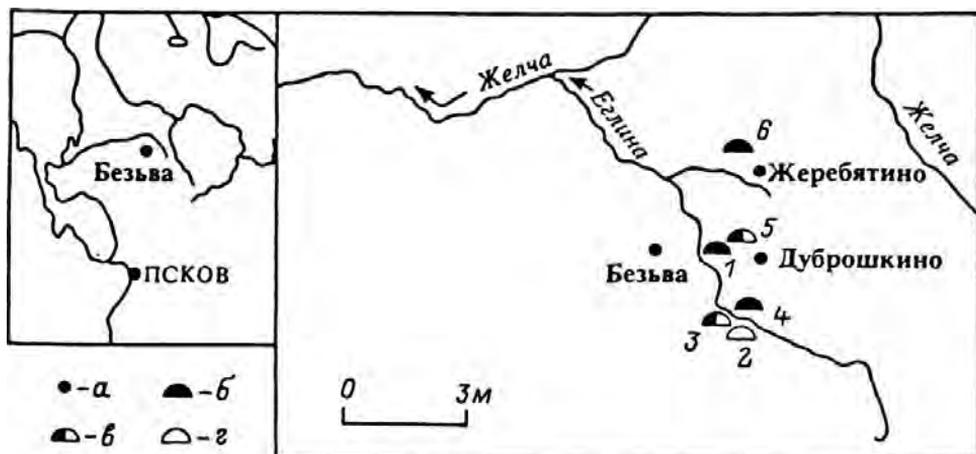
К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЗАПАДЕ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

(по материалам могильника Безьва)

Исследования последних лет показали, что культура древнерусского времени складывающейся Новгородской земли была неоднородна, что проявилось, в частности, в характере погребального обряда населения и сопровождающего инвентаря погребений. На Северо-Западе выделяется ряд регионов, имеющих свои отличительные черты древнерусской погребальной обрядности: это центральные районы Новгородской земли, Полужье, верховья Плюссы, Ижорское плато, северо-восточное Причудье. Очевидно, что региональные особенности древнерусской культуры в значительной мере были обусловлены степенью участия в ее формировании населения предшествующего времени. Для доказательства этого тезиса обычно прибегают к широкомасштабным картам, на которых локализируются различные пласты древностей. В то же время немалое значение в этой связи приобретают исследования отдельных памятников, в которых сочетаются как материалы второй половины I тыс. н. э., так и древнерусской поры, то есть те, на примере которых с наибольшей вероятностью можно проследить непосредственную состыковку культур. Подобные могильники немногочисленны, особенно те, в которых встречаются и дьявьи курганы, и насыпи древнерусской поры, поскольку эти памятники обычно располагались в различных ландшафтных зонах. Однако на западной окраине распространения древнерусской культуры выделяется ряд городищ и могильников, где были обнаружены материалы культуры дьявьих курганов, с одной стороны, и древнерусского времени — с другой. Анализу одного из таких погребальных комплексов и посвящена данная работа.

В среднем течении р. Желчи, в бассейне ее левого притока — речки Еглины, в районе д. Безьва, наблюдается скопление погребальных памятников (илл. 1). Впервые археологические исследования были проведены здесь в 1911 г. К. В. Кудряшовым, который зафиксировал группу (I), располагающуюся в километре восточнее деревни, и раскопал в ней две насыпи (Кудряшов 1913, 247—248). Затем в 1928 г. Н. В. Иванов в рамках работ по составлению археологической карты Ленинградской области посетил зафиксированный К. В. Кудряшовым могильник и обнаружил в 1,5 км к северо-западу от него, на высоком берегу, одиночный курган (диам. 12 м, выс. 2 м) (Иванов 1928, 71—73). В 1940 г. обследования памятников в районе Безьвы были продолжены Н. Н. Чернягиным. В 2 км от деревни, около бывшего хутора Зайцева, на левом берегу р. Еглины, им были открыты еще две курганные группы (II, III), разделенные между собой болотцем (Чернягин 1940). В группе II он исследовал две насыпи, а в группе III — три.

В 1978 и 1981 гг. Гдовским отрядом Ленинградского отделения Института археологии АН СССР были сняты подробные топогра-

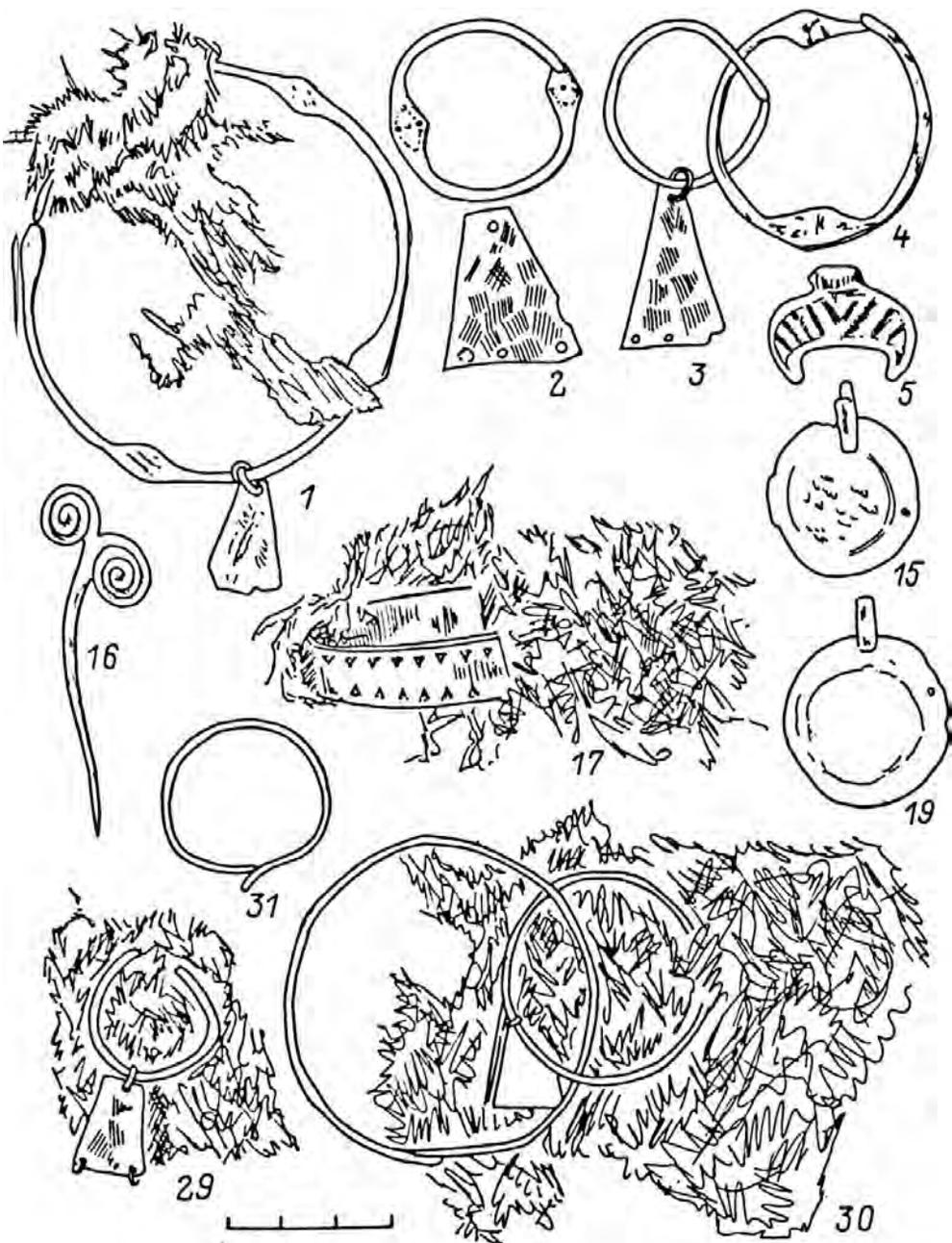
Илл. 1. Схема расположения могильников в районе деревни Безьва: а — населенные пункты, б — могильники культуры длинных курганов, в — могильники с насыпями культуры длинных курганов и древнерусского времени, з — могильники древнерусского времени

1 — Безьва I, 2 — Безьва II, 3 — Безьва III, 4 — Безьва IV, 5 — Дуброшкино, 6 — Жеребятино

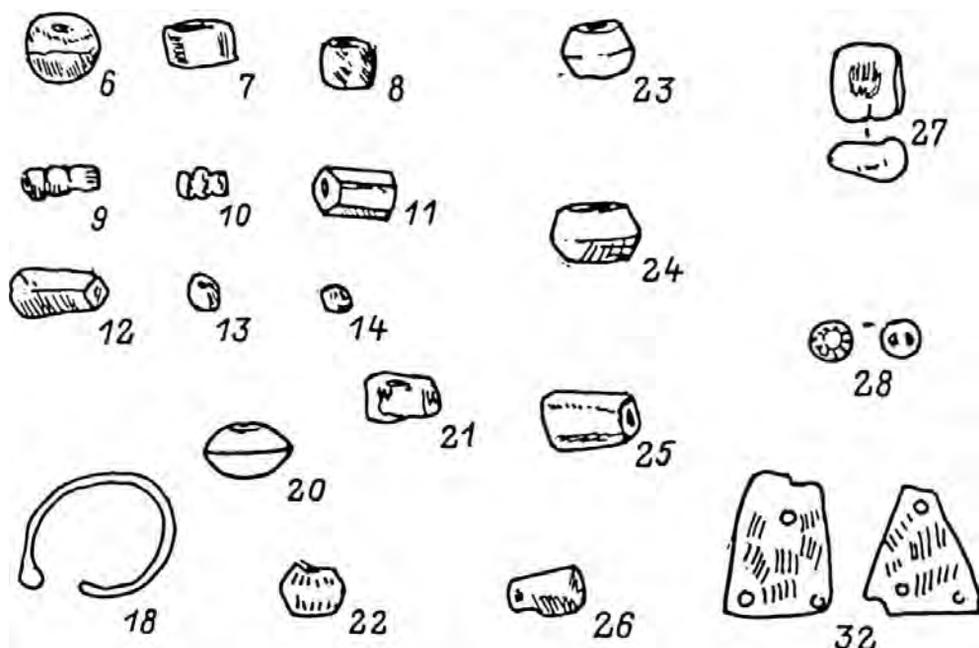
фические планы могильников, раскопано пять насыпей в группе III, а также в 1 км северо-восточнее групп II и III на противоположном берегу, в глубине мыса, образованного излучиной реки, зафиксирована еще одна курганная группа IV. Таким образом, на незначительной площади в 2,5 кв. км были сосредоточены четыре курганые группы, насчитывавшие в своем составе 39 насыпей. Все могилики приурочены к холмистому моренному ландшафту, песчаным почвам, занятым сосновыми борами, то есть рельеф являлся типичным для размещения памятников культуры длинных курганов.

Группа I располагалась в сухом сосновом бору на правом берегу р. Еглицы, слева от дороги из д. Безьва в д. Жеребятино. Могильник насчитывал в своем составе 5 курганов: 4 полусферических насыпи (диам. 7—12 м, выс. 0,6—1,50 м) и одну длинную (разм. 6 × 27 × 0,50 м). Наиболее крупная полусферическая насыпь и длинный курган в 1911 г. были прорезаны траншеями. Как отмечает автор раскопок К. В. Кудряшов, в основании курганов был зафиксирован «угольно-пепельный» слой, то есть подзолистая погребенная почва. Никаких остатков погребений найдено не было (Кудряшов 1913, 247—248). Отсутствие захоронений в данном случае, прежде всего, связано с несовершенством методики раскопок. Траншеями обычно прорезалась центральная часть кургана, однако, как известно, остатки кремации могут находиться отнюдь не в центре. Эта группа является типичным могильником культуры длинных курганов.

Группа II находилась в 2 км юго-восточнее д. Безьва за бывшим хутором, на склоне возвышенности в редком лесу. В ней насчитывается 7 полусферических небольших курганов (диам. 5—17 м, выс. 0,3—0,6 м), два из которых были раскопаны Н. Н. Чернягиным. Могиль-

Илл. 2а. Могильник Безьва II. Инвентарь погребений из кургана № 1 по рисункам Н. Н. Чернягина

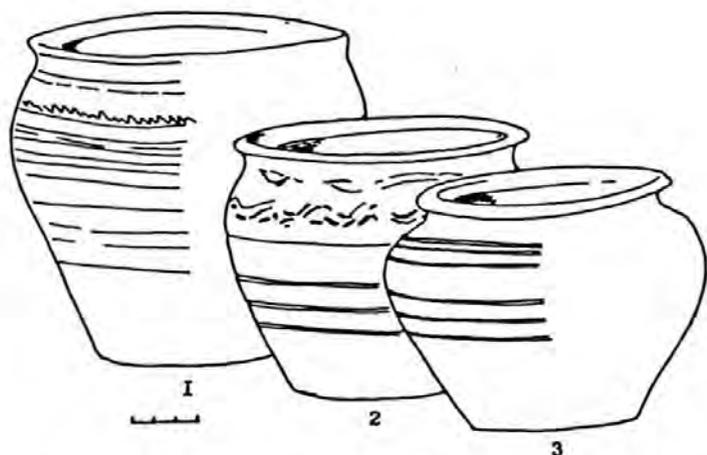
Илл. 26

ник относится к памятникам начала II тыс. н. э., так как обе раскопанные насыпи содержали погребения по обряду ингумации.

В кургане № 1 (диам. 17 м, выс. 0,54 м) было зафиксировано 3 женских погребения в грунтовых ямах глубиной до 70 см. Однако неясно, все ли они были впущены с уровня погребенной почвы. Н. Н. Чернягин отметил, что из-за рыхлости песчаного грунта контуры ям вообще не прослеживались. Судя по характеру расположения погребений в насыпи и погребальному инвентарю, они были совершены в разное время.

Погребение 1 находилось в юго-восточном секторе кургана в 1,2 м от центра насыпи и было ориентировано на юго-запад—запад. Голова погребенной была украшена двумя парами височных ромбоидных колец с трапециевидными подвесками (илл. 2а: 1—4), на шее было ожерелье из бус, четырех дирхемов-подвесок (илл. 2а: 15) и луницы (илл. 2а: 5). Н. Н. Чернягин указывает, что среди бус встречен синий бисер, пронизки, красные пастовые призматические и четырехгранные бусы (илл. 2б: 6—14). Среди погребального инвентаря также встречены гончарный сосуд и массивное железное шило с костяной рукоятью.

Погребение 2 было размещено в 1,4 м к северу от центра насыпи и имело юго-западную ориентировку. Погребальный инвентарь состоял из серебряного перстнеобразного височного кольца с завитком на одном конце (илл. 2б: 18), бронзовой булавки с двуспиральной головкой (илл. 2б: 16), пластинчатого браслета (илл. 2: 17), железного стержня и горшка (илл. 3: 1).

Илл. 3. Гончарные сосуды из раскопок 1940 г. (рисунки Н. Н. Чернягина)

Погребение 3 находилось под северной полой кургана головой на северо-запад—запад. Под костями черепа зафиксированы остатки головного убора, от которого сохранилось более 40 маленьких круглых серебряных бляшек с ушками на обратной стороне (илл. 26: 28). К головным украшениям относятся также два больших проволочных серебряных кольца и два малых бронзовых проволочных кольца с трапециевидными подвесками (илл. 2а: 29—31; 26: 32). В состав погребального убора входило ожерелье, состоящее из синих биконочных, цилиндрических и бочоковидных золотостеклянных, а также черных пастовых бус и подвески-дирхема (илл. 2а: 19; 26: 20—27). К шейным украшениям относилась железная гривна (из-за плохой сохранности тип ее неясен). Найдены также кольчатая небольшая цепочка, железный стержень и сосуд (илл. 3: 2).

Из этих трех погребений наиболее ранним является захоронение 1. Его датировка основана на датировке ромбоцитковых колец. Их можно отнести к группе овальноцитковых, которые представляют самый ранний тип этих украшений. В Новгороде подобные кольца найдены в 26—25 ярусах Неревского раскопа, датированных рубежом X—XI вв. — первой четвертью XI в. (Седова 1981, 9). В древнерусских курганах Новгородской земли они бытуют и в середине XI в. Остальные предметы из погребения имеют более широкую дату бытования. Так, литые ширококорые луницы с рельефными лицами появились в конце X—начале XI в. и существовали вплоть до середины XII в. (Успенская 1967, 102, 103). Бусы, входящие в состав ожерелья, в основном, имеют аналогии среди бус из горизонта Д Старой Ладogi (X—XI вв.). Это одноцветные пестоно-красные пастовые четырехгранные и призматические бусы, сделанные из неоплавленных отрезков крученых стеклянных трубочек (Львова 1968, 75). «Волоченьный», по терминологии Н. Н. Чернягина, то есть рубленный, бисер характерен для нижних слоев Старой Ладogi (Львова 1968, 86, 87). В Новгороде бисер встречается в слоях X—первой половины XI в. и позднее отсутствует (Щапова 1956,

172). Таким образом, наиболее вероятная дата погребения I — первая половина XI в.

На рубеже XI—XII вв. было совершено погребение 3. В этом захоронении сочетались такие биконические бусы I и II вариантов по новгородской классификации, которые соответственно датируются X—XI вв., а вторые — XII—XIII вв. (Щапова 1956, 169—170; Щапова, Дайга 1961, 188). К XI — началу XII в. относятся цилиндрические и бочонковидные золотостеклянные и серебростеклянные бусы. Что касается железных гривн, то, независимо от их типа, время их наиболее широкого распространения приходится на X — начало XI в., однако отдельные экземпляры доживают в древнерусских курганах до начала XII в. (Фехнер 1967, 63).

Погребение 2, по всей видимости, наиболее позднее в этом кургане. Оно может быть отнесено ко времени не ранее XII в. на основании найденной в нем бронзовой булавошки с двуспиральной головкой. Подобные булавошки — характерное украшение эстонских женщин, которые скалывали ими на затылке головные покрывала. Такие булавошки получили распространение на территории Эстонии только в XII в. (Sclirand 1974, 134). В Новгороде булавошки с двуспиральными головками обнаружены в слоях XIII в. (Седова 1981, 75).

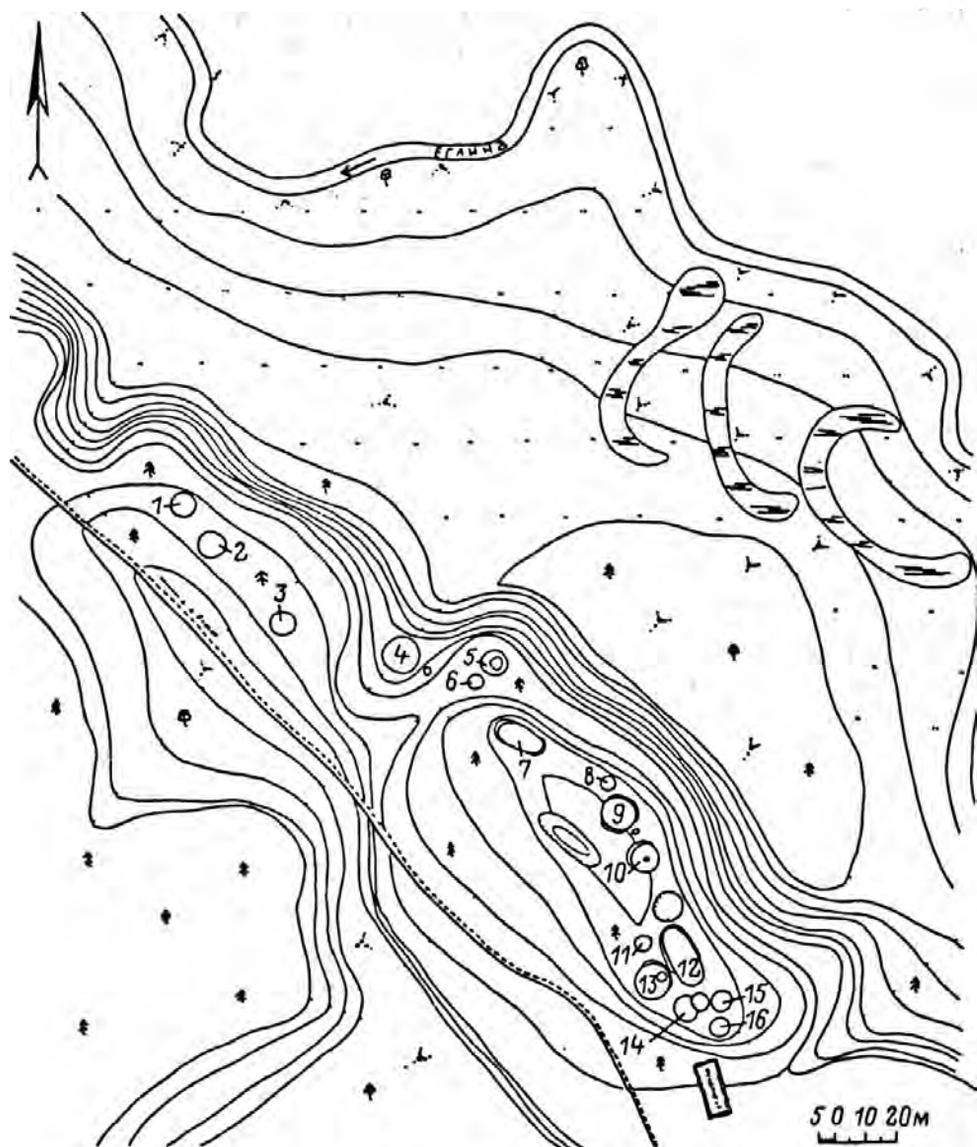
Итак, если первое погребение в рассматриваемом кургане было совершено в первой половине XI в., то последнее — не ранее начала XII в. Исходя из количества серебряных украшений, сопровождавших захоронения, данный курган в общем контексте древнерусской культуры сельского населения Новгородской земли может быть отнесен к группе достаточно богатых.

Курган № 2 имел меньшие размеры — диаметр 7 м, высоту 0,5 м. Под насыпью на поверхности материка было обнаружено погребение головой на запад, сопровождавшееся небольшим бронзовым колечком и гончарным сосудом (илл. 3: 3). Форма сосуда и сам обряд захоронения косвенно позволяют рассматривать этот курган в общих рамках XI—XII вв.

Группа III располагалась на высоком правом коренном берегу Еглины (илл. 4). В состав могильника, по нашим данным, до раскопок Н. Н. Черныгина входило 18 насыпей (на плане Черныгин зафиксировал 16 насыпей и не учел два небольших расплывчатых кургана). В группе выделялись 3 длинных и 15 круглых курганов. Всего раскопано 8 насыпей: 3 — Н. Н. Черныгиным и 5 — нашим отрядом.

В результате раскопок удалось установить, что в данной группе захоронения второй половины I тыс. н. э., совершенные по обряду кремации, сочетались с погребениями древнерусского времени по обряду ингумации. Из 8 раскопанных курганов 6 содержали исключительно трупосожжения.

Длинный валообразный курган (№ 1, дл. 34 м, шир. 8,8 м, выс. 0,64—1 м), исследованный Н. Н. Черныгиным, был реконструирован мною следующим образом (Хвоцинская 1985, 29—30): до возведения насыпи на небольшом естественном возвышении первоначально было совершено 5 захоронений (№ 3, 7, 8, 10 и 11). Затем эта площадка была перекрыта насыпью, которая имела значительно большие размеры, чем участок с пятью материковыми погребениями. Интересно, что часть насыпи над погребальной площадкой

Илл. 4. План могильника Бэзьва III

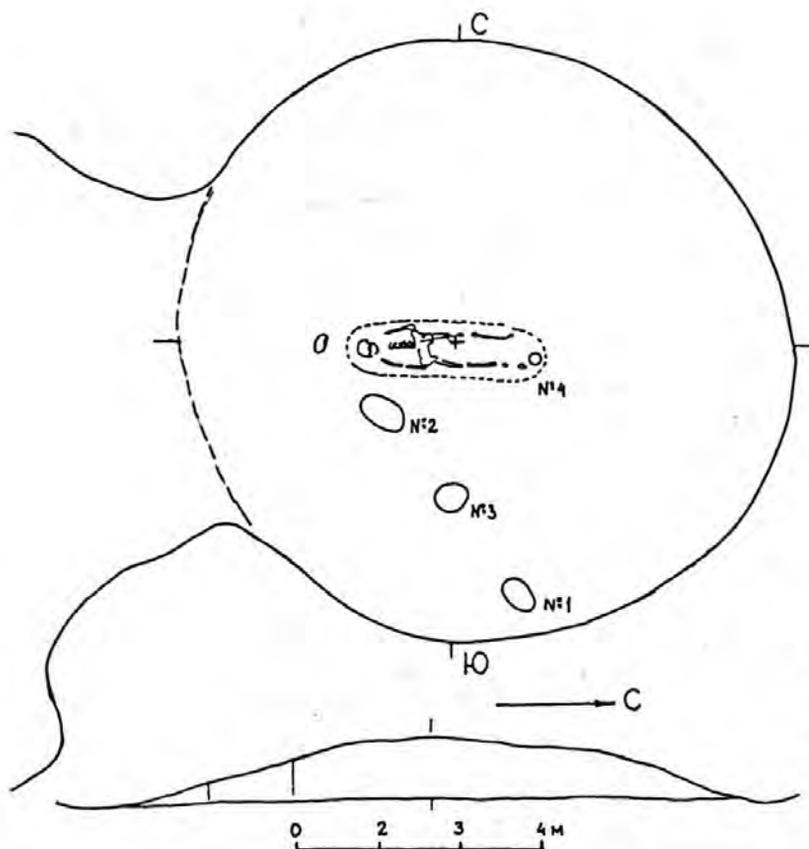
больше не использовалась для новых захоронений, а все последующие погребения (№ 1, 2, 4—6 и 9) были впущены во вторую половину готового кургана. В двух грунтовых погребениях встречен сопровождающий инвентарь. В погребении № 3 найдено небольшое серебряное колечко, напоминающее височное, со слегка заходящими концами, а в погребении № 8 — оплавленная синяя стеклянная бузина продолговатой формы с остатками серебряной проволочки в отверстии, обломки мелких пластинчатых спиралек и два кусочка сплавившейся бронзы. Среди группы впускных захоронений выделялись погребение № 5, которое было помещено в лепной сосуд приземистой формы с прямым венчиком и слабовыраженным валиком по плечу, и погребение № 6, которое располагалось прямо под дерном под перевернутым лепным сосудом.

Круглые курганы с захоронениями по обряду трупосожжения были типичны для культуры длинных курганов. В трех из них обнаружено по одному погребению: в курганах № 6 и 16 (раскопки Хвошинской) остатки сожжения были помещены в грунтовые ямки, а в кургане № 2 (раскопки Хвошинской) — впущены в верхнюю часть готовой насыпи. В двух курганах зафиксировано по три погребения. Курган № 9 (раскопки Хвошинской) был сооружен в два приема. Остатки двух захоронений в нем были ссыпаны в грунтовые материковые ямки в основании кургана, а еще одно трупосожжение было впущено в промежуточную насыпь. Курган № 2 (раскопки Черныгина) перекрывал одно погребение, рассыпанное на горизонте земли, и содержал два захоронения в насыпи. Таким образом, в круглых курганах представлены все основные типы захоронений, характерные для культуры длинных курганов. Скудный погребальный инвентарь встречен лишь в двух погребениях: в кургане № 16 найдена бронзовая спиралька (илл. 8: 22) и оплавленный обломок иглы от небольшой фибулы (илл. 8: 21), а в кургане № 2 (раскопки Черныгина) — две медные бляшки-скорлупки.

Поскольку инвентарь в захоронениях по обряду кремации отсутствует, то датировка данных курганов может быть определена рамками общепринятой хронологии длинных курганов, то есть VI—IX вв. (Седов 1974, 34, 35), хотя, судя по находкам в одной из насыпей бляшек-скорлупок, можно предполагать, что данный могильник возник скорее на ранней стадии этой культуры.

Наряду с насыпями, содержащими лишь погребения, совершенные по обряду кремации, на юго-восточной окраине могильника Н. Н. Черныгиным был исследован курган № 3, сооруженный во второй половине I тыс. н. э., но использованный для захоронений в начале II тыс. н. э. Насыпь диаметром 7,6 м и высотой 0,75 м содержала три трупосожжения. Одно было помещено в грунтовую ямку, второе — в ямку, впущенную в готовую насыпь, и третье представляло собой небольшую линзу в насыпи (илл. 5). Все погребения были безынвентарные. По характеру погребального обряда насыпь является типичной для культуры длинных курганов.

В начале II тыс. н. э. в центр кургана было впущено захоронение по обряду трупоположения (илл. 5). Погребальная яма прорезала всю насыпь и была углублена в материк на 0,32 м. Яма была ориентирована с запада на восток. Погребенный мужчина лежал на

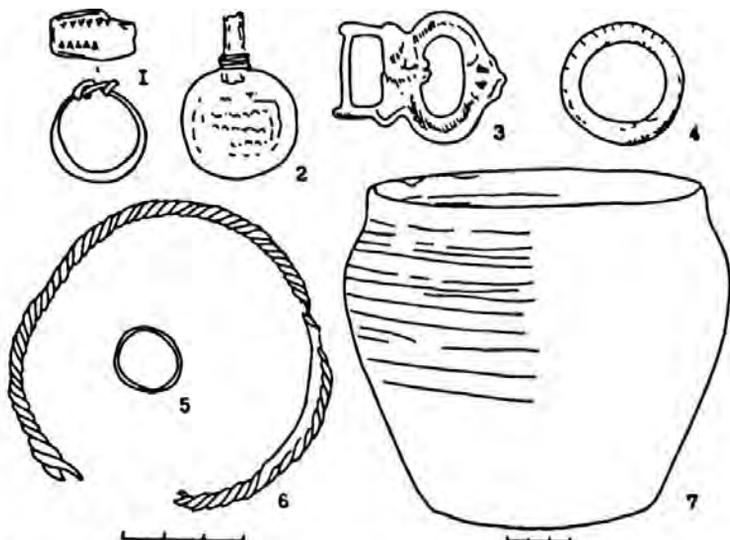

Илл. 5. Могильник Безьева III. Курган № 3 из раскопок Н. Н. Чернягина

две ямы на спине головной на запад. В погребении обнаружены медное проволочное колечко (илл. 6: 5), ливоридная пряжка (илл. 6: 3) и два поясных кольца (илл. 6: 4), серебряный дирхем в деревянном зажиме (илл. 6: 2), пластинчатый перстень с завязанными концами (илл. 6: 1), витой двухпроволочный браслет (илл. 6: 6), нож, гончарный сосуд (илл. 6: 7) и плоский железный предмет.

Н. Н. Чернягин зафиксировал в центральной части захоронения кальцинированные кости, которые не образовывали какого-либо скопления, а были рассеяны и встречались как на костяке, так и под ним. Логично было бы предположить, что кальцинированные кости происходят из еще одного разрушенного трупосожжения. Однако в таком случае они должны были неизбежно попадаться и в заполнении поздней могильной ямы, но автор специально подчеркивал, что в засыпи кальцинированных костей нет.

Что касается датировки труположения, то отметим, что пластинчатые перстни с завязанными концами в Новгороде и в курганах Новгородской земли обычно датируются не позднее XI в. (Седова 1981, 129, 130; Недошивина 1967, 269, 270). Ливоридные пряжки,

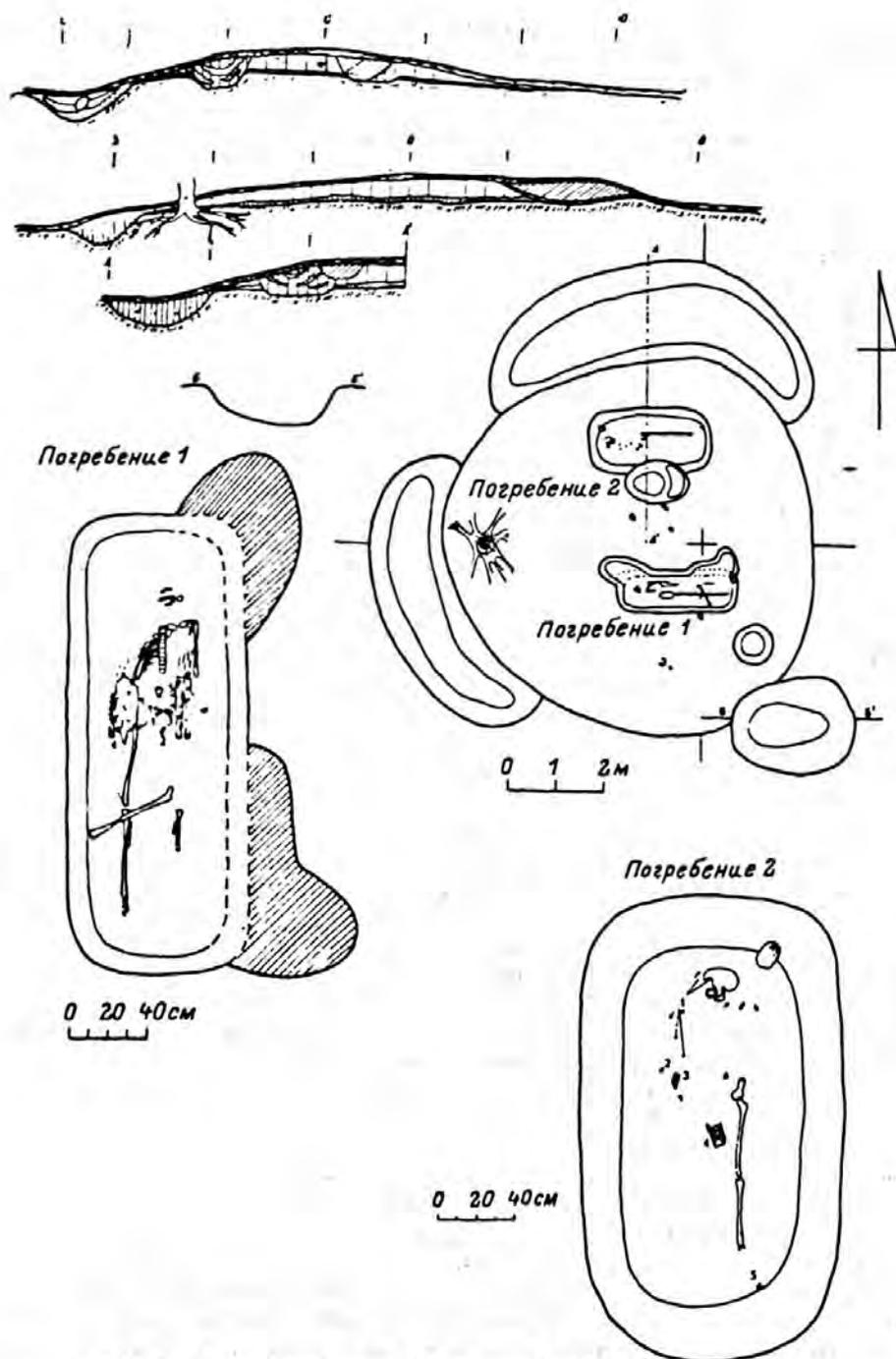

Илл. 6. Могильник Бельва III. Инвентарь погребения по обряду труположения в кургане № 3 по рисункам Н. Н. Чернягина

имеющие овальную рамку, заканчивающуюся «плиевидным» завершением, встречаются в древнерусских курганах XI—XII вв. В Новгороде они найдены в слоях первой четверти XI в. — 70—90-х гг. XII в. (Седова 1981, 144). К середине XI—XII в. относится широкое распространение витых браслетов, являющихся характерным типом украшений словен новгородских (Левашова 1967, 220). Таким образом, наиболее вероятная дата рассматриваемого захоронения — вторая половина XI — начало XII в.

С западной стороны данный курган примыкал полой к другому полусферическому кургану № 14, который был раскопан в 1981 г. Насыпь содержала два погребения по обряду труположения — мужское и женское (илл. 7). Мужское погребение было помещено в неглубокую грунтовую яму. В свою очередь, женское захоронение было впущено в северную полу уже готовой насыпи. Оба погребения располагались параллельно друг другу и были ориентированы головами на запад.

Погребальный инвентарь мужского захоронения состоял из широкосерединного пластинчатого перстня (илл. 8: 9), плетеного железного прутика и поясного набора, включавшего в свой состав две пряжки (илл. 8: 5, 6), два поясных кольца (илл. 8: 7), 6 круглых и 3 пятиугольных бляшки (илл. 8: 1—4), а также наконечник пояса (илл. 8: 8). В женском погребении обнаружен следующий сопровождающий инвентарь: ожерелье из бус, пластинчатый перстень, трапециевидные и монетовидные подвески. Часть бус и трапециевидные подвески были положены в специальную деревянную коробочку. Среди бус наиболее многочисленную группу составлял бусиный бисер (около 40 шт.) (илл. 8: 16, 17) и серые или желтоватые мелкие лимонобразные бусины (около 40 шт.) (илл. 8: 14, 18). Кроме того, встречаются пастовые пронизки (4 шт.) (илл. 8: 15), бочонкообраз-

Илл. 7. Могильник Безьва III, курган № 14. Планы и разрезы

Погребение 1: 1 — бляшки поясного набора, 2 — наконечник пояса, 3 — лировидная пряжка, 4 — обломок широкосрединного перстня, 5 — перелетные железные пруттики. Погребение 2: 1, 3 — бусы, 2, 5 — монетовидные подвески, 4 — трапециевидные подвески под слоем коры

ная бусина (илл. 8: 13), битрапециодная синяя бусина с белыми треугольными вставками (илл. 8: 12). Пластинчатый перстень имел рельефный орнамент (илл. 8: 19). Справа от погребенной в районе пояса зафиксированы подвески, сделанные из монет. В одном случае был использован дирхем (Саманиды, Них-ибн-Мансур, 976—997 гг.), в другом — вероятно, германский денарий XI в. (монета имела плохую сохранность) (определения сделаны в отделе нумизматики Гос. Эрмитажа). Кроме монетовидных подвесок, найдены украшения, каждое из которых составлено из четырех трапециевидных подвесок (илл. 8: 10, 11).

Большинство вещей из погребений кургана № 14 имеет достаточно широкие хронологические рамки бытования — XI—XII вв. Однако перстень из женского погребения по новгородским аналогиям может быть отнесен ко второй половине XII — началу XIII в. (Седова 1981, 132, рис. 49: 3). Для XII в. характерно и сочетание найденных в захоронении бус (Щапова, Дайга 1961, 188—189, рис. 1: 16, 28, 29). Следовательно, женское погребение из кургана № 14 вряд ли может быть датировано периодом до середины XII в. Мужское захоронение было совершено несколько раньше, но тем не менее, исходя из характера бляшек поясного набора, оно также не выходит за рамки XII в.

Группа IV расположена на левом берегу реки, напротив могильников II и III, в сосновом бору. В составе могильника насчитывается 9 курганов. Все они имели круглую в плане форму, диаметр 5—10 и высоту 0,2—0,5 м. Один курган выделялся своими размерами — его диаметр 12 м при высоте 1,05 м. Топографическое расположение, разряженность в распределении на местности курганных насыпей, скорее всего, свидетельствуют о принадлежности могильника культуре длинных курганов. Однако, учитывая особенности курганных групп II и III, нельзя с уверенностью утверждать до раскопок, что и в группе IV не окажется захоронений древнерусского времени.

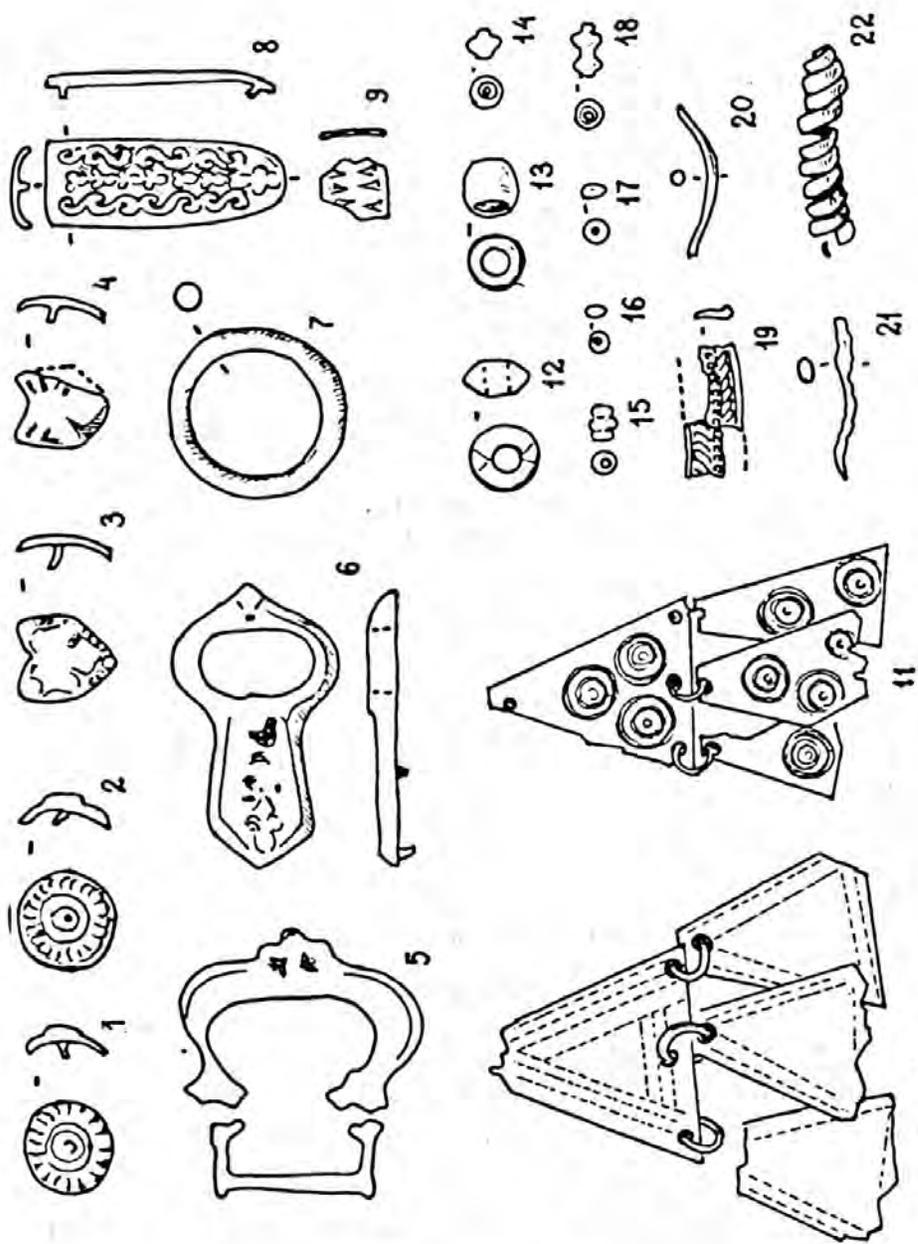
Рассматривая описываемый микрорайон в культурно-историческом единстве, чрезвычайно важно установить, с каким по численности населением мы имеем дело. Можно сделать примерную прикидку, учитывая количество насыпей и среднее число погребений в них для эпохи второй половины I тыс. н. э.:

- среднее число погребений равно примерно 54—60;
- захоронения производились в течение 400 лет;
- продолжительность жизни 35—40 лет;

— рассчитывая по формуле:
$$\frac{1000 \times \text{количество погребений}}{\text{кол-во лет} \times \text{продолжительность жизни}}$$

получаем примерно 4—6 человек.

Если мы хронологически сузим период существования насыпей культуры длинных курганов до 200 лет, то при аналогичном расчете получается цифра в 7—8 человек, то есть даже при определенной допустимой ошибке ясно, что в период существования культуры длинных курганов в рассматриваемом микрорайоне одновременно жило не более 10 человек. Это согласуется с данными по другим территориям. Так, например, по подсчетам Ю. М. Лесмана, в зна-

10
 11
 12
 13
 14
 15
 16
 17
 18
 19
 20
 21
 22
 14 и 16
 Могильник Бэва III. Погребення — шпигарь із захоронення кургану № 14 и 16

чительно более крупном районе Лужско-Оредежского междуречья в тот же исторический период существовал коллектив, состоявший не более чем из 13—20 человек (Лесман 1985, 35—37). Иными словами, в районе Безьвы жила одна семья из представителей двух-трех поколений.

Прекрасно понимая условность этих подсчетов, я хочу лишь подчеркнуть крайне незначительную численность группы населения, обитавшей близ Безьвы. Судя по количеству курганов начала II тыс. н. э. в рассматриваемых могильниках, также ясно, что оставший их коллектив был чрезвычайно мал. Однако известно, что в XII—XIII вв. на территории Новгородской земли появляются жальничные могильники, которые обычно являются более крупными по числу отдельных захоронений. Таким единственным ближайшим жальником, расположенным примерно в 1,5 км от рассматриваемых групп, является курганно-жальничный могильник у д. Дуброшкино (илл. 1). В 1909 г. К. Д. Трофимов раскопал в нем 19 погребений, в основном относящихся к XII—XIII вв. Мы насчитали здесь около 40 отдельных жальничных могил, но часть могильника в настоящее время нарушена современным кладбищем. Если с учетом разрушенных могил, объединив данные по Дуброшкину и Безьве, рассчитать численность населения на XII—XIII вв., то получится примерно 10—12 человек, живших там одновременно. Следовательно, демографическая ситуация не изменилась по сравнению с более ранним временем.

К сожалению, мест поселений в районе могильников не удалось выявить, хотя очевидно, что они располагались где-то поблизости от курганных групп на берегу реки и, возможно, на месте современной деревни. Упомянутый курганно-жальничный могильник в Дуброшкино относится к иному периоду, когда умерших из нескольких селений начали свозить на одно кладбище (сельский погост), где находилась церковь или чаще часовня.

Сохранение прежней демографической ситуации соотносится и с чертами преемственности культуры населения района:

1. Использование могильников культуры длинных курганов для захоронений XI—XIII вв., при этом широко применяется практика впускных погребений. Обычно процент впускных захоронений в древнерусских могильниках не столь велик. Здесь же 4 погребения из 7 являлись впускными.

2. Наличие в погребении по обряду ипгумации кальцинированных костей, сопровождающих захоронение. Нет оснований для однозначного суждения, кто был сожжен — человек или животное (скорее последнее), но тем не менее факт биригуальности существует.

3. Неразвитость форм отдельных гончарных сосудов. Они производят впечатление подправленных на гончарном круге лепных горшков баночной формы — та же вытянутость форм и слабо отогнутый венчик.

4. Одним из характерных элементов погребального инвентаря северной группы длинных курганов являются мелкие круглые бляшки-скорлупки. Найдены они и в Безьве. Исследователи находят аналогии им в каменных могильниках Эстонии (Шмидехельм 1955, 81, 138, 139, 153, 215, рис. 34: 7, 8). М. Х. Шмидехельм, ссылаясь на

находки подобных бляшек в погребениях Калининградской области, указывает, что они могли относиться к украшению головного убора (Шмидехельм 1955, 81). В этом отношении примечательно, что в одном из женских захоронений группы II обнаружены остатки головного убора, расшитые мелкими серебряными бляшками, напоминающими по форме бляшки-скорлупки.

Все это позволяет предполагать, что между населением культуры длинных курганов и населением древнерусской поры существовала генетическая связь. Археологи, конечно, стремятся установить сам процесс перерастания одной культуры в другую, но, на мой взгляд, это не всегда выполнимая задача. Так, в данном случае смена обряда сожжения обрядом трупоположения была сопряжена со значительными изменениями в структуре мировоззренческих представлений древнего общества. Реально меняется способ перехода умершего в иной мир, а соответственно, происходит ломка всех компонентов ритуальных действий, которые включаются нами в понятие «погребальный обряд». Поэтому между культурой длинных курганов и древнерусской нельзя искать прямого сходства. В то же время стабильность населения является аргументом в пользу преемственности.

Я хотела показать ход исторических событий в маленьком, хорошо изученном микрорегионе, но этот процесс ощущался и на других территориях Новгородской земли. В частности, то, что длинные курганы являлись подосновой древнерусских курганов, справедливо отмечали Н. И. Платонова и В. Я. Конецкий (Платонова 1988, 11—12; Конецкий 1984, 13). На мой взгляд, вряд ли можно оспорить эти факты. Сейчас требуется конкретизация этого процесса, что я и попыталась сделать в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Н. В. 1928: Архив ИИМК РАН, ф. 2, д. 115.
2. Конецкий В. Я. 1984: Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.
3. Кудряшов К. В. 1913: Отчет о раскопках 1911 года в Гдовском уезде С.-Петербургской губернии // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества 11, 241—264. С.-Петербург.
4. Левашова В. П. 1967: Браслеты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Труды Государственного исторического музея 43, 207—252. Москва.
5. Лесман Ю. М. 1985: Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Ордежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР, 33—37. Ленинград.
6. Львова Э. А. 1968: Стекланные бусы Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 10, 64—94. Ленинград.
7. Недошивина Н. Г. 1967: Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.: Труды Государственного исторического музея 43, 253—274. Москва.
8. Платонова Н. И. 1988: Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград.
9. Седов В. В. 1974: Длинные курганы кривичей. Свод археологических источников Е 1—8. Москва.
10. Седова М. В. 1981: Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). Москва.

11. Успенская А. В. 1967: Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X—XI вв.: Труды Государственного исторического музея 43, 88—132. Москва.
12. Фехнер М. В. 1967: Шейные гривны // Там же, 55—87.
13. Хвоцинская Н. В. 1985: Новые данные о длинных курганах восточного побережья Чудского озера // Новое в археологии Северо-Запада СССР, 28—32. Ленинград.
14. Чернягин Н. Н. 1940: Отчет о раскопках курганов в Середкинском, Полновском и Гдовском районах Псковского округа в 1940 г. — Архив ИИМК РАН, ф. 35, д. 35.
15. Шмидехельм М. Х. 1955: Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин.
16. Шапова Ю. Л. 1956: Стекланные бусы // Материалы и исследования по археологии СССР 55. Москва.
17. Шапова Ю. Л., Дайга И. В. 1961: Стекланные бусы и браслеты Асотского городища: 185—199 // Шноре Э. Д. Асотское городище: Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. Рига.
18. Selirand J. 1974: Eestlaste matmiskombed varafeodaaletse suhete tärkamise perioodil (11—13 sajand). Tallinn.

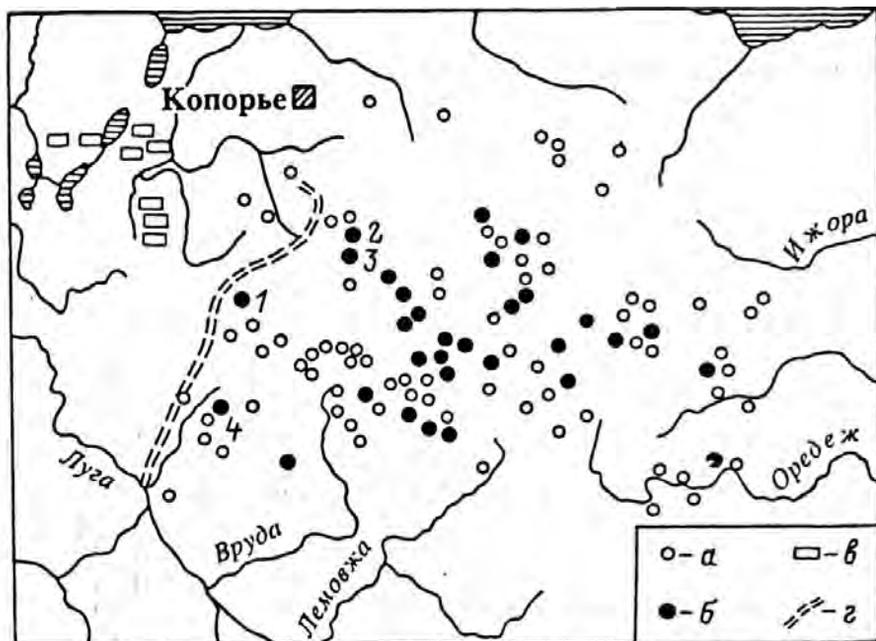
КУРГАНЫ С ТРУПОСОЖЖЕНИЯМИ ВОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Водская (Вотская) земля — особое административно-территориальное подразделение на северо-западе новгородских владений, впервые упомянутое в летописи под 1338 г. (Новгородская первая летопись... 1950, 349) и ретроспективно восходящее к «Вочской сотне» актов русского источника 1260-х гг. (Древнерусские... 1976, 150; Янин 1977, 116). По историко-географическим данным устанавливается локализация этой земли в пределах Ижорской возвышенности, ограниченной с запада болотистыми пространствами Лужско-Нарвского междуречья, с севера — скатами плато к побережью Финского залива, с востока — скатами побережья, откуда берут начало истоки рек Ижоры и Ореджа, с юга — исторически засвидетельствованной Лужской «волостью» в бассейне р. Луги. Центром региона являлось Копорье — новгородский острожок, превращенный в конце XIII в. в каменную крепость. К западу и северо-западу от плато простирались участки, в Водскую землю не входившие и фиксируемые в позднесредневековых источниках как погосты «в Чюди». Эта территория, которую условно можно назвать Чудской землей, являлась основным очагом формирования современной воды — малой прибалтийско-финской народности Ленинградской области, древний этноним которой отразился в наименовании Водской земли (карта).

Именно здесь в последние годы были впервые обнаружены и исследованы оригинальные памятники предков воды XIII—XVII вв. (Рябинин 1992, 143—151; 1993, 114—121; Ryabinin 1987, 87—104).

Основным видом археологических памятников Водской земли являются средневековые курганные могильники, прямо или опосредованно (через усвоение нового обряда местными финнами) связанные с продвижением на новгородское порубежье древнерусских земледельцев. На Ижорском плато зафиксировано свыше 150 могильников, включающих более 10 000 курганно-жальничных погребений. Наиболее ранние памятники такого типа относятся ко времени не ранее второй половины XI — начала XII в. Кладбища, заложенные до второй четверти XII в., немногочисленны и локализуются в основном на западе плато, выходя и в центральную его часть. Оформление границ курганного ареала относится ко второй-третьей четверти XII в., когда погребальные памятники распространяются по всей возвышенности. Полная демографическая освоенность региона приходится на последнюю четверть XII — XIII в. (Лесман 1982, 65—74).

Эти заключения базируются, главным образом, на материалах массовых раскопок Л. К. Ивановского, вскрывшего в 70—80-х гг. прошлого века в 127 пунктах свыше 5500 захоронений на Ижорском плато. Раскопки велись на низком методическом уровне, со слабой

Курганы с трупосожжениями Водской земли. Карта распространения

a — исследованные кургано-жальничные могильники; *b* — могильники, содержащие курганы с трупосожжениями; *v* — могильники воды; *z* — западная граница Водской земли (1 — Большие Озертицы; 2 — Лашковницы; 3 — Бегуницы; 4 — Бессда)

фиксацией похоронного обряда. Сведения об основном пласте памятников ограничены преимущественно происходящим из них инвентарем, введенным в научный оборот А. А. Спицыным (Спицын 1896).

Систематизируя материалы курганных раскопок, А. А. Спицын отметил крайнюю незначительность встреченных на плато захоронений по обряду кремации, который «здесь <...> составляет уже почти совершенно вымерший обычай» (Спицын 1896, 7). По его данным, полная кремация наблюдалась в 25 курганах XI—XII вв. (не более сотой части общего их количества) и в нескольких случаях отмечено частичное сожжение умерших. Исходя из скудной полевой информации, Спицын писал: «Естественнее предположить, что труп сжигался на месте, а не в стороне от кургана, хотя прямых указаний на это в отчетах Л. К. Ивановского мы не находим» (Спицын 1896, 8).

Обращение к тем же материалам показывает, что полные или частичные остатки кремации встречены на 28 могильниках (22,4% исследованных кладбищ). Они действительно представляют лишь редкую реминисценцию обряда сожжения на фоне массовых ингумаций. Количественное распределение погребальных комплексов с трупосожжениями по могильникам следующее: 18 курганных групп — 1 сожжение; 6 групп — 2; 3 группы — 3; 1 группа — 4. При частичной кремации иногда сжигался череп (Будино 28; Боль-

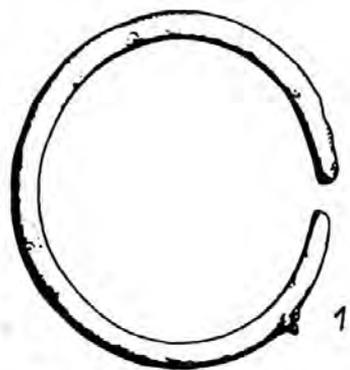
шое Кикерино 8; Яскелево 5), причем в одном случае (Яскелево 5) обгоревшая голова умершей была отделена от тела и помещена на жертвенник — груды камней с углями и золой, располагавшийся в изголовье захоронения. Отмечено сожжение трупа за исключением головы (Шпаньково 17), а также кремация верхней части погребенного кроме голени ног (Смольково 29). В некоторых случаях при совершении парных захоронений наблюдался биритуальный обряд погребения (Грызлов 1; Яскелево 5).

Курганы с трупосожжениями известны в разных частях плато (карта). Можно отметить их полное отсутствие на северной периферии курганного ареала, наиболее поздно освоенного переселенцами, а также нераспространенность таких объектов на юго-западе региона. Основная часть погребальных комплексов была полностью лишена инвентаря или же сопровождалась лишь ножами и горшками. Исключения единичны и, судя по вещевому материалу при кремированных останках женщин, представлены типичными древнерусскими украшениями XII—XIII вв. (Смольково 7; Яскелево 5; Сумино 147; Терпилицы 9). По заключению Ю. М. Лесмана, трупосожжения, относящиеся к первому хронологическому периоду (1025—1177 гг.), здесь вообще не известны, большинство же таких захоронений совершено на курганных кладбищах, начавших функционировать лишь во втором периоде (1134—1268 гг.) (Лесман 1982, 73).

В связи со скудностью информативных данных о характере обряда и инвентаре погребений, определенный интерес представляет открытие ряда трупосожжений в процессе работ Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1970-е — начале 90-х гг. Они отмечены в памятниках западной окраины курганного ареала, расположенных в контактной с Чудской землей зоне. На четырех средневековых кладбищах этого участка обнаружено 6 насыпей, содержащих остаток восьми человеческих сожжений. Они составляют 4,5% от общего числа исследованных захоронений. При исключении поздних комплексов жальничного или близкого им облика доля таких сожжений увеличивается до 6,3%. При сопоставлении этих данных с результатами дореволюционных раскопок можно сделать вывод о том, что на западной периферии курганного массива обряд кремации получил значительно большее распространение, чем в целом на Ижорском плато.

Установлено, что все трупосожжения совершены не на месте, как предполагал А. А. Спицын, а на стороне. Это согласуется с заключениями о характере кремации в других регионах Новгородской земли (Седов 1982, 170). Выделяются следующие их разновидности.

Вариант 1. Захоронение по обряду кремации — основное и единственное. Кальцинированные кости с частью углей и золы погребального костра ссыпались на погребальную площадку, предварительно очищенную огнем. Сопутствующие вещи не имеют следов пребывания в огне, оплавленность некоторых из них обусловлена помещением предметов среди еще не остывших остатков сожжения. Одно из таких захоронений выявлено в кургане 50 могильника у д. Бегуницы, по своим обрядовым и культурным особенностям обнаруживающего принадлежность значительной части оставившего его населения к прибалтийским финнам (Рябинин 1981, 28—34; 1983,

Инвентарь погребений

482—493). В основании насыпи (диаметр 8 м, высота 0,9 м) остатки кремации с углями и золой располагались на участке площадью 1,2 × 0,5 м. Среди них найдены бронзовый дровяной браслет (рис. 1), фрагмент бронзовой цепочки из двойных кольчатых звеньев (рис. 2), два грушевидных бубенчика с крестовидной прорезью (рис. 3, 4), остатки железной цепочки, спекшиеся стеклянные бусы и свинцовая весовая гирька. Основываясь на данных новгородской хронологии, можно заключить, что курган был сооружен до 1134 г. Учитывая же его топографическую близость с наиболее ранней исследованной насыпью могильника (курган 17 с набором западноевропейских денариев середины — второй половины XI в.), вполне допустимо отнесение трупосожжения к концу XI в. В этом случае оно оказывается древнейшим погребальным объектом на территории Водской земли.

Еще одно сходное по характеру женское трупосожжение обнаружено в разрушенном кургане 8 у д. Беседа. По характеру инвентаря, включающему бисер из рубленых палочек, золотостеклянную бусину — «лимонку» и грушевидный крестопорезной бубенчик, погребение датируется временем до 1116 г. и также принадлежит к наиболее ранним захоронениям Ижорской возвышенности.¹

Вариант 2. Остатки кремации, очищенные от углей и золы, завернутые в кору и помещенные на курганную площадку. Сожжение детское, среди кальцинированных костей встречается железная пряжка (рис. 5). Этот вариант зафиксирован в кургане 42 у д. Бегуницы — крупной насыпи диаметром 9 м и высотой 1,2 м, содержащей также три труположения с нехарактерной для славян восточной ориентировкой умерших. Прибалтийско-финская принадлежность погребенных документирована особенностями женского металлического убора (обшивка верхней части одежды мелкими оловянными блясками, украшение наковшиками рядами трубчатых пронизок из оловянисто-свинцового сплава), а также наличием в инвентаре косы-горбуши, предположительно согнутой вдвое, — ритуальная деталь, типичная для древневодского населения «чудских» погостов. Время совершения погребений может быть отнесено к концу XII — первой трети XIII в.

Вариант 3. Кальцинированные кости с углями и золой, помещенные рядом с труположениями, отчасти перекрывающие при этом и сами костяки. В кургане 38 первой группы у д. Лащковицы они сопровождали захоронения женщины и девочки-подростка, имевшие северо-западную направленность. Судя по остаткам сожжения, кремации были подвергнуты двое умерших в детском возрасте. Инвентарь ингумаций в целом имеет древнерусский характер при наличии в нем ряда субстратных культурных элементов. Это нагрудное украшение из костяных ножевидных подвесок, прикрепленных к литым костыльковым звеньям цепочки (рис. 7). Такие амулеты лишь изредка встречаются на территории Руси, получив наибольшее

¹ Еще одно жальничное (?) трупосожжение было обнаружено в могильнике у д. Беседа в 1911 г. А. Мессером. Судя по находке в нем полой коныковой подвески, оно относится ко времени не ранее 70-х гг. XII в. (Институт истории АН Эстонии, инв. № 2578).

распространение в землях древнеэстонских племен и ливов. На некоторых поселениях эстов (например, городище Лыхавере) было налажено и производство рассматриваемых подвесок (Рябинин 1988, 56—61). К этому же кругу древностей можно отнести и бронзовый вертикальный игольник (рис. 6) — тип украшений, связанный по своей принадлежности с финно-угорским миром (Голубева 1978, 200—202). Интересна встреченная у пояса умершей гирлянда из трех крупных бронзовых спиралей, прикрепленных к железному кольцу. Подобные подвески, обнаруживающие ближайшие аналогии в древностях эстов (Спицын 1896, 23), известны у средневековой води «чудских» погостов. Дата захоронений — вторая половина XII — первая треть XIII в.

Проявление той же обрядности отмечено также в кургане 20 у д. Бегуницы. Крупный курган диаметром 10 м и высотой 1,2 м содержал мужское трупоположение с восточной ориентировкой на горизонте и разрушенный скелет женщины в средней части насыпи. Последний был пересыпан многочисленными остатками сожжения, углями и золой погребального костра. Под умершей располагалась овальная яма, ориентированная в меридиональном направлении (размеры 1,12 × 0,65 м, глубина от уровня верхнего захоронения 0,2 м), в которой также встречены кальцинированные кости и серия бус, не имеющих следов пребывания в огне. Установлено, что кремнированные останки принадлежат детскому захоронению. Дата совершения последнего — первая половина XIII в. (около 1238 г., по определению Ю. М. Лесмана).

Вариант 4. Кальцинированные кости, очищенные от углей и золы погребального костра и помещенные в могильную яму. Этот вариант обряда зафиксирован в кургане 1 у д. Большие Озертицы. В основании насыпи диаметром 5 м и высотой 0,8 м располагалась яма четырехугольной формы, ориентированная в широтном направлении (размеры 1,8 × 0,9 м, глубина около 0,2 м), заполненная жемчужными костями с крайне незначительной примесью углей. Инвентарь включал овальную железную пряжку, короткое овальное кресало, свыше 70 фрагментов 14-гранных хрустальных бус, распавшихся под действием огня, шаровидных прозрачных бус цветного стекла и серию кашинных бус с голубым покрытием. Судя по составу находок, в подкурганную яму были ссыпаны кремнированные останки двух захоронений — мужского и женского. Наличие среди вещей кашинных бус восточного происхождения, появляющихся на Северо-Западе Руси в конце XIII в., позволяет отнести рассматриваемый объект к позднейшим курганам с трупосожжениями в Древней Руси. Биритуальность обряда захоронений в данной насыпи документирована открытием в ее основании трупосожжения девочки-подростка, помещенной вдоль края ямы и ориентированной головой к западу.

Данные последних исследований курганов на западной окраине Водской земли позволяют выделить следующие признаки трупосожжения этого участка:

- 1) более значительный «удельный вес» курганов с сожжениями по сравнению с суммарными данными о погребениях Ижорского плато;
- 2) использование здесь только обряда кремации на стороне;

3) длительный период спорадического проявления этого обряда, охватывающий не менее двух столетий (конец XI — конец XIII — XIV в.);

4) инвариантность ритуала, в котором тем не менее можно наметить определенную последовательность его развития — от основных и единственных трупосожжений на горизонте (конец XI — начало XII в.) к биритуальным захоронениям в основании насыпи (XII — первая треть XIII в.) и помещению остатков кремации в могильной яме при биритуальности коллективных погребений (конец XIII — XIV в.);

5) использование пережиточного обряда кремации почти исключительно при захоронении детей и женщин;

6) ярко выраженная связь части погребальных сооружений, содержащих трупосожжения, с прибалтийско-финскими субстратными традициями.

Полагаем, что последующие исследования на других участках Ижорского плато позволят конкретизировать полученные данные и дадут возможность установить, в какой степени особенности рассмотренных трупосожжений свойственны всему курганному массиву региона и в какой обусловлены их положением в контактной с Чудской землей зоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Л. А. 1978: Игольники восточноевропейского Севера X—XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С. 199—204.
2. Древнерусские... 1976: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М.
3. Лесман Ю. М. 1982: Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 65—74.
4. Новгородская первая летопись... 1950: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
5. Рябинин Е. А. 1981: Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам Ижорской экспедиции) // КСИА. Вып. 166. С. 28—34.
6. Рябинин Е. А. 1983: Древнейший памятник воды в Новгородской земле // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1981. Л. С. 482—493.
7. Рябинин Е. А. 1988: Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М. С. 55—63.
8. Рябинин Е. А. 1992: Чудь Водской пятинны // Древности славян и финно-угров. СПб. С. 143—151.
9. Рябинин Е. А. 1993: Финно-угорские племена Новгородской земли на современном этапе историко-археологического изучения // Древности Северо-Запада России: Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики. СПб. С. 114—131.
10. Седов В. В. 1982: Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М.
11. Сплицын А. А. 1896: Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // Материалы по археологии России. СПб.
12. Янин В. Л. 1977: Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М.
13. Ryabinin E. A. 1987: The Chud of the Vodskaya Pyatina in the Light of New Discoveries // Fennoscandia archaeologica, IV. Helsinki. P. 87—104.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ КЛАД 1989 г.¹

Осенью 1989 г. в окрестностях Архангельска, на западном краю двинской поймы (илл. 1), во время сельскохозяйственных работ был найден клад серебряных вещей и монет. Все сделанные находки поступили в Архангельский областной краеведческий музей. Той же осенью место было осмотрено археологами. Удалось обнаружить еще около двух десятков монет, которые также были переданы в музей. По рассказам нашедших клад, основная группа находок залегала довольно компактно, на площади приблизительно $2 \times 4,5$ м. Отдельные куски сосновой коры, замеченные на месте клада, первоначально позволяли усматривать в них остатки какого-то вместилища для него. Однако радиоуглеродное датирование коры показало, что она относится к XVI в.

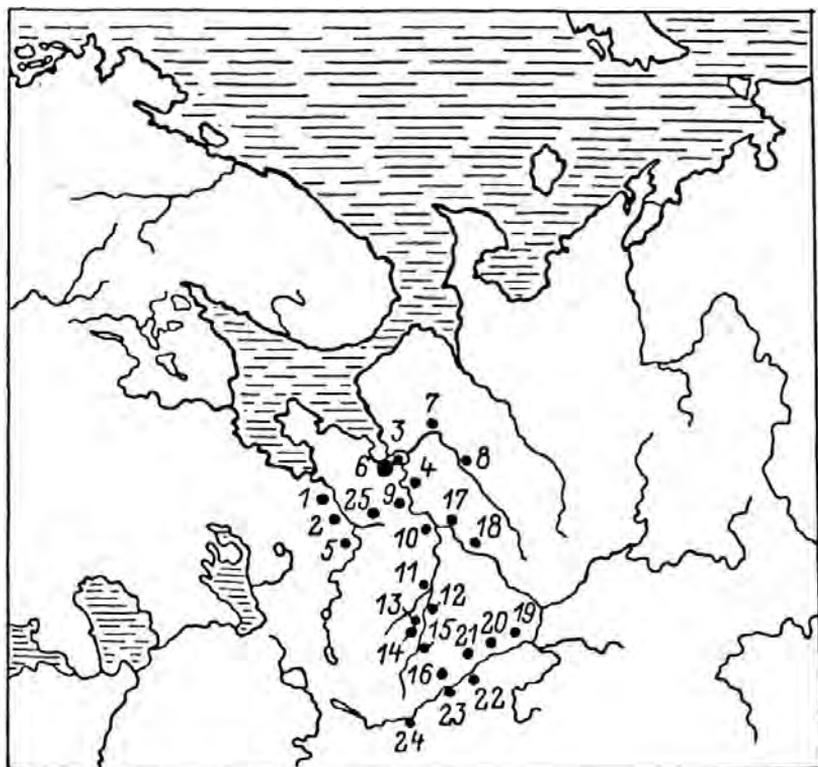
Клад был зарыт на первой подпойменной террасе, приблизительно на высоте 1,8 м над уровнем воды (на сентябрь 1989 г.), на травом берегу небольшого ручья, впадающего в р. Вихтуй (илл. 2). Эта речка является рукавом довольно крупного притока Северной Двины — р. Тойнокурьи. Можно предполагать, что место для сокрытия клада было выбрано не случайно, ибо оно расположено вблизи от тех водных дорог в районе двинской дельты, которые непосредственно примыкали к корынным берегам, где могли располагаться места временных или постоянных становищ.

Клад представляет собой «сокровище» из серебра общим весом 1632,57 г, состоящее из более чем 2000 западноевропейских денариев, трех саманидских дирхемов и вещевой части весом 270,67 г. Судя по составу монет, клад датируется 30-ми гг. XII в. (детальный анализ монет проведен В. М. Потинным: Nosov, Ovsyannikov, Potin 1992). По составу вещей клад не отличается от ранее найденных и учтенных древнерусских кладов: это набор женских украшений, как целых, так и в обломках, а также специально хранимые очень мелкие кусочки вещей, некогда бывших в употреблении.

Каталог

1. Пластинчатый браслет (илл. 3). Серебро. Гравировка. Зернь. Длина браслета 15 см, ширина пластины 1,85 см, вес 51,05 г. Плас-

¹ Первая публикация описи клада и анализ распространения кладов на Русском Севере были сделаны Е. Н. Носовым, В. В. Овсянниковым и В. М. Потинным в финском журнале на английском языке в 1992 г. (Nosov, Ovsyannikov, Potin 1992, 3—21). На русском языке подробное описание клада никогда не издавалось. Авторы ставят перед собой цель заполнить этот пробел в отношении вещевой части клада, отсылая для ознакомления с его монетной частью, изученной В. М. Потинным, к упомянутой выше статье.

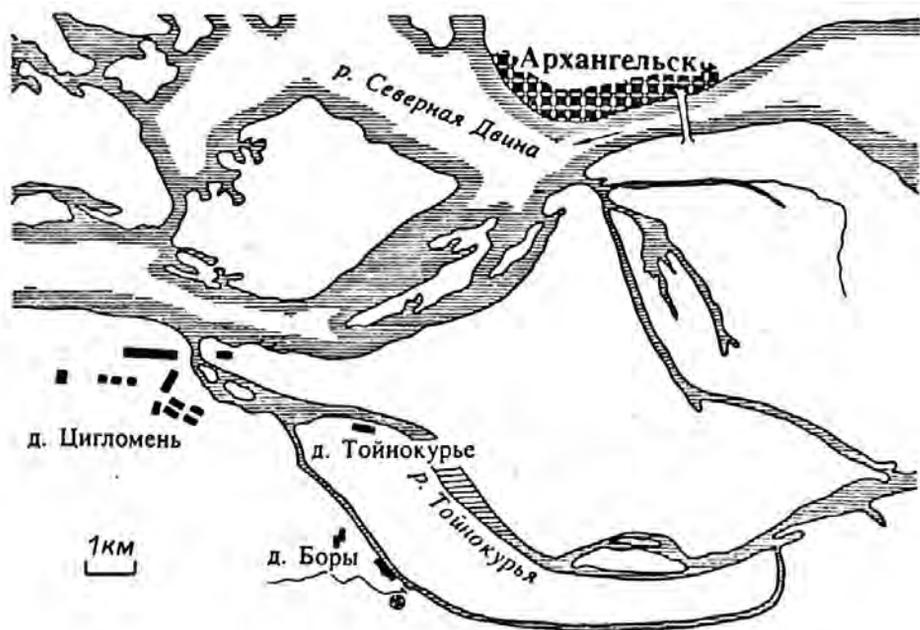

Илл. 1. Пункты (районы), упомянутые в Уставе Святослава Ольговича:

1 — Волдутов погост, 2 — Тудоров погост, 3 — Иван-погост, 4 — Ракула, 5 — Спирков, 6 — Вихтуй, 7 — Пинета, 8 — Кегрола, 9 — Усть-Емца, 10 — Усть-Ваг, 11 — Пуя, 12 — Чюдии, 13 — Лигуя, 14 — Вавдит, 15 — Вель, 16 — Векшенза, 17 — Борок, 18 — Отмиш, 19 — Тойма, 20 — Пома, 21 — Тошма, 22 — Пененич, 23 — Пороголустан, 24 — Вавдит, 25 — Волок на Моше

• — пункты (районы) Устава, * — Вихтуй, место находки Архангельского клада

тина украшена двумя параллельными желобчатыми линиями, разделяющими ее как бы на три плоскости, каждая из которых орнаментирована овальными вдавлениями. Толщина пластины 1,5 мм. По ее краям напаяны два каплевидных пьтона, украшенных несколькими полосками ложной скани. Основания четырехугольных вставок имеют размеры 1,5×1,7 см. По углам вставки имеют по одной капле крупной зерны, окруженной рубчатым валиком, по сторонам вставок — пирамидки и треугольнички из крупной зерны. Вставки стеклянные. Они сделаны из фрагмента разбитого прозрачного стеклянного сосуда, по-видимому, восточного происхождения. Спектральный анализ стекла, выполненный В. А. Галибиным, показал, что оно имеет следующий состав (%): SiO_2 — основа, Al_2O_3 — 1,6; Na_2O — 13; K_2O — 4,0; CaO — 9,0; MgO — 6,0; Fe_2O_3 — 0,5; TiO_2 — 0,08; MnO — 1,2; CuO — 0,002. Химический тип стекла ($\text{Si} - \text{Na}(\text{u}) - \text{Ca}, \text{Mg}$) соответствует так называемому «восточному» рецепту, в котором в качестве щелочного сырья использовалась зола солончаковых растений с преобладанием натрия, калием и с при-

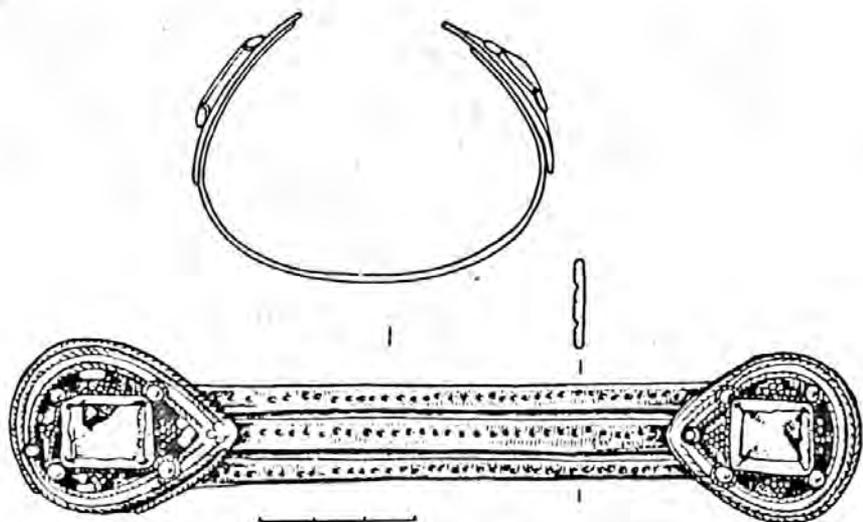
Илл. 2. План расположения Архангельского клада

мерно равным содержанием кальция и магния. В качестве обесцвечивателя стекла использовалась добавка магния.

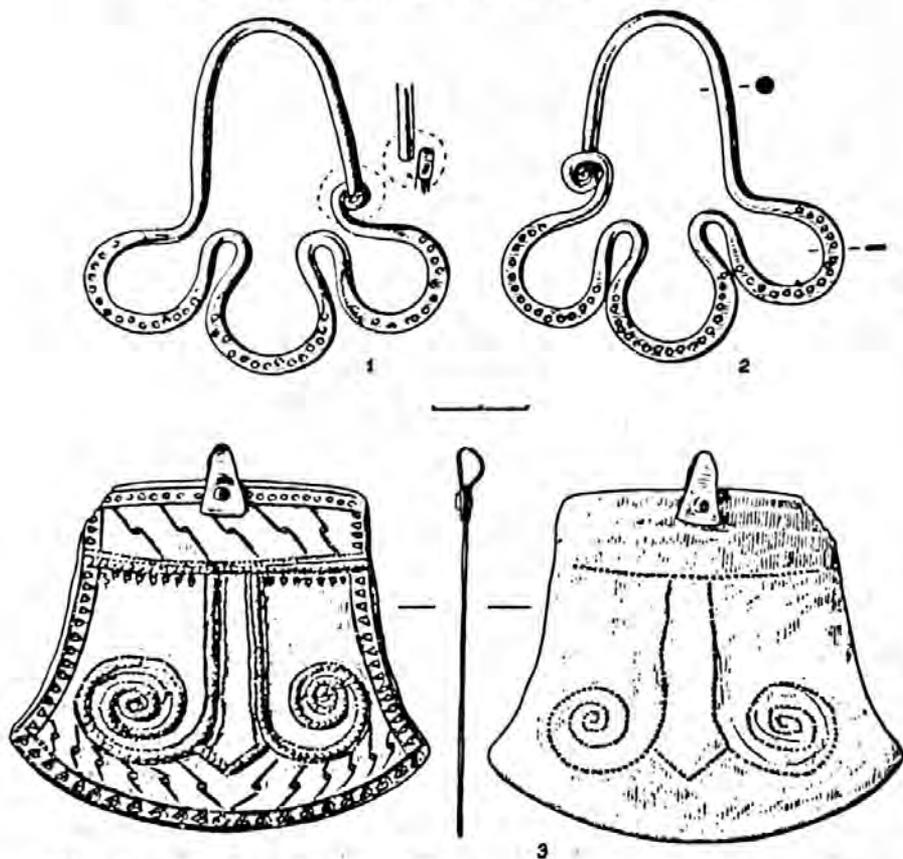
Предварительно можно считать, что происхождение этой вещи тесно связано с болгарским ремесленным производством. Близкий по облику браслет был найден в Новгороде в слоях конца XII в. (сообщение А. С. Хорошева). Попадание на Беломорское побережье предметов подобного облика из более южных районов не должно вызывать удивление, так как, например, в Вымских могильниках встречены отдельные серебряные украшения с аналогичными шатонами в круглых подвесах, замкнутых лунницах. Общая датировка их определяется X—XIII вв., и происхождение связывается с деятельностью болгарских ювелиров (Савельева 1987, 122).

2. Витой браслет (илл. 5: 1). Серебро. Зернь. Каменные вставки. Размеры 6×7,6 см, вес 57,3 г. Браслет сплетен из трех толстых жгутов. Спаянные расклепанные концы браслета являются основаниями напаянных подтреугольных оправ с каменными вставками. В основании оправы имеют сканный жгут и ряд треугольников из крупной зерни. На концах браслета нет следов припайки петель замка. В средней части браслета — припаянная пластина длиной почти 3 см — следы ремонта изделия.

Сложные витые браслеты с накладными наконечниками, часто украшенными чернью, появились с конца XI в. и продержались в русской княжеско-дружинной среде вплоть до монгольского завоевания (Корзухина 1954, 63, табл. XIII и XIV). Браслеты, близкие входящим в данный клад, имеются в кладе из Старой Рязани, содержащем предметы, датированные второй половиной XII — первой третью XIII в.

Илл. 3. Архангельский клад. Пластинчатый браслет

Илл. 4. Архангельский клад. Петлеобразные и топоровидная подвески

(Даркевич, Монгайт 1978, 8, 11 (№ 28, 29), табл. XX). В Новгороде такие браслеты, но из мягкой оловянисто-свинцовой проволоки, происходят из словес от рубежа XI—XII вв. до конца XIII в. (Седова 1981, 102). В инвентаре вымских могильников имеется два экземпляра серебряных дровяных шитковоконечных браслетов с каменными вставками в обрамлении скани и зерни, которые датируются XI—XII вв. (Савельева 1987, 129, табл. 32: 13). Безусловно, они не являются полными аналогами архангельской находке, но свидетельствуют о распространении подобных предметов на крайнем северо-востоке Восточной Европы в первые века II тыс. н. э.

3. Подвеска петлеобразная с тремя петлями (илл. 4: 1). Вес 22,3 г. Серебро. Гравировка. Сделана из толстой проволоки (диаметр до 4 мм). Петлеобразная часть подвески уплощена и украшена глазковым орнаментом. Высота подвески 8 см, максимальная ширина 7,5 см. Сохранилась лишь часть замка.

4. Подвеска петлеобразная с тремя петлями, составляющая пару с предыдущей подвеской (илл. 4: 2). Серебро. Гравировка. Вес 21,1 г. Размеры: высота 7,85 см, ширина 7,2 см. Толщина проволоки 4 мм. Сохранилась часть замка.

В районе Архангельского Севера подобные подвески встречены еще в трех памятниках: в могильнике XII в. — устье р. Варзуги на южном берегу Кольского полуострова — 1 экземпляр (Овсянников 1984, 25, 26; 1985, 86; Овсянников, Рябинин 1989, рис. 5: 3; Ovsyannikov 1984, 102, fig. 4: 1), в Чудском могильнике конца XI — первой половины XII в. на р. Ваге, притоке Северной Двины, — 1 экземпляр (Назаренко, Овсянников, Рябинин 1984, рис. 5: 13) и на жеренных местах на острове Вайгач — 3 экземпляра (раскопки П. Хлобыстина). Вероятнее всего, подобные петлеобразные подвески попали из восточных областей угро-финского расселения. Найдки изклада являются пока наиболее западным пунктом их распространения.

5. Топоровидная подвеска (илл. 4: 3). Серебро. Гравировка. Вес 26,1 г. Размеры подвески: высота 7,9 см, максимальная ширина 8,6 см. Подвеска сделана из серебряной пластины толщиной около 1 мм. В верхней части имеется петелька, приклепанная к пластине с двух сторон. Лицевая поверхность пластины имеет богатое гравированное орнаментальное украшение: края подвески окаймлены фризом из параллельных рубчиковых линий с заполнением треугольных вдавлений с кружками внутри треугольников (мотив «волчий зуб»), верхняя часть пластины отделена орнаментальным фризом от основной композиции, которая представлена «рогатым» изображением из нескольких гравированных орнаментальных полос. Нижняя, как и верхняя, часть пластины украшена рисунком типа «молнии». Среди элементов орнамента прослеживаются отдельные вдавленные линии — следы первоначальной разметки композиции. Особенно четко они видны на обратной стороне подвески, где на плоскости схематически повторена основная композиция изображения — линия, отделяющая верхнюю часть пластины и два «рога», спускающиеся вниз. Данное украшение относится к североευропейскому кругу древностей. В свое время Э. Кивикоски картографировала все известные привески подобного типа в количестве 16 экзем-

Илл. 5. Архангельский клад: 1 — витой браслет, 2 — обломок височного кольца «во-
льнского» типа, 3 — фрагмент лунницы, 4 — обломок семилучевого височного кольца

пляров из 11 пунктов: на севере Норвегии — 6, в Швеции — 2, в Финляндии — 3, в Эстонии — 3, на северо-западе Новгородской земли — 1, в бассейне р. Ваги — 1 (Kivikoski 1970, 88—94, Abb. 1). По мнению Кивикоски, топовидные подвески, входящие вклады серебряных вещей, обнаруженных на лопарской территории, изменялись под влиянием образцов, изготовлявшихся на территории Эстонии. По характеру орнаментальных украшений подвеска из клада ближе всего к находкам из клада из Остерботнии, которые также имеют в своем декоре мотивы «рога» (Zachrisson 1984, fig. 52).

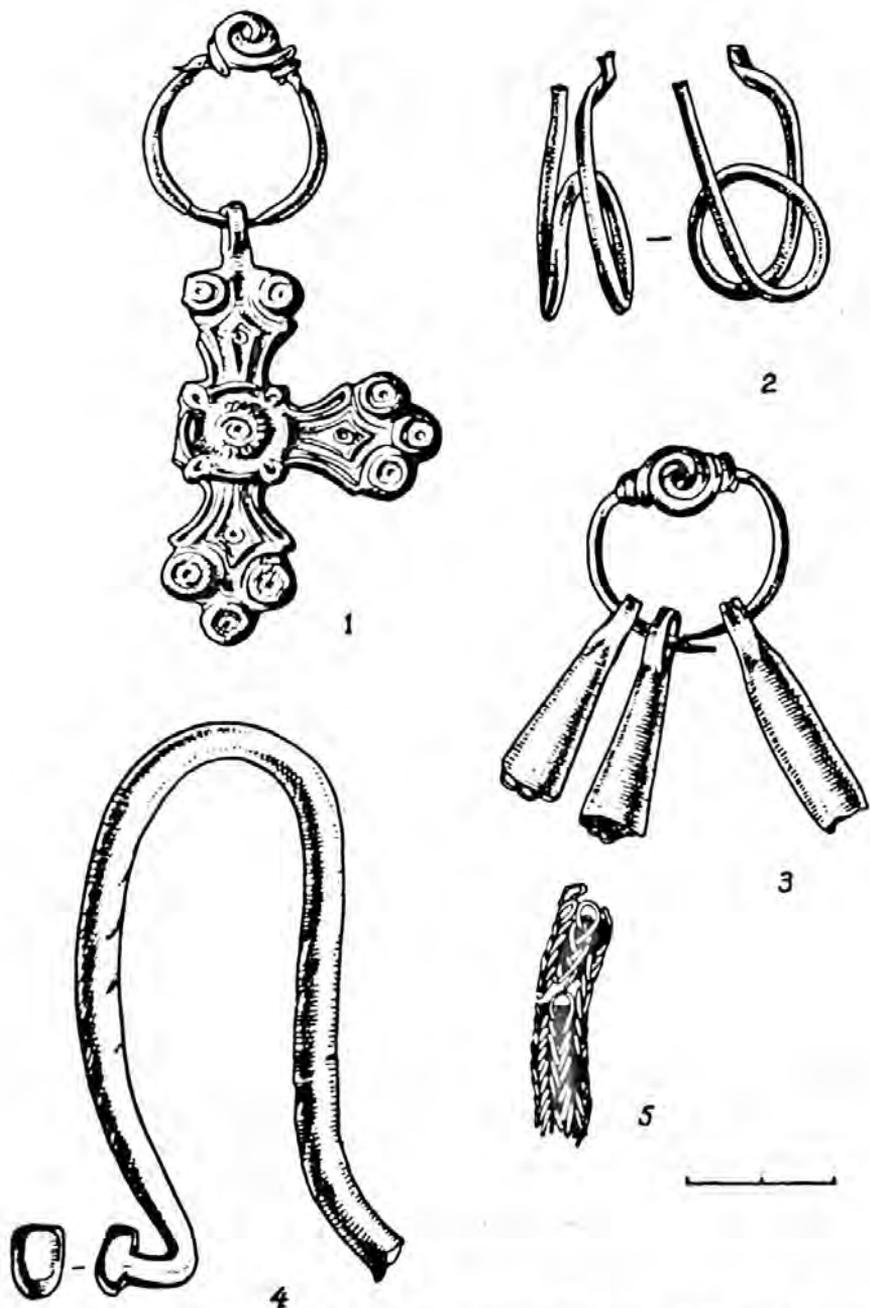
6. Височное кольцо так называемого «вольнского» типа (илл. 5: 2). Серебро. Зернь. Вес подвески — 10,48 г. Сохранилась часть украшения — его «бутылкообразное» тулово имеет высоту 3,7 см, максимальный диаметр 2 см. От верхней части предмета сохранился лишь фрагмент из спаянных рубчатых проволок. Тулово подвески завершается пирамидкой из напаянной крупной зерни, из такой же зерни напаяны блоки-треугольники на всех четырех горизонтальных зонах привески. Каждая из зон отделена двумя рядами рубчатых полосок. Дно привески уплощенное. Подобные находки встречены

в кладах Среднего Поднепровья второй половины X — рубежа X—XI вв. (Толстой, Кондаков 1897, 64, 65, 67, 68, рис. 65—67; Корзухина 1954, табл. VI: 9; VII: 1, 3), в погребении второй половины X в. киевского некрополя (Каргер 1958, 209, табл. XXVIII). Массовое производство подобных ювелирных изделий в IX—XII вв. существовало в болгарских ювелирных мастерских, откуда распространялось в Приуральские и другие северные территории вплоть до Югории (по данным, собранным А. М. Белавиным).

7. Фрагмент семилучевого височного кольца (илл. 5: 4). Серебро. Литье. Сохранился лишь фрагмент украшения с тремя лучами и четырьмя внутренними зубчиками. Ширина фрагмента около 2 см, высота от каплевидного отростка до «зубчиков» — 2,8 см. Вес 1,58 г. Щиток орнаментирован прямоугольными вдавлениями, а центральные лучи имеют орнамент в виде треугольников. Датировка такого типа колец — конец XI в. или рубеж XI—XII вв. (Равдина 1968, 138). Украшение подобно семилучевым височным кольцам радимичей V группы по классификации Е. Н. Шинакова, которые датируются XI—XII вв. (Шинаков 1980, 117, 121, 122, рис. 2; Соловьева 1978, 171—178). До настоящей архангельской находки самым северным из известных было радимичское лучевое височное кольцо, обнаруженное в Новгороде в слое второй половины XII в. (Шинаков 1980, 118, рис. 3; Седова 1981, 10, 12, 13, рис. 2: 2).

8. Фрагмент луницы (илл. 5: 3). Серебро. Скать. Зернь. Ширина сохранившейся части 2,7 см, высота 1,3 см. Вес 4,98 г. Петелька сохранилась также фрагментарно. На плоскость луницы напаяны скандинавские проволочки и треугольники зерни. Толщина пластины луницы приблизительно 0,7 мм. Подобные филигранно-зернистые луницы представлены в основном в кладах X—XI вв. и происходят из районов, расположенных вблизи городских центров Руси (данный тип украшения является продуктом городского ювелирного ремесла), или из местностей, которые находятся вдоль важных торговых магистралей (Корзухина 1954, 23, 64, 65; Успенская 1967, 99—102).

9. Крестообразная подвеска (илл. 6: 1). Серебро. Литье. Подвеска дошла до нас не полностью — обломана одна из ветвей креста. В петельке сохранилось проволочное «переходное» кольцо, закрученное сложным способом. Размеры креста 3,5 × 6,3 см. Вес 17,35 г. Привеска с кружком на перекрестье и тремя кружками на каждом конце относится к тому типу изделий, за которыми в литературе закрепилось название «крестики скандинавского типа», данное им в начале века А. А. Спицыным, рассматривавшим привески как импорт из Скандинавии XI—XII вв. (Спицын 1905, 117). Систематизация подобных находок М. В. Фехнер показала, что они встречаются на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, Северной Европы и Восточной Прибалтики в памятниках второй половины X—XII в. В пределах областей Древней Руси к середине 1960-х гг. было известно более 30 пунктов находок таких предметов. Как отметила Фехнер, хотя трудно решить вопрос, какой русский город являлся их родиной, ясно, что привески не привозились из Скандинавии (Фехнер 1968, 210—214, рис. 1, 2). В. В. Седов, составивший в 1984 г. более полную карту распространения привесок «скандинавского» типа, полагал, что они производились где-то в

Илл. 6. Архангельский клад: 1 — крестообразная подвеска, 2 — кусок серебряной проволоки, 3 — наконечники цепочек на кольце, 4 — обломок гривны, 5 — фрагмент плетеной цепочки

Северной Руси (Sedov 1984, 16, 18, fig. 2). Э. Мугуревич указывал, что в Латвию подобные четырехконечные привески импортировались с русских территорий (Mugurevics 1974, 224, 237). А.-Л. Хирвилуото считает, что такие крестики, широко распространенные в Скандинавии, России и Прибалтике, первоначально появились все-таки у славян, а в XII—XIII вв. изготовлялись на территории Латвии и, может быть, Финляндии (Хирвилуото 1979, 107). На крайнем северо-востоке Европы пока известна лишь одна подобная находка — из жертвенного места на острове Вайгач.

10—15. Три наконечника плетеных цепочек и фрагменты плетеных цепочек (илл. 6: 3, 5). Серебро. Наконечники собраны на серебряном кольце, концы которого закручены своеобразным образом. Длина наконечников: 3,1, 3,2, 3,3 см соответственно, диаметр широкого отверстия около 1 см. Плетеные цепочки «связаны» из тонких проволочек, диаметр каждой около 0,5 мм, диаметр цепочки 0,8 см. Подобные цепочки использовались для крепления различного рода украшений.

16. Кусок серебряной проволоки, свернутый (илл. 6: 2). Диаметр проволоки 2 мм. Вес 4,6 г.

17. Фрагмент гривны, длиной 16 см (илл. 6: 4). Серебро. Вес 34,4 г. Толстая проволока имеет диаметр 6 мм. Представлен один из концов гривны — слегка уплощенный конец имеет своеобразный выступ, который можно рассматривать как одну часть замка.

Результаты количественного спектрального анализа (%)
(Лаборатория ИИМК РАН)

Лабор. шифр.	Название предмета	Ag	Cu	Pb	Zn	Sn	Sb	As	Bi	Am	Fe
544-9	Цепочка плетеная	90	6	3,5	0,16	0,08	0,04	—	0,04	0,045	0,15
544-10	Зернь из лунницы	96,5	3,4	0,03	—	—	—	—	—	0,025	0,07
544-11	Денарий	80	10,5	4,5	4	0,55	0,19	0,2	0,19	0,07	0,18
544-12	Дирхем	83	4,5	7	4,5	0,05	0,13	—	0,13	0,022	0,24
544-14	Фрагмент украшения	95	5	0,25	—	—	—	—	—	0,08	0,02

Заключение В. А. Галибина: судя по результатам анализа (см. таблицу), все образцы сделаны из серебра высокой пробы (77—96,5% Ag). Кроме меди, присутствуют (до нескольких процентов) свинец и цинк. Второй и пятый образцы (украшения) идентичны по составу.

Архангельский клад, как и большинство кладов на территории Древней Руси, неоднороден по своему составу, и его вещевая часть содержит несколько различных «пластов». В первую группу вещей можно выделить обломок семилучевого височного кольца, височное кольцо так называемого «вольнского» типа и фрагмент лунницы. Эти вещи тесно связаны с древнерусской художественной и ремесленной традициями и относятся ко времени XI—XII вв. Витой серебряный браслет с припаянными для вставки шитками как бы замыкает эту группу украшений в хронологическом отношении.

К этой же группе ювелирных изделий относится часть металлического «лома»: свернутая кольцами тонкая серебряная проволока и фрагмент изделия, вероятнее всего, часть проволочной гривны с «замком».

Вторая группа вещевых находок имеет несколько иную историко-культурную ориентацию. Она связана с северо-западными и северными территориями: крестообразная подвеска, фрагменты плетеных цепочек и наконечники от таких цепочек, топорovidная подвеска. Несколько обособленно стоят две вещи — пара подвесок подтреугольной формы с тремя большими петельными изгибами. Подвески имеют восточнофинское происхождение.

Подводя некоторые итоги исследования вещевой части Архангельского клада, мы можем определить время изготовления предметов, входящих в него, XI — началом XIII в. Учитывая состав монетной части клада, наиболее вероятным временем его сокрытия является конец первой четверти XII в.

Несомненно, Архангельский клад — «сокровище» из серебра — является выдающимся историко-культурным памятником северного средневековья, который может быть рассмотрен исключительно в контексте истории арктических регионов Северной и Восточной Европы. Есть все основания рассматривать архангельскую находку как самый северный древнерусский клад. Налицо все основные характерные черты памятника именно такого типа: наличие монетной части, состоящей из куфических и западноевропейских монет, наличие вещевой части клада, в которую, наряду с целыми предметами, входят и фрагменты преднамеренно разломанных украшений — лом драгоценных металлов. Именно эти черты Г. Ф. Корзухина отмечала как характерные для древнерусских кладов, зарытых в новгородской земле (Корзухина 1954, 98—99), и это главное отличие последних от скандинавских кладов, которые, как и архангельская находка, не сомненно, связаны с меховой торговлей на Севере, но в своем составе никогда не имели лома драгоценных металлов и вещей, которые уже давно вышли из практического использования (Zachrisson 1984, 98—106). Наличие в составе Архангельского клада вещей, происхождение которых связано с довольно отдаленными друг от друга областями, свидетельствует о том, что на широкой полосе северных территорий, примыкавших к Ледовитому океану, коренные обитатели которых были связаны с «производством» пушиного товара, имели хождение железные изделия и бронзовые украшения, производство которых осуществлялось преимущественно в ремесленных центрах Северо-Западной Руси, и одновременно в руках отдельных наиболее богатых купцов скапливались «сокровища», подобные Архангельскому кладу.

Несколько слов о районе находки клада. Несомненно, что северная часть Нижнего Подвижья начиная от самой дельты Северной Двины и до района современных Холмогор включительно сыграла особую роль как в освоении русским населением Подвижья, так и земель крайнего Северо-Востока и приполярных районов Западной Сибири. Здесь заканчивались военные и торговые дороги из новгородских и ростово-суздальских земель и начинались новые пути — в печорские тундры, за Северный Урал. Вполне естественно пред-

полагать, что в этом районе будущего Поморского Севера в первую очередь стало появляться русское постоянное население (илл. 1). Находка в 1990 г. в Новгороде берестяной грамоты № 724 однозначно подтверждает факт наличия княжеских поселенцев в северных владениях Новгорода во второй половине XII в. (Янин 1993, 117—119). Новгородские административно-фискальные пункты этого времени ориентировались на системы расселения местного населения. Весьма симптоматично, что рассматриваемый клад найден на речке Вихтуй. Дело в том, что пункт «у Вихтоуя» упомянут в перечне погостов князя Святослава Ольговича 1137 г. (Уставы 1976, 148). А. Н. Насонов полагал, что речь шла о д. Вихтово на р. Пинеге (Насонов 1951, 105). По мнению А. М. Спиридонова, Вихтуй — это имя местного чудского старейшины (Спиридонов 1989, 19). Однако находка клада на р. Вихтуй, притоке р. Тойнокурьи, определенно свидетельствует о локализации пункта (Устав 1137 г.) именно здесь. Можно предполагать, что в группу нижнедвинских погостов входили Иван погост, «на Ракуле», «на Спиркове», «у Вихтоуя» (Уставы 1976, 148).

Административный и военный центр Нижнего Подвижья в XII—XV вв. находился на Холмогорах, но поселенческие структуры активно развивались и в самой дельте Северной Двины. Например, в 1419 г., когда в устье Двины «пришедши Мурмане воиною в 500 человек с моря, в бусах и в шнеках», то непосредственно в двинской дельте они сожгли Николо-Корельский монастырь, Конечный погост, Яковло курью, Ондrejaнов берег, Киг-остров, Кяр-остров, Михайло-Архангельский монастырь, Цигломень, Хецнему (Новгородская IV летопись 1848, 426). Михайло-Архангельский монастырь, давший впоследствии имя Архангельску, был основан в конце XIV в. (Андреев 1988, 68). Северную часть Подвижья историческая традиция начиная с конца I в. упорно связывала с Биармией (свод литературы см.: Джаксон 1988, 58—67). Таким образом, симптоматично, что именно в районе Нижнего Подвижья был найден Архангельский клад — по существу, первый древнерусский памятник II в. в Северном Поморье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, В. Ф. 1988: О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // *Культура Русского Севера*, 67—70. Л.
2. Даркевич, В. П., Монгайт, А. Л. 1978: Клад из Старой Рязани. М.
3. Джаксон, Т. Н. 1988: Русский Север в древнескандинавских сагах // *Культура Русского Севера*, 58—67. Л.
4. Каргер, М. К. 1958: Древний Киев. Т. 1. М.; Л.
5. Корзухина, Г. Ф. 1954: Русские клады IX—XIII вв. М.; Л.
6. Назаренко, В. А., Овсянников, О. В., Рябинин, Е. А. 1984: Средневековые памятники Чуди Заволочской // *СА* 4, 197—216.
7. Насонов, А. Н. 1951: «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.
8. Новгородская IV летопись 1848 // Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб.
9. Овсянников, О. В. 1984: Разведки в Архангельской и Мурманской областях // *Археологические открытия 1982 года*, 25—26. М.

10. Овсянников, О. В. 1985: Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР, 84—88. Л.
11. Овсянников, О. В., Рябинин, Е. А. 1989: Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА 2, 197—216.
12. Радына, Т. В. 1968: Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь, 136—142. М.
13. Савельева, Э. А. 1987: Вымские могильники XI—XIV вв. Л.
14. Седова, М. В. 1981: Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.
15. Соловьева, Г. Ф. 1978: Семилучевые височные кольца // Древняя Русь и славяне. М.
16. Спиридонов, А. М. 1989: Локализация пунктов Устава Святослава Ольговича 1137 г. и становление погостов в Прионежье и Заволочье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 198, 16—21.
17. Спицын, А. А. 1905: Владимирские курганы // Известия Археологической комиссии 15. СПб.
18. Толстой, И. И., Кондаков, Н. П. 1897: Русские древности в памятниках искусства 5. СПб.
19. Успенская, А. В. 1967: Нагрудные и поясные привески // Труды Государственного исторического музея 43. М.
20. Уставы 1976: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. / Ред. Л. В. Черепнин. М.
21. Фехнер, М. В. 1968: Крестовидные подвески «скандинавского типа» // Славяне и Русь, 210—215. М.
22. Хирвилуото, А. Л. 1979: Связи между Финляндией и районом Рижского залива в эпоху викингов и крестовых походов // Финно-угры и славяне. Л.
23. Шинаков, Е. А. 1980: Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА 3, 117, 121—122.
24. Янин, В. Л. 1993: Новгородские берестяные грамоты Михаило-Архангельского раскопа (1990 г.) // Археологические вести 2, 114—121.
25. Kivikoski, E. 1970: Zu den Axtförmigen Anhängern der jungsten Eisenzeit // Studia archaeologica in memoriam Harii Moora, 88—94. Tallinn.
26. Mugurevics, E. 1974: Krustinveida pickarini Latvija laika no 11. līdz 15. gs. // Arheoloģija in Etnografija XI, 220—236. Riga.
27. Nosov, E. N., Ovsyannikov, O. V., Potin V. M. 1992: The Arkhangelsk Hoard // Fennoscandia archaeologica IX, 3—21. Helsinki.
28. Ovsyannikov, O. V. 1984: On Trade Routes to Zavolochye in the 11th—14th Centuries // Fennou-Ugri et Slavi 1983 / ISKOS 4, 98—106. Helsinki.
29. Sedov, V. V. 1984: Russia and Southern Finland: (Finds of Old Russian Origin in Finland) // Ibid., 16—25. Helsinki.
30. Zachrisson, I. 1984: De samiska metalldepacma ar 1000—1350: Ijuset av fundet fram Mortträsket. Lappland. Umea.

ZUR GESCHICHTE DER VEGETATION BEIM BURGWALL DER LADOGABURG

1. Einleitung

Für die Ladogaburg besteht schon seit dem 18. Jahrhundert ein ein starkes archäologisches Interesse. In den letzten Jahren sind Ausgrabungen in dem sog. Burgwallgebiet vorgenommen worden, seit dem Jahr 1984 an dem nördlichen Ende der Burgwälle in der Nähe des Ladoshka-Flusses. In diesem Gebiet wurde in Jahr 1991 ein interessanter Fund gemacht: das untersuchte Gebiet teilte sich in etwa sieben Meter breite Erdstreifen, zwischen denen es 1,5 Meter breite Gräben gab. Im Gebiet befanden sich Überbleibsel von Ufersiedlungen aus dem 9. und 10. Jahrhundert und von einer Schmiede sowie u. a. einer Stelle für die Verarbeitung von Fisch (Kirpichnikov & Nazarenko 1992; 1993).

An der betreffenden Ausgrabungsstelle ist eine Grube bis zum Grundwasser gegraben worden. An den Wänden der Grube sind die Ablagerungen der Kulturschicht bis zu den Schichtungen des 9. Jahrhunderts zu sehen. Im Juli 1993 wurden aus der östlichen Wand Proben genommen, mit deren Hilfe die mikrofossilen Pflanzenreste bei den zwei untersten Horizonten (E und D) untersucht wurden. Das untersuchte Material berichtet von der Vegetation in Ladoga im 9. und 10. Jahrhundert.

Berichte zur Vegetation im Gebiet des Burgwalls Ladoga haben früher Petrov (1945), Ravdonikas (1950) und Kiryanov (1959) herausgegeben. Der Zweck dieser Untersuchung ist die Vegetation am Rande des Burgwallgebiets darzustellen: was die Vegetation über die Beschaffenheit und die Verwendung des Platzes sowie über die Umwelt im 9. und 10. Jahrhundert erkennen läßt. Als Hypothese für die Untersuchung wurde angenommen, daß der Einfluß des Wassers und die Besiedlung sich in den Pflanzenarten widerspiegeln.

2. Staraja Ladoga

Staraja Ladoga, das Aldeigjuborg der Wikinger, liegt etwa 13 km vom Ufer des Ladogasees entfernt. Die steinerne Ladogaburg erhebt sich dort an der Vereinigungsstelle des Olhavaflusses und des kleinen Ladoshkaflusses.

Am Olhavafluß gibt es weitgehend trockene Hangwiesen, auf denen u. a. Gelbes Labkraut (*Galium verum*) und Gemeiner Dost (*Origanum vulgare*) geblühen. Dicht am Ufer gibt es üppige Flußauen. In der Umgebung der Burg wachsen Arten, die für alte Siedlungen typisch sind, u. a. Schwarzes Bilsenkraut (*Hyoscyamus niger*) und Gemeiner Löwenschwanz (*Leonurus cardiaca*). Waldinseln und Acker gibt es hier und da. Südlich

der steinernen Festung liegt das Gebiet, das als Burgwall bezeichnet wird. Es wird jetzt von einer dichten, hochgrasigen Wiesenflora bedeckt.

Im Burgwallgebiet gibt es Spuren von einer Besiedelung schon seit dem 8. Jahrhundert. Die Wälle und die Wallgräben stammen aus der Zeit von Iwan dem Schrecklichen, aus den Jahren 1585—1586. Während dieser Jahre wurde viel Erde an die Stelle gebracht und das später aufgelöste Bastionssystem geschaffen (Kirpichnikov 1984). Beim Bau des Walles wurde der obere Teil der Kulturschicht stellenweise gestört. Am besten sind die Ablagerungen vom 8. bis 11. Jahrhundert erhalten geblieben (u. a. Uino 1988).

Im Gebiet des Flusses Olhavanjoki bis zum Swir entstand in der Wikingerzeit ein blühender Kulturkreis. Ein Beweis hierfür sind die an den Flußufern liegenden zahlreichen Begräbnisplätze. Staraja Ladoga, bis zum Jahr 1704 Ladoga, ist schon im 8. Jahrhundert gegründet worden. Die günstige Lage und die Errichtung der ersten hölzernen Festung in den 60er Jahren des 9. Jahrhunderts gaben die erforderlichen Voraussetzungen für die Entstehung einer städtischen Gesellschaft. Ladoga entwickelte sich zu einem internationalen Handelshafen und zu einer Zwischenstation für Skandinavien auf dem Weg von der Warägerwelt in die griechische und arabische Welt (Kirpichnikov & Nazarenko 1993; Uino 1988).

In Ladoga gab es ohne Zweifel schon von der Mitte des 8. Jahrhunderts an spezialisierte Produktion und organisierten Handel. Aufgrund des Fundguts scheint es, daß es in Ladoga außer Kaufleuten zweierlei Arbeiter gab: Handwerker und Schmiede. Bronze- und Knochenprodukte, Glasperlen, Werkzeuge des Feinmetallschmiedes sowie Leder- und Textilfundgut sind Beispiele für diese Tätigkeit (u. a. Barker & Gamble 1985; Uino 1988). In den folgenden Jahrhunderten nahmen die Heimindustrie und der Handel in Ladoga eine stärkere Stellung ein. Die Produktion wuchs und das Niveau der Produkte stieg (Davidan 1982).

In der Umgebung von Ladoga wurde auch Ackerbau getrieben. Der ist aber während der Wikingerzeit relativ gering gewesen; die Gründe hierfür sind möglicherweise die ungünstigen Witterungsverhältnisse und die Eigenschaften des Erdbodens (Kirpichnikov & Nazarenko 1993). Die bei den Ausgrabungen entdeckten, zur Bodenbearbeitung benutzten Werkzeuge sowie die bei den Forschungen belegten Samen von Getreidearten sind jedenfalls ein Hinweis auf die Anbautätigkeit. Die große Anzahl von Haustierknochen und die für Kühe oder Pferde bestimmten Bauten zeugen von Viehzucht (Petrov 1945).

3. Forschungsmaterial

Die Fundstelle lag am südöstlichen Ende des archäologischen Forschungsgebiets des Jahres 1993 auf der von 1984 bis 1991 angelegten Burgwallgrabung (Bild 1). Sie war bis zum Grundwasser gegraben worden und unterschied sich dadurch von dem sonstigen Ausgrabungsgebiet. Die Tiefe der Entnahmestelle war 5 Meter; der obere Rand dabei war etwas unbestimmt. An der Wand der Grube waren die Ablagerungen der Kulturschichten zu sehen. Eine Stratigraphie war unten deutlich zu

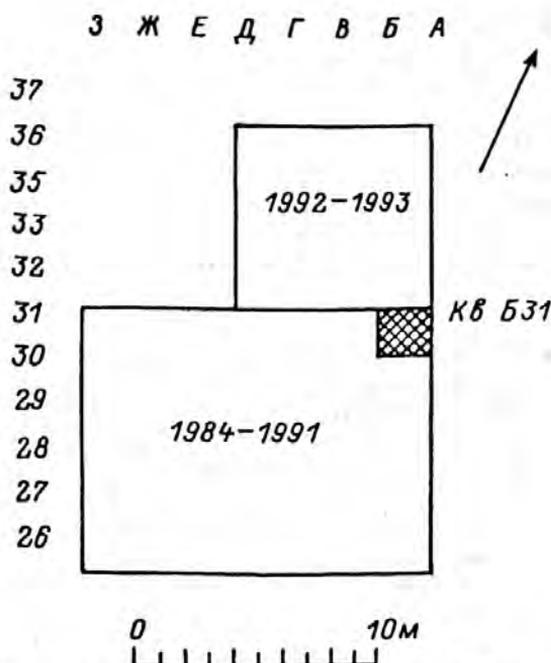

Bild 1. Staraja Ladoga. Die Ausgrabungen im Burgwallbereich und die Probenentnahmestelle. (Nach A. N. Kirpichnikov (1994))

sehen, aber oben befand sich gemischtes Gut, u. a. Material von den Wällen aus der Zeit Iwans des Schrecklichen.

3.1. Profil

Die Kulturschicht des Burgwalles teilt sich nach V. I. Ravdonikas (s. Uino 1986; 1988) in die sechs Horizonte A, B, V, G, D und E. Der unterste Horizont wird von ihm noch in drei Mikrohorizonte eingeteilt: E1, E2 und E3. A. N. Kirpichnikov unterscheidet wenigstens die Horizonte G, D und E an der Entnahmestelle (s. Bild 2). Das Probenmaterial des E-Horizonts enthält viel Kohle, die aus dem 9. Jahrhundert stammt. In dem D-Horizont gibt es Spuren von wenigstens zwei Feuersbrünsten aus der zweiten Hälfte des 10. Jahrhunderts (A. Kirpichnikov, persönliche Angabe, März 1994).

Makrofossilproben wurden allen Horizonten als aufeinander liegendes Profil entnommen (s. Bild 2), aber in dieser Untersuchung geht es nur um die Untersuchungsergebnisse von den zwei untersten Horizonten mit den 335—500 sm von der Oberfläche gerechneten Tiefen. Die Ablagerungen vertreten also den Zeitraum vom 9. bis zum 11. Jahrhundert. Den Horizonten E und D wurden zwölf Bodenproben zu je etwa neun Liter, d. h. insgesamt etwa 100 Liter Proben entnommen. Die Proben wurden nach den Entnahmestellen mit den römischen Ziffern I—VII nummeriert. Wegen Holzstücke und Kohlenlagerungen überschnitten sich die

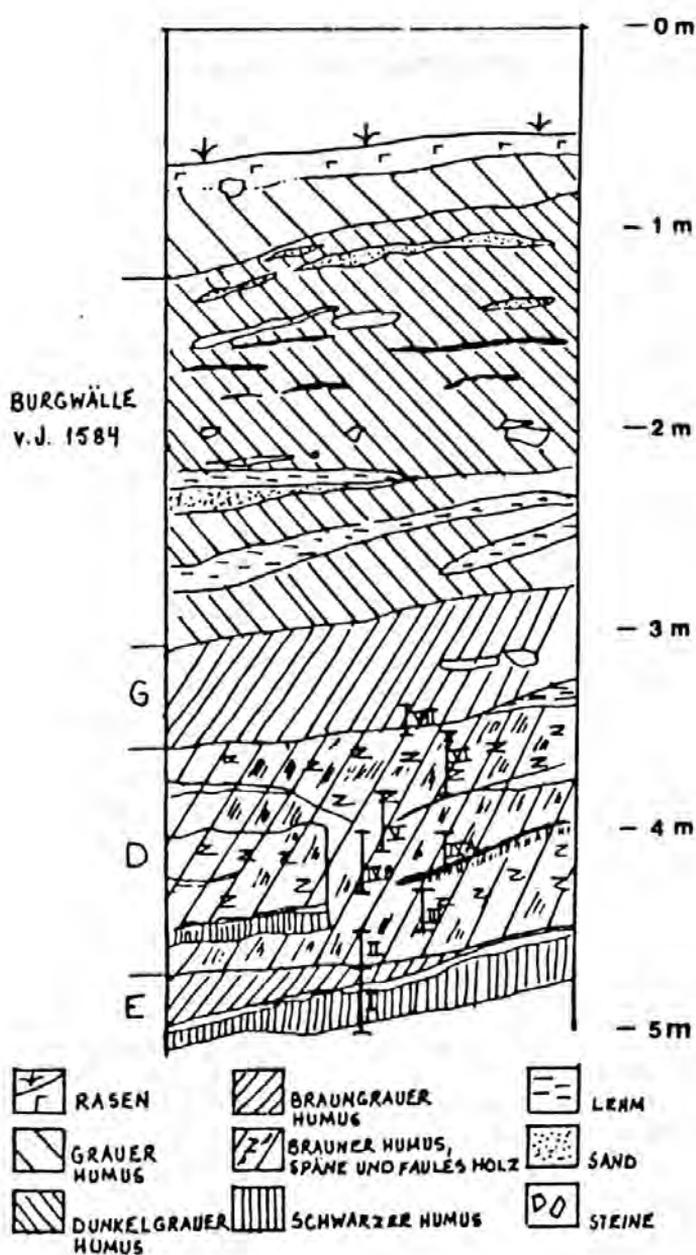

Bild 2. Staraja Ladoga. Die Stratigraphie der Probeentnahmestelle (Nach A. N. Kirpichnikov (1994))

Proben teilweise (Bild 2). Insgesamt neun Pollenproben wurden an der jetzt untersuchten Stelle für spätere Analysen entnommen.

4. Methoden

4.1. Feldarbeit

Die Probeentnahme wurde bei der archäologischen Ausgrabung in Staraja Ladoga 18. — 30.7.1993 vorgenommen. Die Bodenproben wurden mit Hilfe einer Schaufel oder sehr oft auch mit einer Spachtel der östlichen Wand der Grabung entnommen. Als Gefäß bei der Entnahme wurde ein 10 Liter-Eimer verwendet, wobei die Probe 9 Liter betrug. An den Stellen I, II, VI und VII wurde eine doppelte Menge Material entnommen, was bei den Ergebnissen berücksichtigt worden ist. Das Probematerial wurde entweder in einem Eimer oder in einem Plastikbeutel aufbewahrt. Jede Probe erhielt eine Markierung über die Probeentnahmestelle und das Datum.

Die Bodenproben wurden mit einem Sieb von 8—10 mm Maschenweite gesiebt, Steine und Keramikstücke wurden ausgelesen. Das Probematerial konnte in einer gesättigten Salzlösung schwimmen (Nunez & Vuorela 1976). Anschließend wurde es vorsichtig in ein aus einem großen Kessel hergestelltes Sieb umgegossen, dessen Boden durch ein Siebnetz mit der Maschenweite von 0,25 mm ersetzt wurde. Die Probe wurde umgerührt und geschüttelt, damit die Pflanzenreste nicht mit den Bodenkörnchen nach unten sinken. Das zur Aufbereitung verwendete Sieb befand sich in einem flachen, mit Lösung gefüllten 15-Liter-Gefäß, in dem das Wasser durch das Sieb mit der Probe in Berührung kam. Das an die Oberfläche gestiegene organische Material wurde mit Sieben abgeschöpft, deren kleinste Maschenweite 0,25 mm war. Die gesammelten Belege wurden in Minigrip-Beuteln von 0,25 Liter aufbewahrt, die wie die Probe markiert wurden. Als Flüssigkeit für die Aufbewahrung wurde sauberes Salzwasser hinzugegossen.

Die Idee beim Schwimmenlassen des Probematerials (u. a. Pearsall 1989) ist es, die Dichteunterschiede zwischen der organischen und anorganischen Substanz zu benutzen. Durch das Salz wird das Schwimmvermögen auf dem Wasser verbessert. Die organischen Pflanzenreste werden von den Bodenteilchen getrennt und steigen an die Oberfläche des Wassers. Auch der größte Teil des verkohlten Materials steigt nach oben, und gleichzeitig dient die Salzlösung als Konservierungsmittel (Aalto 1982).

Ein Vorteil im Vergleich zu der von Nunez und Vuorela (1976) verwendeten Methode ist, daß die Salzlösung eine längere Zeit verwendbar bleibt. Die Proben der ganzen Ablagerung kann man mit demselben Wasser aufbereiten, weil die Tragfähigkeit des Wassers lange erhalten bleibt. Weil die Behandlung der Proben unkompliziert ist und die Werkzeuge einfach sind, geht eine derartige Aufbereitung des Probematerial auch im Gelände leicht vonstatten.

4.2. Laborarbeiten

Das Fundgut des E-Horizonts war naß und schlecht schwimmend, so daß ein Teil davon auf der Grabung nicht mit Wasser aufbereitet wurde. Für die Entnahme wurde im Labor die HNO_3 -Behandlung verwendet (Backman 1964). Auch ein kleiner Teil von den Proben II und IVb wurde im Labor in einer gesättigten NaCl -Lösung aufbereitet.

4.2.1. Behandlung mit HNO_3

Eine Probe von durchschnittlich einem Liter wurde in ein Dekantierglas aus Kunststoff eingelegt. Die Probe wurde mit dreißigprozentiger Salpetersäure bedeckt. Der Zweck war, die Probe aufzulockern, die Pflanzenreste aus Humus und feinem organischem Stoff herauszulösen. Etwa nach drei Stunden wurde der Probe Wasser zugesetzt, wodurch die Salpetersäure etwa zehnprozentig wurde. Nach 24 Stunden wurde die Probe mit Hilfe fließenden Wassers gespült (Backman 1964).

Bei der Spülungsphase wurde ein 25-Liter-Kübel verwendet, in den Wasser durch einen an der Seitenwand befestigten Schlauch eingegossen wurde. Durch einen Schlauch an der Oberkante des Kübels konnte das Wasser ausfließen. Das Wasser war die ganze Zeit in fließender Bewegung. Das ausfließende Wasser wurde durch zwei Siebe mit Maschenweiten 2 mm und 0,25 mm geleitet.

Die Probe wurde in den oberen Teil des Kübels gegossen, wo die Maschenweiten der Siebe 2 mm und 0,5 mm waren. In diesen Sieben verblieb der größte Teil des Materials. Der fein zerkleinerte Stoff wurde mit dem Wasser weitergeleitet: der anorganische Stoff sank nach unten und das schwimmende Material floß mit dem Abwasser durch einen anderen Siebsatz. Das Wasser konnte durch die Siebe fließen, bis es klar war und der Geruch der Säure verschwunden war. Das in den Sieben befindliche Material wurde in Plastikbeuteln aufbewahrt, aus denen es später analysiert wurde.

4.2.2. Mikroskoparbeit

Als Mikroskop wurde ein Wild M3B-Stercomikroskop benutzt. Das auf die Petrischale gelegte Material wurde mit Hilfe eines Pinsels und mit Pinzetten untersucht, und die Samen sowie die Pflanzenreste wurden aufgehoben. Sie wurden in einer Äthanol-Glyzerol-Thymol-Flüssigkeit aufbewahrt. Danach wurde das gesammelte Material aufgrund von Literatur und rezenten Samen- und Pflanzenmaterialproben bestimmt. Für die Bestimmung von verkohlten Getreidekörnern war Marjatta Aalto zuständig und für die sonstigen Pflanzenreste Hanna Heinäjoki. Beim Namenverzeichnis wurde die Klassifikation von Hämet-Ahti u. a. (1986) berücksichtigt.

5. Ergebnisse

5.1. ¹⁴C-Datierung

Neben der Entnahmestelle III im D-Horizont befand sich ein Holzstück, aufgrund dessen die Radiokarbon-Datierung vorgenommen wurde.

Tiefe von der Oberfläche (cm)	Lab. Nr.	Alter (BP)
430—450	Hel-3395	119090 ± 90

Das Holz war in schlechtem Zustand, darunter lag viel Birkenrinde. Es wurde angenommen, daß es ein Teil von einer Brücke gewesen war, über die dendrochronologische Zeitbestimmungen angestellt worden sind. Der Zeitpunkt des Abholzens war der Dendrochronologie zufolge ungefähr das Jahr 936 (Probe Nr. 399; O. Bokulavskj, persönliche Aussage, Juli 1993).

5.2. Erhalten von Pflanzenresten

An Samen und anderen Pflanzendiasporen wurden im untersuchten Gebiet insgesamt 7200 gefunden. Die Anzahl ist nicht besonders groß, wenn man die Entnahmegröße, 100 Liter, beachtet.

Der größte Teil von den gefundenen Diasporen war unverkohlt. An der Entnahmestelle IVa wurden reichlich verkohlte Hopfenbelege (*Humulus lupulus*) gefunden. Verkohlte Pflanzenreste gab es auch an anderen Entnahmestellen, am meisten an der Stelle VII. Die unverkohlten Samen liegen im Boden unauflöslich erhalten nur in einer feuchten und sauerstofffreien oder in einer völlig wasserfreien Ablagerung sowie auch in einer Lösung mit hoher Ionenkonzentration. Die verkohlten Pflanzenreste stellen keine speziellen Bedingungen, um erhalten zu bleiben (Willerdig 1991). Der Boden in Staraja Ladoga ist saurer Podsol, der für die Erhaltung nicht besonders günstig ist. Andererseits ist der Boden jedoch fest und feucht, so daß sauerstofffreie Zustände möglich sind.

Die gezüchteten Pflanzen und Unkräuter wachsen natürlich in bewohnten Gebieten, und darum werden sie oft durch den Einfluß der menschlichen Maßnahmen verkohlt. Entsprechend erscheinen Naturpflanzen meist unverkohlt. Sie sind wichtige ökologische Indikatoren. Ein unverkohlt Material ist notwendig, wenn man die ehemalige Umwelt zuverlässig rekonstruieren will (Behre & Jacomet 1991).

5.3. E-Horizont (ca. 9. Jahrhundert)

Bei den Pflanzenbelegen des Horizonts kamen die Himbeere (*Rubus idaeus*), Gänsefußgewächse (*Chenopodiaceae*), der Traubenholunder (*Sambucus racemosa*), Birken (*Betula* sp.) und Weiden (*Salix* sp.) vor. Verkohlte Gerste (*Hordeum vulgare* var. *vulgare*) und Hafex (*Avena Sativa*) wurden in diesem Horizont gefunden. Dazu wurden aus dem Probematerial reichlich Reste von geophilen Pilzen (*Cenococcum geophilum*) belegt. Sie kommen im allgemeinen in sauren Humus sowohl in Wäldern als auch in angebauten Gebieten vor (Jensen 1979).

Alle betreffenden Pflanzen wachsen gut auf offenen Plätzen, an Ackerrainen und auf Felsen. Besonders die Himbeere und die Gänsefußgewächse gedeihen an den Hauswänden und an den von Menschen benutzten und beeinflussten Stellen (Linkola 1916). Die Birken sind oft Pionierbäume und wachsen u. a. an feuchten Stellen sowie am Rand der Wege und Äcker. Die Weiden gedeihen am besten an feuchten Stellen. Die Gerste ist allem Anschein nach an den Ort gebracht worden; sie ist verkohlt und deutet auf menschliche Maßnahmen hin.

Zu den Kulturpflanzen können viele in der Entnahme einzeln auftretende Arten gezählt werden. Belege wie Große Nessel (*Urtica dioica*), Kleine Brennessel (*Urtica urens*), Gemeines Hirtentäschel (*Capsella bursa-pastoris*), Gemeines Knäuelgras (*Dactylis glomerata*) und Weiße Lichtnelke (*Silene cf. latifolia*) sind Indikatoren für eine potentielle Siedlung. Der Vogel-Knöterich (*Polygonum aviculare*), der Große Wegerich (*Plantago major*), die Rispengräser (*Poa* sp.) und das Gänse-Fingerkraut (*Potentilla anserina*) sind bezeichnende Arten auf häufig betretenen Plätzen (Linkola 1916).

Für die Strandufer typische Arten sind der Wiesen-Kerbel (*Anthriscus sylvestris*), viele Schmetterlingsblütler (*Fabaceae*) und die Sumpfkatzdistel (*Cirsium cf. palustre*). Außerdem sind charakteristisch die oben erwähnten Rispengräser und das Gemeine Knäuelgras (Greig 1983, 1988; Lambrick & Robinson 1988).

Von Natur aus wachsen an Ufern und Gräben u. a. die Arten Nickender Zweizahn (*Bidens cernua*), Sumpf-Veilchen (*Viola palustris*), Pfeilkrauter (*Sagittaria* sp.) und Kleiner Knöterich (*Polygonum minus*). Zu den oft u. a. an Bootslandstellen übertragenen Kulturfolgern zählen im untersuchten Horizont außer den Arten Vogel-Knöterich und Großer Wegerich auch der Hühnerdarm (*Stellaria media*), der Löwenzahn (*Taraxacum* sp.) und das Gemeine Hirtentäschel (Linkola 1916).

5.4. D-Horizont (ca. 10. Jahrhundert)

Im Vergleich zum E-Horizont treten im D-Horizont bedeutend mehr Arten auf. Es wird angenommen, daß dieser Horizont die Ablagerungen des alltäglichen Lebens vom 10. Jahrhundert vertritt (V. Nazarenko, persönliche Angabe, Juli 1993).

An Nutzpflanzen kamen in den ältesten Teilen des Horizonts zum Vorschein: Hanf (*Cannabis sativa*), Nüsse von Gemeiner Haselnuß (*Corylus avellana*), sehr reichlich Hopfen (*Humulus lupulus*), Echte Hirse (*Panicum miliaceum*) sowie einige Fragmente von Samengehäusen des Flachses (*Linum usitatissimum*). Die Belege der Heidelbeere (*Vaccinium myrtillus*) und der Preiselbeere (*Vaccinium vitis-idaea*) stammten überwiegend aus den ältesten Teilen des D-Horizonts. Die verkohlten Körner der Gerste (*Hordeum vulgare* var. *vulgare*) wurden an den jüngsten, aber auch an den ältesten Entnahmestellen angetroffen. Andere im D-Horizont vorkommende Getreidearten waren der Hafer (*Avena* sp.), der Roggen (*Secale cereale*) und der Weizen (*Triticum aestivum* coll., *Triticum dicoccum*). Außer *Triticum dicoccum* erschienen die anderen Körner vorwiegend in den jüngsten Teilen des Horizonts.

Von den Strandpflanzen kamen Riedgräser (*Carex* sp.), Simsen (*Juncus* sp.), Hainsimsen (*Luzula* sp.) und die Waldbinse (*Scirpus sylvaticus*) vor. Die Arten Kriechender Hahnenfuß (*Ranunculus repens*), Giftahnenfuß (*Ranunculus sceleratus*) und Mädesüß (*Filipendula ulmaria*) waren auch relativ reichlich vertreten (vgl. Lambrick & Robinson 1988).

Das Bild von der Vegetation der Strandwiesen erweitert sich, wenn man andere in dem Horizont bevorzugt auftretende Belegarten betrachtet. Zu den eine Wiese indizierenden Belegen zählen nach Greig (1983; 1988) die Arten Wiesen-Kerbel (*Anthriscus sylvestris*), Kleine Brunelle (*Prunella vulgaris*), Scharfer Hahnenfuß (*Ranunculus acris*), Gras-Sternmiere (*Stellaria graminea*), Gemeines Hornkraut (*Cerastium fontanum*) und Löwenzahn (*Taraxacum* sp.). Nach Linkola (1916) sind durch Heu und Mist transportierte Arten u. a. der Winder-Knöterich (*Fallopia convolvulus*), der Vogel-Knöterich (*Polygonum aviculare*), der Hühnerdarm (*Stellaria media*), Gewöhnlicher Hohlzahn (*Galeopsis tetrahit*) und Gemeines Leimkraut (*Silene vulgaris*).

Im älteren Teil des Horizonts war der Anteil der Bäume bemerkenswert. Die Eberesche (*Sorbus aucubaria*) kommt beinahe ausschließlich an der Entnahmestelle II vor. Ebenso waren die Traubenkirsche (*Prunus padus*), die Espe (*Populus* cf. *tremula*), die Fichte (*Picea abies*), die Birke (*Betula* sp.), der Faulbaum (*Rhamnus frangula*) und der Trauben-Holunder (*Sambucus racemosa*) hauptsächlich am Anfang des 10. Jahrhunderts abgelagert.

In den jüngsten Teilen des Horizonts wurde die Belegdichte der Pflanzenreste geringer und die Artenzahl kleiner. Größere Veränderungen sind erkenntlich in das Vervielfachung der Anzahl der Arten Himbeere (*Rubus idaeus*), Große Brennnessel (*Urtica dioica*) und Riedgräser (*Carex* sp.) an den Entnahmestellen VI und VII. Die kleine Brennnessel (*Urtica urens*) trat vorwiegend an den mittleren Entnahmestellen auf. Die große Anzahl der Nessel weist auf die Nähe einer Siedlung hin. Die Waldbinse (*Scirpus sylvaticus*) kam konzentriert in den ältesten und jüngsten Teilen des Horizonts zutage, an der mittleren Entnahmestelle fehlten die Befunde. An der Entnahmestelle VII vergrößerte sich die Anzahl der Arten Gelbe Wiesenraute (*Thalicttrum flavum*) und Glänzende Wiesenraute (*Thalicttrum lucidum*) sowie Gewöhnlicher Froschlöffel (*Alisma plantago-aquatica*) erheblich. An der Entnahmestelle VII kamen si viel verfaultes Holz und auch verkohlte Pflanzenreste zutage, daß der Einfluß von menschlichen Maßnahmen nachweisbar ist. Die Moose kommen vorwiegend an den Stellen II, III und IVb vor. Ein interessanter Ankömmling ist die Art Niederliegendes Fingerkraut (*Potentilla anglica*), dessen Samen auf dem Niveau IVb zu finden waren.

In den Tierresten verringerte sich die Anzahl der Insekten (*Insecta*), ebenso die Menge der Eiergehäuse von Regenwürmern (*Oligochaeta*). An Fischschuppen (*Osteichthyes*) traten die meisten an der Entnahmestelle II auf, aber sie waren auch beinahe in jeder Probe vorhanden.

6. Betrachtung der Ergebnisse

Die Ergebnisse der Untersuchung gründen sich auf 1/42 der Fläche bei der Ausgrabung der Jahre 1984—1991. Die Vegetation der Ufer

kann an verschiedenen Stellen des Ausgrabungsgebiets sehr unterschiedlich zusammengesetzt sein; die Kulturschichten werden in der Nähe des Randgebiets dünner und mit den Wasser-sedimenten können Mischungen entstehen (Behre & Jacomet 1991). Die Ergebnisse sind somit nur hinweisend. Auch Petrov (1945) betont, daß eine gelegentliche Entnahme aus einer Kulturschicht nicht genügend über die wesentlichen Arten erkennen läßt.

Nach Willerding (1986, 1991) kann die Pflanzensubstanz so abgelagert sein, daß in der Ablagerung die Diasporen der Pflanzen vertreten sind, die an ähnlichen Standorten zu wachsen pflegen (palaeobiocoenosis). Meistens ist da auch anderes Material mit dabei. Normalerweise ist das Pflanzenmaterial verschiedenen Ursprungs, und es ist aufgrund anthropogener Faktoren an dem Fundort z. B. in Siedlungsgruben abgelagert worden (thanatocoenosis).

An der untersuchten Entnahmestelle hatte sich das Material allmählich in einem feuchten Boden abgelagert. Im untersuchten Profil vertritt besonders die Vegetation der unteren Entnahmestellen die Arten, die gleiche Bedingungen hinsichtlich des Standortes haben. Sie können an ihrem Standort abgelagert sein, oder sie können eine Pflanzengesellschaft der nahen Umgebung vertreten (vgl. palaeobiocoenosis). Ein Problem ist jedoch die Beschaffenheit des Bodenmaterial mit braunem, viel Holz enthaltendem Humus. Dies weist speziell bei den jüngsten Teilen des D-Horizonts auf intensive Maßnahmen von Menschen, vor allem auf Holzbauten hin. Die Bauten konnten an ihrem Standort abgerissen werden, oder das Material ist dorthin aus der Umgebung gelangt. Von anthropogener Tätigkeit zeugen auch die verkohlten Ablagerungen, von denen drei in dem untersuchten Gebiet vorliegen.

Die untersuchten Belege lassen vermuten, daß in der Nähe der A-Grabung eine feuchte Wiese gewachsen ist (vgl. z. B. Greig 1988). 1 Arten, die an feuchten Stellen gefunden wurden, sind oft da gewachsen und abgelagert. Es ist auch möglich, daß das in den feuchten Wiesen, Sümpfen und Pfützen gesammelte Pflanzenmaterial z. B. für das Rasendach eines Hauses benutzt wurde (vgl. Jensen 1979). Ein Teil von den Moosfunden stammt sicherlich aus den Dichtungen von Häusern. Besonders an der Entnahmestelle IVb war das Torfmoos sehr dicht zusammengepackt.

Die an Rainen und Hügeln gut wachsenden Riedgräser sind in den jüngsten Teilen des D-Horizonts sehr stark repräsentiert. Gleichzeitig aber erscheinen an denselben Entnahmestellen auch reichlich in Feuchtgebieten u. a. in Gräben, gedeihende Pflanzen, zum Beispiel die Art Gewöhnlicher Froschlöffel (*Alisma plantago-aquatica*). Petrov (1945) hat die Vegetation von Staraja Ladoga untersucht und festgestellt, daß der Boden seit Jahrhunderten zu feucht ist und Wassergräben in bewohnten Gebieten üblich sind. Das Wirken von Regenwürmern ist begrenzt gewesen. Aufgrund der Eiergehäuse der Regenwürmer wäre der feuchteste Boden im E-Horizont und in den jüngsten Teilen des D-Horizonts gewesen.

Eine von den interessantesten Pflanzen der trocknen Wiesen ist die Art Gemeiner Dost (*Origanum vulgare*), die an den Entnahmestellen II, III, und IVb zahlreich vorkommt. Heutzutage tritt die Art auf den warmen Abhangwiesen des Flußufers auf, und auch Petrov (1945) hat sie in Ladoga bei Ablagerungen aus demselben Zeitabschnitt gefunden. Die

Funde von Früchten können ein Beweis dafür sein, daß die Pflanze als Nutzpflanze verwendet wurde.

Durch das Entnahmematerial wird man auf die große Anzahl von Nadeln und Knospen der Fichte (*Picea abies*) aufmerksam. Nach Petrov (1945) war das Bauholz der Häuser des 9. und 10. Jahrhunderts meistens Fichte. In Blindbodenfüllungen sind viele Fichtenzweige und Zapfen entdeckt worden. Für die Dachsparren ist nach Petrov Birke (*Betula* sp.) verwendet worden. Birkenholz wurde auch für einen Brückenbau an der Entnahmestelle III benutzt. Dadurch kann das reichliche Vorkommen der Birkenrinde an den Entnahmestellen II, III und IVb erklärt werden.

6.1. Nutzpflanzen

Als Nutzpflanzen werden hier die für bestimmte Zwecke gezüchteten Pflanzen sowie die gut bekannten Gewürz- und Sammelpflanzen bezeichnet.

6.1.1. Gemeiner Hopfen (*Humulus lupulus*)

Der Hopfen wächst als naturbedingte Schlingpflanze in feuchten Hainen an der Meeresküste, am Seeufer und an Bächen. Die Entwässerung des Bodens und die Abholzungen haben derartige Milieus eintrübt. Heute wächst der Hopfen natürlich oder als Ausreißer in Gebüsch und Dickichten (u. a. Wilson 1975). Mit dem Hopfen kennzeichnend auftretende Erle-Eiche-Bäume sind in Ladoga im 9. und 10. Jahrhundert vorgekommen (Petrov 1945; Anlage 1). Während der Wikingerzeit wurde der Hopfen noch nicht in Ladoga angebaut (vgl. Behre 1983).

Der Hopfen kommt am meisten an den Entnahmestellen III und IVb vor. Insgesamt wurden über 1300 Früchte gefunden. Aus der Wikingerzeit stammende Hopfenreste sind früher in Haithabu und Elsenhof gefunden worden (Behre 1983). Das Massenaufreten von Früchten des Hopfens in der Nähe der Siedlung, auf dem zentralen Handelsplatz der Wikingerzeit, läßt vermuten, daß der Hopfen als Nutzpflanze diente. Allem Anschein nach wurde der Hopfen wie in Haithabu als Gewürz von Bier verwendet (Behre 1983, Wilson 1975). In Haithabu wurde starkes Hopfenbier gebraut, in Südkandinavien und Dänemark wiederum leichtes Gabelbier (Behre 1983). Aus diesem Grund scheint Ladoga von Deutschland aus beeinflußt zu sein. Erst im 14. Jahrhundert begann in Dänemark die Verwendung von Hopfen bei der Bierbereitung (Jensen 1979). Der Hopfen konnte auch z. B. als antibiotisches Heilmittel, als Gemüsepflanze, Färbemittel und Ölpflanze benutzt werden (Wilson 1975).

6.1.2. Hanf (*Cannabis sativa*)

Der Hanf ist stellenweise angebaut worden, und er kommt gelegentlich an ungepflegten Stellen vor (Clapham, Tutin & Warburg 1962).

In dem Entnahmematerial wurden insgesamt zwölf Früchte gefunden, und zwar im E-Horizont und an zwei ältesten Entnahmestellen des D-Horizonts. Petrov (1945) hat bei seinen Untersuchungen in Ladoga ebenfalls Früchte des Hanfs gefunden. Beweise für das Anbauen von Hanf haben jedoch gefehlt. Ravdonikas (1950) dagegen erwähnt Hanfseilfunde, was auf das Anbauen von Hanf hinweisen kann.

6.1.3. Hirse (*Panicum miliaceum*)

Ährchen und Körner der Hirse waren reichlich vorhanden. Sie kamen vorwiegend an den ältesten Entnahmestellen vor. Nur ein paar Körner waren verkohlt. Petrov (1945) bezieht sich auf die in Ladoga gefundenen Körner, Spelzen und Strohhalme. Ravdonikas (1950) erwähnt auch bemerkenswerte Anhäufungen von Hirsekörnern in den Ablagerungen in Ladoga vom 9. und 10. Jahrhundert. Die Vielseitigkeit und die reiche Auswahl an Fundgut sind Beweise für lokales Anbauen der Hirse. Die Hirse ist schon im frühen Mittelalter eine weit verbreitete Kulturpflanze gewesen (Petrov 1945).

Behre (1983) stellt fest, daß die slavische Hirse oft verkohlt ist. Das kann seiner Meinung nach eine abweichende Verwendungsart der Hirse. Die in Ladoga gefundenen Hirsekörner haben sich im feuchten Boden auch unverkohlt gut erhalten. Es ist auch möglich, daß die Verwendungs- und Behandlungsweise von Hirse in Haithabu und Ladoga gleich gewesen ist.

6.1.4. Flachs (*Linum usitatissimum*)

Vom Flachs gab es bei den Funden nur zwei Fragmente von Samengehäusen. Petrov (1945) fand Flachs nur als Reste von Produkten. Ravdonikas (1950) erwähnt außer Flachsfasern auch die Reste von einem Samengehäuse. Des weiteren liegen Belege für das Schwingen von Flachs vor (Ravdonikas 1950).

Flachssamen, Teile von Samenkapseln und Schäben sind u. a. im Haithabu der Wikingerzeit gefunden worden (Behre 1983; Jensen 1979). Alle Reste waren unverkohlt. Der Flachs kann als Öl- und Faserpflanze verwendet worden sein. In Haithabu ist der Flachs nahe bei der Siedlung gedroschen worden. Die kleine Anzahl von Kapselresten in Ladoga läßt ähnliche Schlüsse nicht zu. Dennoch kann festgestellt werden, daß schon seit der Gründungszeit von Ladoga Leinen für den Hausgebrauch gewebt wird (Davidan 1982).

6.1.5. Getreidekörner

Bei den Funden in Ladoga war die Gerste (*Hordeum vulgare* var. *vulgare* & *Hordeum vulgare*) von den Getreidearten die am meisten vertretene. Viel weniger Belege lagen von Hafer (*Avena sativa* & *Avena* sp.) und Weizen (*Triticum aestivum* coll., *Triticum dicoccum*, *Triticum* sp.)

vor. Der Roggen (*Secale cereale*) war am spärlichsten vertreten, und zwar nur durch zwei Körner.

Petrov (1945) hat außer Hirse keine anderen Getreidekörner gefunden. Ravdonikas (1950) erwähnt vereinzelte Funde von Gerste. In der Untersuchung von Kiryanov (1959), die auch Nowgorod umfaßt, waren Belege von Weizen (*T. aestivum* s. l., *T. dicoccum*), Hafer (*Avena sativa*) und Roggen (*Secale cereale*) vorhanden. Aufgrund der jetzt gemachten Funde läßt sich feststellen, daß außer Gerste im Ladoga des 10. Jahrhunderts auch Roggen, Weizen und Hafer bekannt waren.

In Haithabu (Behre 1983) hat sich die Gerste als die wichtigste Getreidepflanze der Wikingerzeit erwiesen. Danach folgt der Roggen, und der Hafer bleibt an der dritten Stelle. Der Anteil von Weizen an der Verwendung von Getreide war der geringste. Das Ergebnis weicht von anderen Befunden im frühmittelalterlichen germanischen Gebiet ab, bei denen der Roggen bei weitem das wichtigste Getreide gewesen ist. Nach Behre war auch im slawischen Gebiet der Roggen die häufigste Getreideart; eine große Bedeutung hatten aber auch die Hirse und der Weizen (*Triticum aestivum* coll.). In Ladoga sei die Hauptgetreideart sogar der Emmer (*Triticum dicoccum*) gewesen. Im Probematerial kam der potentielle Emmer im D-Horizont vor. Die Körner waren in schlechtem Zustand, und es waren nur zwei, so daß ihr Aussagewert sehr gering ist.

Die führende Stellung der Gerste ist mit Haithabu zu vergleichen. In Haithabu war die Gerste die wichtigste Getreideart bei der Herstellung von Bier. Auch Hafer, Weizen und Hirse wurden zu demselben Zweck verwendet (Behre 1983). Die Erhaltungszustände in Ladoga weisen auf die Bierbereitung hin. Die geringe Anzahl von Getreidekörnern ist jedoch kein ausreichender Beweis dafür oder für lokalen Anbau.

6.1.6. Hasel (*Corylus avellana*)

Die Hasel wächst auf feuchten und trocknen basischen sowie auf feuchten neutralen oder sauren Böden (Clapham *ym.* 1969). Durch die Maßnahmen des Menschen werden die Standorte der Hasel reichlicher. Nüsse vom Haselnußstrauch wurden in den ältesten Teilen des D-Horizonts entdeckt, an den Entnahmestellen II, III und IVb. Die Nüsse waren unverkohlt und zerbrochen. Aufgrund der Reste läßt sich nicht erkennen, ob sie aus einer angebauten oder naturbedingten Pflanze stammen. Es ist jedoch zu vermuten, daß die mitteleuropäische angebaute Hasel im Ladoga der Wikingerzeit nicht vorhanden war (vgl. Haithabu, Behre 1983). Andere wikingerzeitliche Nußfunde stammen außer aus Haithabu aus Elisenhof, Oseberg, Lund und Lubomien (Behre 1983, Jensen 1979). Die Nüsse sind sehr wahrscheinlich als Zusatznahrung besonders für den Winter gesammelt worden (Jensen 1979). Die großen Mengen von Nußresten in Haithabu beweisen, daß aus Nüssen auch Öl gepreßt worden ist (Behre 1983).

6.1.7. Beeren

Die häufigste Beere bei den Belegen war die Himbeere (*Rubus idaeus*). Dazu wurden die Moltebeere (*Rubus chamaemorus*), die Steinbeere (*Rubus saxatilis*), die Waldelbeere/die Hügelbeere (*Fragaria vesca/viridis*), die Heidelbeere (*Vaccinium cf. myrtillus*), die Moorbeere (*Vaccinium uliginosum*) und die Preiselbeere (*Vaccinium vitis-idaea*) belegt. Auch Samen von der Eberesche (*Sorbus aucuparia*) kamen reichlich vor.

Der Obstau ist während der Wikingerzeit gering und primitiv gewesen, so daß zur Ergänzung der Nahrung Beeren gesammelt wurden (Behre 1983). In Ladoga sind drinnen in den Wohngebäuden Anhäufungen von Moltbeerensamen entdeckt worden. Sie beweisen das Vorhandensein von Vorräten (Petrov 1945). Die Heidelbeere, die Moorbeere und die Preiselbeere sind allem Anschein nach irgendwo anders in der Umgebung gesammelte Beeren. Sie sind an der Entnahmestelle offensichtlich mit Siedlungsresten abgelagert worden. Die Walderdbeere, die Himbeere, die Steinbeere und die Eberesche können zu der natürlichen, die Siedlung umgebenden Vegetation gehört haben.

Petrov (1945) gelang es nicht, in seinen Untersuchungen die Heidelbeere zu belegen. Bei den wikingerzeitlichen Ablagerungen ist sie nur in Haithabu entdeckt worden (Behre 1983). Das jetzt gefundene Vorkommen beweist, daß die Heidelbeere auch in Ladoga verwendet worden ist. Samen von der Eberesche sind nach Behre (1983) früher nicht anderswo als in Haithabu gefunden worden. Dort wurde sie zusammen mit u. a. Erdbeere, Himbeere und Heidelbeere als Lebensmittel benutzt; die Gebrauchsweise kann die gleiche wie in Ladoga gewesen sein.

7. Schlußfolgerungen

Die untersuchte Entnahmefläche vertritt das Randgebiet im Burgwallbereichs vom 9. und 10. Jahrhundert. In der Vegetation durch und durch der Einfluß der Ufersiedlung und des Wassers erkennbar. Wie die Pflanzenreste zeigen, war der Platz nicht völlig mit Wasser bedeckt, obwohl das Ufer zeitweise überschwemmt wurde.

Der E-Horizont vertritt die Arten einer feuchten Uferwiese, die offensichtlich an ihrem Standort abgelagert worden ist (vgl. palaeoecoenosis). Von außerhalb, zum Beispiel mit den Ernten und Abfällen angekommenes Material, gibt es nur wenig.

Der D-Horizont ist unbestimmter als der vorangehende. In den ältesten Teilen des Horizonts ist der starke Einfluß der Siedlung erkennbar. Die Artenzahl und die Belegdichte in den Proben nehmen bemerkenswert zu. Die mittleren Entnahmestellen des Horizonts (IVa, V) enthalten viel Holz, aber wenig Pflanzenreste. In den jüngsten Teilen des Horizonts nimmt das Volumen der Pflanzenreste wieder zu. Kennzeichnend für die jüngsten Teile ist die größer gewordene Anzahl von Riedgräsern der trocknen Gebiete, gleichzeitig kommen aber auch Arten sehr feuchter Gebiete vor.

Eine Ufersiedlung beweisen auch Hunderte von Fischschuppen, die in beinahe jeder Probe entdeckt wurden (vgl. Kirpichnikov & Nazarenko 1993). Andere wichtige Belege sind von Hopfen, Hanf und Getreidevor-

kommen. Es ist wichtig, daß die Vegetation des Ufergebiets weiter untersucht wird, damit das heutige Fundbild noch erweitert wird.

LITERATURVERZEICHNIS

- Aalto, M. 1982: Archæobotanical studies at Katajamäki, Isokylä, Salo, South-West Finland. *PACT* 7, 137—147.
- Bäckman, A. L. 1964: Växtpaleontologiska studier på Åland. *Acta Soc. Pro Fauna Et Flora Fennica* 77(4), 1—43.
- Barker, G. & Gamble. 1985: Beyond Domestication in Prehistoric Europe. Investigations in Subsistence Archaeology and Social Complexity. *Academic Press*. USA.
- Behre, K.-E. 1983: Ernährung und Umwelt der wikingerzeitlichen Siedlung Haithabu. *Die Ergebnisse der Untersuchungen der Pflanzenreste*. Neumünster.
- Behre, K.-E. & Jacomet, S. 1991: The Ecological Interpretation of Archæobotanical Data. Van Zeist, W. u. a. (Hrsg.). *Progress in Old World Palaeoethnobotany*, 81—108. Rotterdam. Balkema.
- Clapham, A., Tutin, T. & Warburg, E. 1962: Flora of the British Isles, 2. Aufl. *University Press*. Cambridge.
- Davidan, O. 1982: Om hantverkets utveckling i Staraja Ladoga. *Formvännan* 77(3), 170—179.
- Greig, J. 1983: The Palaeoecology of Some British Hay Meadow Types. Van Zeist, W. & Casparic, W. A. (Hrsg.). *Plants and Ancient Man*, 213—226. Rotterdam. Balkema.
- Greig, J. 1988: Some Evidence of the Development of Grassland Plant Communities. Jones, M. (Hrsg.). *Archæology and the Flora of the British Isles*, 39—54. *Oxford University Committee for Archæology*. Oxford.
- Jämet-Ahti, L., Suominen, J., Ulvinen, T., Uotila, P. & Vuokko, S. (Hrsg.) 1986: Retkeilykasvio. *Suomen Luonnonsuojelun Tuki Oy*. Forssa.
- Jensen, H. A. 1979: Seeds and Other Diaspores in Medieval Layers from Svendborg. *The Archæology of Svendborg*. Denmark.
- Kirpichnikov, A. N. 1984: А. Н. Кирпичников, Каменные крепости Новгородской земли. Ленинград.
- Kirpichnikov, A. N. & Nazarenko, V. A. 1992: Parseller fra vikingtiden i Staraja Ladoga. *Spor* 1, 16—17. Trondheim.
- Kirpichnikov, A. & Nazarenko, V. 1993: Fortidens Staraja Ladoga. Andersen, M. & Birkebaek, F. (Hrsg.). *Vikingerens Rusland*, 8—26. Roskilde.
- Kiryakov, A. V. 1959: А. В. Кирьянов, История земледелия новгородской земли X—XV вв. Archichovski, A. & Kolchin, B. (Hrsg.). Арциховский, А. & Колчин, Б. (под ред.). *Труды новгородской археологической экспедиции. Том II*, 306—362. *Материалы и исследования по археологии СССР 65*. Академия наук СССР. Москва.
- Lambrick, G. & Robinson, M. 1988: The Development of Floodplain Grassland in the Upper Thames Valley. Jones, M. (Hrsg.). *Archæology and the Flora of the British Isles*: 55—75. *Oxford University Committee for Archæology*. Oxford.
- Linkola, K. 1916: Studien über den Einfluss der Kultur auf die Flora in den Gegenden nördlich vom Ladogasee. *Acta Soc. Pro Fauna Et Flora Fennica* 45(1), 1—429.
- Nunez, M. G. & Vuorela, I. 1976: A Field Method for the Retrieval of Plant Remains from Archæological Sites. *Memoranda Soc. Fauna Et Flora Fennica* 52, 19—22.
- Pearsall, D. 1989: Palaeoethnobotany. A Handbook of Procedures. *Academic Press*. California.
- Petrov, V. A. 1945: В. А. Петров, Растительные остатки из культурного слоя Старой Ладogi (IX—X вв.). *КСИИМК XI*.
- Ravdonikas, V. I. 1950: В. И. Равдоникас, Старая Ладoga. *СА XII*.
- Uino, P. 1986: Laatokankaupungin vaiheita. *Iskos* 6, 217—234.
- Uino, P. 1988: On the History of Staraja Ladoga. *Acta Archæologica* 59, 205—222.
- Willerding, U. 1986: Zur Geschichte der Unkräuter Mitteleuropas. Neumünster.
- Willerding, U. 1991: Präsenz, Erhaltung und Repräsentanz von Pflanzenresten in archäologischem Fundgut. Van Zeist *ym.*, *Progress in Old World Palaeoethnobotany*, 25—51. Rotterdam. Balkema.
- Wilson, D. 1975: Plant Remains from the Graveney Boat and the Early History of Humulus Lupulus L. in W. Europe. *New Phytol.* 75, 627—648.

СТО ЛЕТ АРХЕОЛОГИИ ВЫБОРГА

Археологическое изучение Выборга продолжается уже более столетия. Процесс этот никак нельзя назвать равномерным и упорядоченным — ни с точки зрения его хронологии, ни с точки зрения планомерного решения конкретных научно-тематических задач. Весь период накопления материалов весьма обобщенно можно разделить на два временных отрезка, соответствующих принадлежности Выборга сначала Финляндии, затем Советскому Союзу (1886—1944 и 1944—1991 гг.).

Первый (условно, финский) этап в целом характерен почти полным отсутствием целенаправленно-научных раскопок, хотя и открывался он работами профессионального и впоследствии весьма известного финского археолога И. Р. Аспелина (Раскопки... 1886, 244—245). Из всех работ, проведенных в Выборге в этот период, к категории научно-археологических можно отнести, хотя и с некоторыми оговорками, только раскопки в 1913 г. Ю. Ринне и С. Савоинуса внутри Кафедрального собора (Rinne 1914, 53—94). Все остальное — это мероприятия по землеустройству, как правило, преследовавшие целью решение узких прикладных задач, связанных со строительско-хозяйственной жизнью города. Но их важнейшим результатом явилась подробная графическая фиксация объектов, выявленных при работах (Museovirasto. Arkiv).

До недавнего времени весь этот весьма солидный блок материалов, полученных в период от начала века и до 1943 г., никоим образом не связывали с археологией. Даже профессор О.-И. Мсурман, который в довоенное время руководил застройкой Выборга и инициативе которого мы обязаны составлением и сохранением этих документов, отказывался видеть в них источник археологических интерпретаций и выводов. Его мнение в определенной степени верно. Все составленные при его участии или под его руководством графические документы фиксируют только вскрытые при земляных работах архитектурные объекты разной степени сохранности или архаичного облика цокольные конструкции сохранившихся построек. При этом там почти отсутствуют упоминания о каких-либо вещевых находках, а сами остатки старинной архитектуры, как правило, не датированы.

Наиболее полно все места обнаружения архитектурных остатков и обследования сохранившихся средневековых элементов городской застройки в «финский период» суммированы на карте, выполненной финским архитектором Ю. Ланкиненом уже в наше время (Ruuth 1982). Эта карта охватывает территорию, только немногим превосходящую по площади «старый город» с Замковым островом и «Рогатой крепостью», и, по замыслу автора, фиксирует уровень архитектурной, а в какой-то степени и археологической, изученности го-

рода на 1939 г. Но в представленном виде, без чертежей конкретных архитектурных объектов, она остается нерасшифрованной.

Большинство графических документов по каждому из отмеченных на ней объектов хранится в архивах Финляндии (архив Музейного ведомства, довоенный архив г. Выборга, эвакуированный в г. Миккелли). Некоторая часть этих чертежей опубликована вскоре после войны в уникальном, богато иллюстрированном монографическом альбоме (Viiste 1948), а отдельные — и в более поздних периодических изданиях (Ruuth 1982, 167; Meugman 1978, 58). Но многие из документов до сего времени остаются неопубликованными и почти не используются исследователями.

Источниковедческое значение этих документов неоднозначно. Только некоторые из изображенных там сооружений могут быть аргументированно отнесены к какой-то определенной категории построек (оборонительные, культовые, жилые, хозяйственные) и без вещевого материала хотя бы предварительно датированы. Для отдельных из них до сего времени применимы только самые общие термины типа «подвал». Некоторые из-за их фрагментарности или ограниченности участка раскопок так и остаются пока «фрагментами стен».

Значительно больше информации содержат обмерные чертежи цокольных этажей целого ряда сохранившихся до войны городских зданий. Часть их сейчас или полностью разрушена, или недоступна для исследований. Многие из этих построек сформировались в несколько строительных этапов, но в основе каждой из них находился позднесредневековый этаж, который либо с самого начала, либо в более позднее время стал выполнять функцию подвала. Во многих случаях детальность их фиксации такова, что позволяет определить несколько строительных периодов и даже по типу кладки (кирпичной) соотнести их с определенным временем.

В отдельную категорию работ «финского периода» следует выделить землеустроительные мероприятия, которые, несмотря на хозяйственно-прикладную направленность, выполнялись с применением археологических методов в раскопках и фиксации. Первыми среди них стоят работы на месте разрушенной церкви средневекового монастыря Францисканцев, где, кроме элементов архитектуры, расчищено несколько погребений (Viiste 1948, 33). Предшествовавшее им практически на той же территории устройство фундаментов нового здания склада в 1925 г. такой тщательностью не отличалось. Но графическая фиксация именно этих работ позволяет судить о планировке монастырской церкви и существовании других каменных построек. При этом в обоих случаях остались неизвестными те предметы, которые наверняка были найдены во время раскопок.

Другим пунктом, где исследования «финского периода» по методическим приемам, а соответственно, и итогам можно отнести к научно-археологическим, являлись церковь и территория средневекового монастыря Доминиканцев. В конце 1941 г. южнее церковного здания при устройстве массового воинского захоронения в трех длинных траншеях вскрыто и достаточно квалифицированно зачищено несколько оснований каменных построек и деревянные кон-

струкции. Все детали зафиксированы на нескольких чертежах и фотографиях. Находки сфотографированы отдельно.

Продолжая такую традицию, в 1943 г. О. Ниemi перед ремонтом церкви Доминиканцев провел в ее алтарной части раскопки, позволившие ему выявить ряд утраченных средневековых конструктивных элементов здания. По итогам раскопок был составлен подробный иллюстрированный отчет, небольшая часть которого опубликована только в наши дни (Niekkanen 1994, 343—344).

Рассматривая археологические исследования Выборга в «финский период», нельзя не упомянуть работу хотя и не имевшую отношения к раскопкам, но напрямую связанную с важнейшей для города проблемой строительной истории замка. Это визуальное обследование полуразрушенных замковых построек, выполненное тогда еще начинающим археологом А. Хакманом в 1887 г., и сбор материалов о его строительстве. Главными итогами исследования явились детальное словесное описание ныне почти полностью утраченных средневековых элементов островных построек и свод письменных документов (Hakman 1944, 1—189). Подобранные к этой работе (уже после смерти автора) немногие изобразительные материалы и предварительные выводы о строительной истории островного комплекса на современном этапе можно отметить как потерявшие актуальность.

Подводя итог первого периода археологического изучения Выборга, необходимо сделать, пожалуй, главный вывод: многие графические материалы, фиксирующие разного рода архитектурные сооружения, обнаруженные при хозяйственных земляных работах, могут выступать полноправным источником в воссоздании средневековой строительной истории города. В еще большей степени сказано относится к материалам архитектурных обмеров сохранившихся средневековых цокольных этажей многих городских зданий. Сведенный воедино, весь блок этих документов помогает, особенно сейчас, после современных раскопок, достаточно обоснованно рассматривать такие важные для исследования средневековых городов аспекты, как развитие планировки и конструктивные особенности архитектуры.

С точки зрения выполнения научно-тематических задач в первый период наибольшие успехи были достигнуты в исследованиях средневековых культовых построек Выборга. Причем произошло это помимо воли самих исполнителей работ, не задававшихся целью решать историко-научные проблемы. Но узкая прикладная цель проведенных раскопок, как в церквях, так, впрочем, и на других архитектурных памятниках города, надолго исключила полученные материалы из научного оборота. Их невостребованности во многом способствовал и переход Выборга под юрисдикцию России. В результате этого финские специалисты, располагавшие материалами, но не имевшие доступа к продолжению исследований, долгое время почти не обращались к этим источникам.

Но самой главной проблемой, занимавшей историков того времени, безусловно, оставался вопрос о существовании на месте города поселения коренных жителей — карел, предшествовавшего официальной закладке шведами замка в 1293 г. Вопрос о «дошведском

Выборге» обозначился уже в первых трудах по истории города (Ruuth 1904, 3—6) и с завидным постоянством десятилетиями кочевал в разнообразной по тематике, главным образом финноязычной, литературе. В то же время в довосный период, кроме лаконичных упоминаний в документах о «старом Выборге», историки располагали только тремя материальными свидетельствами (наконечник копья, пряжка, подвеска), происходившими с территории города (о. Кирккосаари) и относимыми к древностям коренного карельского населения. Но даже эти немногие предметы, по мнению А. Европеуса, могли существовать и несколько позже даты появления здесь шведов (Åugräå 1929). То есть в довосное время проблема родоначальника города была скорее аргументированно сформулирована, но не решена.

Второй (условно, советский) период археологических исследований Выборга начался только в 1961 г., в момент образования в замке краеведческого музея. Нет никаких документальных свидетельств, что с 1944 г. и до этого момента в городе проводилась хотя бы фиксация исторических объектов, найденных при хозяйственных работах, неизбежных при ликвидации последствий двух войн. Предпринятые в 1961 г. под руководством С. И. Хомутешкого обмеры построек Выборгского замка выполнялись с целью приспособления помещений под нужды нового музея и не имели прямого отношения к археологии. Но в итоге фонд материалов по замку дополнился обмерными чертежами главных зданий в их современном состоянии. Подготовленная тогда же «Историческая справка» отразила только очень слабое знание российскими специалистами истории города.

Впервые за «советский период» отдельные историко-научные проблемы в изучении Выборга были определены эстонскими архитекторами и искусствоведами, в 60-е годы приступившими к комплексной реставрации замка. Кроме задач практической реставрации, в программу входило архитектурное изучение островных построек. Как составную часть этого изучения следует рассматривать и археологические раскопки, выполненные в центральной и юго-западной частях острова Е. А. Кальюнди в 1965, 1967, 1969 гг. Весьма обоснованная для Выборга в целом и замка в особенности архитектурная направленность исследований определила и методику раскопок. Это была разведка траншеями и шурфами с последующей расчисткой отдельных площадей и уборкой грунта для немедленной консервации вскрытой архитектуры. Первая часть задачи, то есть разведка, была выполнена успешнее, чем вторая. Раскопки площадями, едва начавшись, прекратились с закрытием всей программы. Важнейшим итогом этих раскопок следует признать выявление целого ряда утраченных средневековых элементов застройки острова (Kaljundi 1970, 53—58). Весьма примечательно, что среди довольно обширной коллекции предметов из раскопок Е. А. Кальюнди нет вещей старше XVI в. В процессе работ уборка грунта, в частности на самой возвышенной площадке острова — Кузнечном дворе, производилась до уровня местами сохранившейся каменной мостовой. Таким образом, снятыми оказались практически только переотло-

женные напластования строительного мусора. Предматериковые горизонты нигде не были затронуты.

В 1978 г. раскопки в Выборге были возобновлены и продолжаются без перерывов до сего времени. Как и все предыдущие, работы 1978 г. предпринимались для решения узкой прикладной задачи — музеефикации утраченных городских укреплений XV—XVI вв. на Рыночной площади (Тюленев 1982, 91—97). Научное планирование археологических исследований Выборга стало возможным осуществлять только с 1979 г., когда оно было включено в плановую работу ЛОИА АН СССР. С этого момента и до настоящего времени в отделе славяно-финской археологии был завершен целый ряд тем, которые впервые позволили оценить средневековую архитектуру Выборга (Тюленев 1983, 79—86; 1987, 5—37). С точки зрения полевых исследований города наиболее масштабные раскопки произведены на Замковом острове (1979—1991 гг.), внутри и снаружи трех средневековых каменных храмов: Кафедрального собора, монастырей Доминиканцев и Францисканцев (1985—1991 гг.), на новостроенных площадках (ул. Подгорная, Прогонная, Титова, Краснофлотская, Крепостная). Кроме этого, для определения характера культурных напластований в разные годы в средневековой и «новой» частях города проводилась разведочная шурфовка, охватившая практически всю территорию. Следует отметить, что многие из раскопок в перечисленных местах не связывались с выполнением конкретной научной программы, а исходили, как и на первом этапе, из строительного-хозяйственных потребностей города. Но в конечном итоге их результаты всегда дополняли фонд материалов по определенной, как правило архитектурной, проблематике.

В результате исследований второго этапа впервые удалось только обозначить, но и в определенных объемах решить конкретные проблемы наименее известного средневекового периода истога Выборга. В их число входят: уточнение местоположения карельского поселения дошведского времени, основные этапы строительной биографии замка, особенности оборонного, культового и хозяйственно-жилого строительства. Кроме того, современные работы позволили обоснованно наметить динамику изменения микрогеографии Замкового острова и материковой части города, что в значительной мере упрощает прогнозирование объемов и результатов раскопок в конкретных местах. Отдельным итогом многолетних работ, не связанных непосредственно с изучением города, следует отметить выявление ряда памятников археологии в окрестностях города и в акватории Финского залива (Тюленев 1987; 1993).

ЛИТЕРАТУРА

1. Инспекция охраны памятников Ленинградской области. Архив. Отчеты о раскопках в Выборгском замке в 1965, 67, 69 гг. Дело № 17/1, 17/2.
2. Раскопки в Выборге // Исторический сборник. Т. XXVI. 1886. С. 244—245.
3. Тюленев В. А. Оборонительный комплекс Каризпортти Выборгской крепости // КСИА. Вып. 172. 1982. С. 91—97.

4. Тюленев В. А. Новый тип памятников северо-восточного побережья Финского залива: (К проблеме населения южной Карелии во второй половине I тыс. н. э.) // Археология и история Псковской земли, 1987. С. 81—83.
5. Тюленев В. А. (в соавт.). Морские исследования Выборгской экспедиции // Изучение памятников морской археологии, 1993. С. 11—17.
6. Äuräärä A. Etelä-Karjalan esihistorian pääpiirteet. 1929. S. 1—55.
7. Hackman A. Bidrag Till Vyborgs slott Byggnadshistoria // Analecta archeologica fennica II. 1944. S. 1—189.
8. Kaljundi J. Viiburi losi Ajaloost // Ehitus ja arhitektuur. 1970. № 3. S. 53—58.
9. Museovirasto. Arkiv.
10. Meurman O.-J. Muinaismuistojen valvonta Viipurissa // Viipurin Suomalaisen kirjallisuusseuran toimitteita 3. 1978. S. 57—63.
11. Rinne J. Viipurin entinen tuomiokirkko // Suomen Museo 21. 1914. S. 53—94.
12. Tjulenev V. A. Die Festung Vyborg im 13. bis 16. Jahrhundert aus der Sicht der neueren bautechnisch-archäologischen Forschungen // Burgen und Schlosser. 1983/II. S. 79—86.
13. Tjulenev V. A. Viipurin arkeologisen tutkimuksen tuloksia // Viipurin Suomalaisen kirjallisuusseuran toimitteita 8. 1987. S. 5—37.
14. Viiste J. O. Viihtyisa vanha Wiipuri. 1948.

ГОРОД КОРЕЛА — ЦЕНТР ПРИЛАДОЖСКОЙ КАРЕЛИИ

(по археологическим данным)

Формирование в северо-западном Приладожье к XI—XII вв. этнокультурной области, сложившейся к концу XIII—XIV вв. как административно-территориальное образование *Карельская земля*, происходило в несколько этапов. Это развитие определялось как географическим положением района, что ставило его в зависимость от общей ситуации в регионе, так и внутренними процессами, которым было свойственно сохранять и укреплять элементы местной культуры. Результат этого развития — самобытная и яркая карельская культура XII—XIV вв.

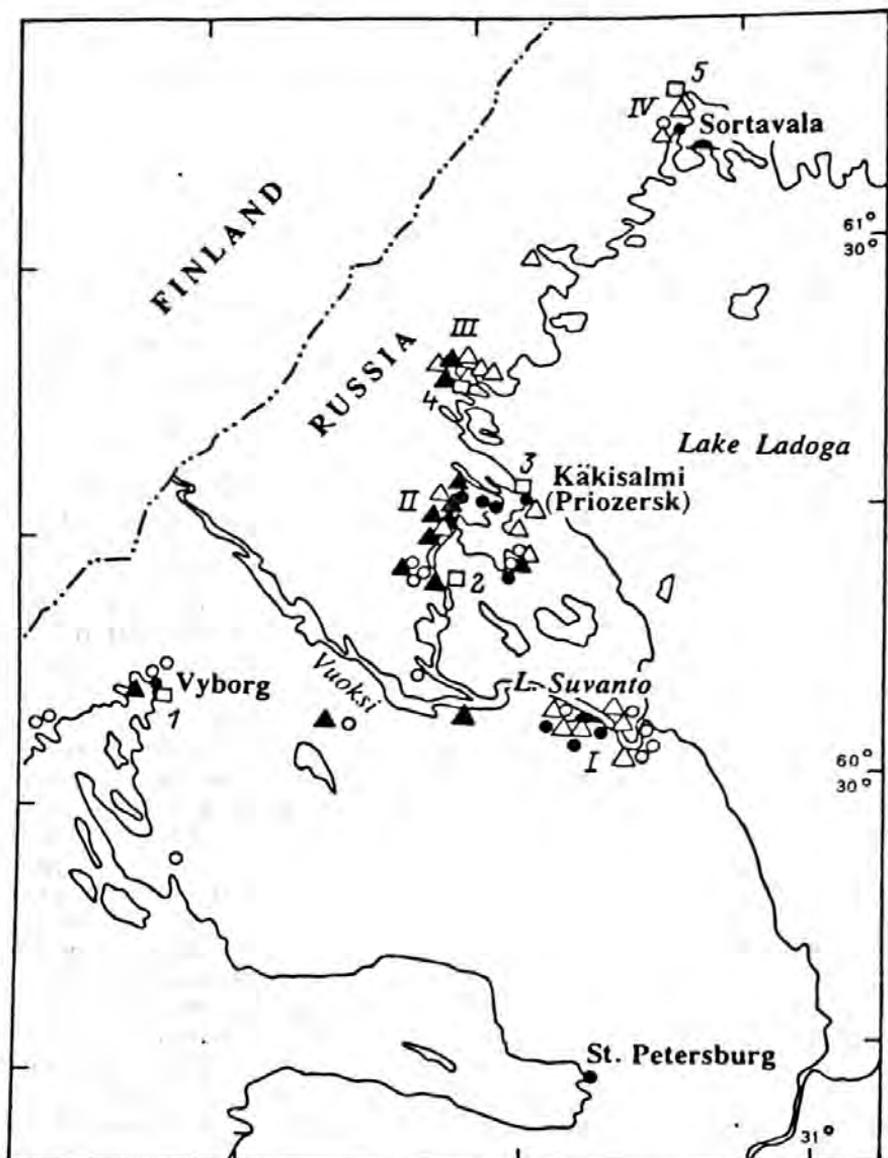
Довольно долго, на протяжении нескольких столетий железного века (вплоть до середины I тыс. н. э.), население приладожской Карелии существовало в условиях сохранения традиционных для предшествующего, каменного века промыслов. Охота и рыболовство, направленные на добычу пропитания для собственных нужд, не стимулировали интенсивное развитие промысловой техники и орудий промысла. О такой преемственности в экономике и культуре древнего населения приладожской Карелии говорят материалы целого ряда поселений в районе пос. Каукола (ныне Севастьяново), где, наряду с гребенчатой керамикой каменного века, встречается керамика с примесью асбеста конца эпохи неолита, а также текстильная керамика, бытовавшая в эпоху бронзы и раннего железного века. В поселке Ряйсяля (ныне Мельниково) на холме Калмистомяки конце XIX — начале XX в. исследовано поселение, содержавшее керамику с примесью асбеста, украшенную шнуровым орнаментом, текстильную керамику. Там же найдена и керамика позднего железного века, связанная с мотыльником, существовавшим здесь в первой половине II тыс. н. э. С керамикой бронзового века на холме Калмистомяки сопоставляется фрагмент легкой формы топора анальинского типа, найденный на этом же поселении.²

Холм Калмистомяки сохранил свидетельства существования на нем поселения и в раннем железном веке. Найденная при раскопках текстильная керамика доримского железного века дала основание К. Ф. Мейндеру выделить оставившее ее население в отдельную группу — группу Калмистомяки, одну из четырех основных групп населения Финляндии и примыкающей к Ладоге Карелии в эпоху доримского железного века (Meinander 1969, 67).

К этому же времени относится втульчатый топор из Ряйсяля Ламмасмяки. Первые века новой эры в приладожской Карелии отмечены целым рядом отдельных находок вещей — наконечников

¹ В данной статье под приладожской Карелией понимается восточная часть Карельского перешейка и северо-западное Приладожье (Ладожская Карелия) в отличие от западной, Выборгской части.

² Раскопки А. М. Тальгрена в 1914 г.

Археологические памятники в приладожской Карелии I — первой трети II тыс. н. э.

- — места находок вещей первой половины — третьей четверти I тыс.
- — погребения под каменной насыпью (Лалинлахти. Нукутталлахти)
- ▲ — могильники IX — первой половины X в.
- △ — могильники второй половины X — XI в.
- — могильники XII—XIV вв.
- — городища XII—XIV вв.: 1 — Выборг, 2 — Тиверский городок, 3 — Кякисалми-Корела, 4 — Хяменлахти, 5 — Паласвуори — район I — Лалинлахти, II — Ряйсяля, III — Куркиеки, IV — Сортавала

копий, топоров, каменных блоковидных кресал, свидетельствующих о пробуждении интереса к пушным ресурсам района со стороны жителей более развитых районов Финляндии, Эстонии и, возможно, верховьев Волги. Эта эпоха промыслового освоения Карельского перешейка продолжалась вплоть до VII в., после чего начинается формирование центров оседлого населения. Таким образом, в приладожской Карелии в первой половине — середине I тыс. н. э. существовали как бы две культуры: культура местного населения, продолжавшая традиции предшествующего времени, и культура пришлых промысловых охотников, представленная упомянутыми изделиями из металла и каменными блоковидными кресалами. В целом же население этой части Приладожья существенно не отличалось по уровню своего развития от населения обширных таежных районов, расположенных на север, восток и юг от Ладожского озера. Ближайшие районы, население которых культивировало производящие формы хозяйства и обладало развитым ремесленным производством, находились в упоминавшихся выше Финляндии, Эстонии и верхнем течении Волги, где найденные в приладожской Карелии вещи имеют прямые аналогии (Nordman 1924, 94; Moora 1938, 508, 570—571; Salmo 1938, 207, 211—212, 342, 344; Salo 1968, 89, 106, 164; Кочкуркина 1981, 13, 18—24; Saksa 1994, 30—32). Эти наконечники копий, топоры и блоковидные кресала, найденные в количестве около 20 экз., тяготели к руслу Вуоксы, что указывает на ее важную роль как транспортной магистрали в освоении Карельского перешейка уже на этом раннем этапе.

Погребение в Нукутталахти на острове Риеккала неподалеку от г. Сортавалы, относящееся к VI в., свидетельствует, по нашему мнению, о существовании, наряду с охотничьими промысловыми поездами в приладожскую Карелию, практики обмена продуктов местных промыслов на украшения (Saksa 1994, 32). Именно этим можно объяснить попадание в каменную насыпь украшений западного восточного происхождения (Kivikoski 1939, 1—11).

Второе из наиболее древних погребений железного века обнаружено в пос. Лапишахти (ныне Ольховка) на южном берегу оз. Суходольского. Датруется оно временем около 800 г. (Eugoraeus 1923, 66—75; Kivikoski 1944, 2—3). Погребение, содержащее большое количество предметов вооружения, орудий труда и украшений, фиксирует, как нам представляется, начало зарождения к концу эпохи меровингов поселенческих центров, обозначая совершенно новую ситуацию, при которой определяющим фактором становится внутреннее развитие в рамках территорий, на которых по каким-то причинам складывается постоянное население. Помимо Лапишахти, к таким центрам концентрации населения следует отнести Раясяля (Мельниково), Ховинсаари (п-ов Большой на оз. Вуокса) и Кякисалми (Приозерск), в которых были сделаны находки вещей эпохи меровингов.

Это развитие с наступлением эпохи викингов приобрело новые черты. Могильники и места отдельных находок вещей первой половины эпохи викингов (IX в.) не связаны, как правило, с зарождающимися поселенческими центрами древности; они происходят из мест, где на это время не фиксируются следы постоянного населе-

ния. Могильники IX — первой половины X в. — это воинские погребения. Значительную часть отдельных находок составляют также предметы вооружения, реже украшения. Карта распространения погребений и отдельных находок вещей этого времени хорошо ложится на Вуоксу, что указывает, по всей видимости, на военно-торговое использование этой водной системы уже в начале эпохи викингов (Saksa 1984, 93—94).

Конец эпохи викингов в приладожской Карелии знаменует, в сущности, наступление новой эпохи. Возникают новые могильники в Метяспиртти Коукуниemi, Лапинлахти Наскалинмяки и Лапинлахти Хеннонмяки, Куркиёски Кууппала, Сортавала Хелполя. Существенно, что эти могильники, в отличие от воинских одиночных захоронений предшествующего времени, использовались на протяжении длительного времени. Резко возрастает количество отдельных найденных вещей, которые исчисляются уже многими десятками. Значительно возросла доля украшений (около 40 экз.). Все это указывает на то, что в XI в. наступают перемены, вследствие которых население приладожской Карелии пошло по пути развития к той социально-экономической модели, для которой характерны высоко развитые сельское хозяйство, ремесло и торговля, что предполагает формирование устойчивых центров (Saksa 1994, 38—43). Несмотря на различные этапы в использовании Вуоксы («пушной», «торгово-военный»), обусловленные в значительной мере внешними факторами, существует ряд центров концентрации населения, которые демонстрируют возможность существования местного развития начиная с эпохи меровингов. Это уже упомянутые выше Сакколаппялахти (Ольховка), Ряйсяля (Мельниково), Ховишаари (п-ов Большая) и Кякисалми-Корела-Приозерск.

Конец эпохи викингов (IX—XI вв.) и начало эпохи крестовых походов (1050—1300 гг.) — это не только начало формирования структуры местного земледельческого населения в приладожской Карелии, но и время активного зарытия кладов, свидетельствующих об интенсивной торговой деятельности в XI в. Эти клады найдены в окрестностях Рауту (Сосново), Хейнйоки (Вещево), Куркиёски, Кякисалми (Приозерск), а также Выборга (Кочкуркина 1981, 25—29; Talvio 1979, 5—20; Talvio 1984, 176—181). В состав кладов входят как куфические, так и западноевропейские монеты. Подавляющее количество монет из клада в Хейнйоки чекано в области Фризия, что служит основанием для утверждения наличия прямых связей между Карелией и Фризией (Talvio 1979, 15—20).

Процесс внутренней организации древнекарельского общества продолжается в XII в., достигнув своего расцвета к XIII—XIV вв. Археологический материал этого периода свидетельствует о наличии в XIII в. четкой системы расселения, включавшей небольшие, преимущественно однодворные, деревни и примыкавшие к ним могильники, а также общий культовый центр (Сакса 1984, 112—117).

В определенный момент развития элементами этой системы расселения и организации населения становятся укрепленные поселения, часть из которых выросла в города. Когда могли сложиться предпосылки для этого, когда это произошло и есть ли ответ на этот

вопрос? Достаточно ли имеется археологического материала для ответа на него?

При раскопках ранних городов на Карельском перешейке, к которым относят Тиверский городок, Выборг и Корелу, был выявлен целый ряд вещей, относящихся ко времени, предшествовавшему исторически засвидетельствованному факту основания города на данном месте. Это ставит проблему первоначального поселения на месте будущего города, его характера и структуры. Не случайно, что все упомянутые города возникли вдоль русла Вуоксы, причем Выборг и Корела — на обоих исходных точках этого водного пути, а Корела и ей предшествующий карельский Кякисалми, как и Тиверский городок, построены были у порогов. Но к какому этапу использования Вуоксы следует отнести возникновение этих ранних городов?

Наиболее ранние находки обнаружены при раскопках на Тиверском городке, а также на городищах Хямеенлахти и Паасонвуори в северо-западном Приладожье (Appelgren 1891, 98—106, 126—136; Кочкуркина 1981, 30—62, 68—72, 73—87; Taavitsainen 1990, 239—245). Относятся они к X—XII вв. Однако характер этих находок не совсем ясен: имеют ли они отношение к культурному слою либо, что вполне вероятно, происходят из разрушенных могильников, находившихся на месте будущего поселения? Некоторую ясность могли бы внести исследования оборонительных укреплений. В тех случаях, когда исследования валов проводились, обнаружилось, что под ними имеются следы проживания или деятельности человека период до их возведения. На Тиверском городке при раскопке С. И. Кочкуркиной под валом, в его основании, обнаружено золото-углистое пятно, окаймленное мелкими камнями, в пределах которого найдены ладейные заклепки, фрагменты гончарной керамики, кости животных (Кочкуркина 1981, 45—46). Автор раскопок связывает сооружение с жертвенником, предназначенным для предохранения вала от разрушения (с берегом). Заполнение вала состоит из культурного слоя городища. Вал неоднократно обновлялся (Кочкуркина 1981, 45—47). Время возникновения Тиверских укреплений, а следовательно, и крепости, является предметом дискуссии. По мнению Кочкуркиной, возникновение укреплений относится к периоду между 1293 и 1323 гг. (1981, 59). А. Н. Кирпичников относит основание Тиверского городка к концу 1330-х гг. и связывает это с деятельностью упомянутого в летописи Вальта-корелянина (1984, 145—146). Нам представляется последняя точка зрения более обоснованной как археологическим материалом, так и исторической обстановкой после закладки шведами Выборга в 1293 г. До возведения вала и каменной стены на острове уже существовало в XIII и начале XIV в. древнекарельское поселение (Кочкуркина 1981, 45, 59). Вероятность его существования в еще более раннее время также не исключается.

Свидетельства существования поселений на берегу залива Хямеенлахти в Курниёках до возведения валов обнаружены нами в ходе работ 1986—1987 гг., когда под валом были выявлены следы выплавки железа и фрагменты гончарной керамики. Вероятно, и в

этом случае укрепления возникли не ранее XIII, а возможно, и XIV в.

Такая же ситуация, как на Тиверском городке, прослеживается в материалах раскопок Паасонвуори. Здесь также до возникновения городища существовал, возможно, могильник X—XI вв. (Кочкуркина 1981, 76—77). Собственно укрепленное поселение датируется XII—XIV вв.

На это же время падает функционирование дошведского Выборга. Автор раскопок в Выборге В. А. Тюленев относил существование на Замковом острове карельского поселения к XII—XIII вв. (1984, 122—124).

Суммируя сказанное, можно заключить, что в ряде мест следы человеческой деятельности относятся к X—XI (XII) вв. и связаны, на наш взгляд, с этапом, когда функция торгово-военного пути по Вуоксе отошла на второй план и на Карельском перешейке начинают возникать поселения и могильники, связанные с местным постоянным населением, а не с проходящими по этому пути пришельцами. На это указывает характер ранних находок на поселениях.

В период расцвета карельской культуры все эти поселения также испытывали расцвет. Однако события конца XIII—XIV в. обрекли многие из них на гибель. В результате шведских походов были захвачены или разрушены Выборг (1293 г.), Кякисалми (1294—1295 гг.), Тиверский городок (1411 г.), Хямеенлахти (вероятно, в ходе похода шведов в 1396 г.), Паасо (вероятно, в XIV в.). Из этих ранних карельских поселений лишь Кякисалми, заново отстроенный в 1310 г. как Корела, продолжил свое существование и достиг расцвета в эпоху средневековья. Выборг, являвшийся важным звеном Вуоксинского пути в период, когда Вуокса выполняла функции внутреннего карельского водного пути (XI—XIII вв.), с конца XIII в. становится шведским форпостом в Карелии.

Таким образом, Кякисалми, возникший в ряду других аналогичных поселений летописной корелы на перешейке и северо-западном Приладожье, с конца XIII в. приобретает стратегическое значение не только в силу расположения в устье важнейшей водной артерии, но и в качестве городского и административного (позднее, вероятно самое позднее — с первой половины XV в., и религиозного) центра приладожской Карелии. Раскопки 1989—1990 гг. приоткрыли тайну возникновения поселения на крепостном острове. Обнаруженные нами ранние слои в виде горизонта лежащих на материке бревен датируются XII — первой половиной XIII в. (Ле-3810, SU-2084, SU-2085, SU-2088).³ Так же четко выделяются горизонт конца XIII — начала XIV в. и более поздний, относящийся ко второй половине XIV в. (Saksa, Kankainen, Saarnisto, Taavitsainen 1990, 65—68; Saksa 1992, 5—17); о более ранних раскопках см.: (Кирпичников 1979, 52—73). В слое песка, перекрывавшего нижний горизонт, найдено большое количество вещей, в том числе бус и украшений из бронзы и серебра, а также оглавленные кусочки бронзы — следы бронзолитейного производства. Среди этих большей частью карельских ук-

³ Датирование произведено в радиоуглеродных лабораториях ИИМК РАН и геологической службы Финляндии.

рашений XII—XIII вв. при раскопках в крепости были найдены две целые равноплечные фибулы VII в. и фрагмент третьей, а также более десятка надежно датирующихся украшений эпохи викингов. Несомненно, эти вещи относятся к наиболее раннему этапу, предшествовавшему строительству крепости в начале XIV в. Неясно, происходят ли древнейшие вещи из могильника или все они связаны с древнскарельским поселением, существовавшим на острове до прихода шведов и затем новгородцев в конце XIII в.

В любом случае Кякисалми, а затем и Корела — это явление, отразившее линию местного развития карельского общества от эпохи меровингов до этапа расцвета карельской культуры в XII—XIV вв. На всех этапах исторического развития поселение в устье Вуоксы играло ключевую роль, чем обусловлена его жизнестойкость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичников А. Н.* Историко-археологические исследования древней Корелы: («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 52—73.
2. *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
3. *Кочуркина С. И.* Археологические памятники корелы V—XV вв. Л., 1981.
4. *Сакса А. И.* Комплекс археологических памятников у д. Ольховка (Ламинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 112—117.
5. *Талвио Т.* Монеты из захоронений эпох викингов и крестовых походов в Финляндии // Там же. С. 176—181.
6. *Тюленев В. А.* К вопросу о дошведском поселении на месте Выборга // Там же. С. 118—125.
7. *Europaens A.* Muinaistutkimuksen tehtäviä Karjalassa // Kalevalaseuran Vuosik (Porvoo). 1923. № 3.
8. *Appelgren H.* Suomen muinaislinnat // SMYA. 1891. XII.
9. *Kivikoski E.* Svenskar i österled under 500-talet // FM. 1939. № 46. S. 1—11.
10. *Kivikoski E.* Zur Herkunft der Karelier und Ihrer Kultur // Acta Archaeologica (København). 1944. Fol. 15. Fask. 1—2.
11. *Meinander C. F. Davits.* En essä om förromersk järnalder // FM. 1969.
12. *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Tartu, 1938.
13. *Nordman C. A.* Karelska järnaldersstudier // SMYA. 1924. XXXIV: 3.
14. *Saksa A. I.* Medieval Karelia on European Trade Routes // ISKOS 4. 1984. S. 93—97.
15. *Saksa A., Kankainen T., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P.* Käkisalmen linna 1200-luvulla // Geologia. Helsinki, 1990. S. 65—68.
16. *Saksa A. I.* Käkisalmen maasta esiin kaivettu historia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita 10. Helsinki, 1992. S. 5—17.
17. *Saksa A.* Rautakautinen Karjala — Karjalan synty // Kahden Karjalan välillä. Studia Carelica Humanistica 5. Tampere, 1994. S. 29—45.
18. *Salmo H.* Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland // SMYA. 1938. 42: 1.
19. *Salo U.* Die Frürömische Zeit in Finnland // Ibid. 1968. № 67.
20. *Talvio T.* Entisen Suomen Karjalan esihistorialliset rahalöydöt // SM. 1979. № 86. S. 5—20.
21. *Taavitsainen J.-P.* Ancient Hillforts of Finland // SMYA. 1990. № 94.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ВАЛААМСКОГО МОНАСТЫРЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО ТОПОГРАФИИ

Географическое положение Валаамского архипелага представляется на первый взгляд изолированным от культурных центров средневековья, однако в этом районе проходила трасса водного пути, ведущего из Северной Европы через Вуоксу и Ладогу и далее по рекам Волхов и Свирь в разветвленные речные системы континента. Функционирование в Вендельский период западного участка этой магистрали подтверждается археологическими находками VI—VIII вв. скандинавского происхождения вдоль русла Вуоксы и на северо-западном побережье Ладожского озера. В этих же местах концентрируются клады западноевропейских и восточных монет, отдельные скандинавские погребения и вещевые находки эпохи викингов. Описание скандинавско-карельских контактов начиная с IX в. имеется в древнескандинавских письменных источниках.¹ В условиях существовавшего тогда прибрежного судоходства проход от устья Вуоксы по Ладоге был возможен либо вдоль ее западного побережья, с выходом на путь «из варяг в греки» у истоков Невы, либо ее северного и восточного берегов с возможным вариантом пересечения озера в его северной части вдоль цепочки островов, в центре которой находится Валаамский архипелаг.

Путь вдоль западного побережья Ладоги достаточно опасен из-за отсутствия гаваней, а также значительного количества мелей и подводных камней. От устья Вуоксы до истоков Невы от шторма можно укрыться лишь во Владимирской бухте — напротив о. Консвец — и в устьях трех малых рек: Бурной, Авлоги и Морьи. Район южного побережья еще более опасен для судоходства. Известно, что в XVI в. здесь проходил водный ямской путь от города Ладоги через Орешек до Корелы.² Игумен Пимин, перевозивший на насаде во второй половине этого столетия мощи святого Сергия из Новгорода на Валаам, останавливался на о. Консвец, где к тому времени существовал монастырь.³ Использовался он, вероятно, и в более раннее время: в 1228 г., когда емь, вошедшая в Ладогу через Неву, пыталась взять дань с корелы, и в 1310 г., во время похода новгородцев («...в лодьях и лойвах в озере [Ладогу] и идоша в реку Узьерву [Вуоксу], и срубиха город на пороге нов, ветхын сметавше»⁴).

¹ Спиридонов А. М. Исландские саги как источник по раннесредневековой истории Карелии // Скандинавский сб. Вып. 32. Таллинн, 1988. С. 129—142.

² Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. по выписи из Новгородских изгонных книг // Вопросы географии. 1950. № 20. С. 272—273.

³ Охотина Н. А. Сказание краткое о создании пречестной обители Боголепного Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа на Валааме // Север. 1991. № 9. С. 11—24.

⁴ Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах. Л., 1990. С. 40.

Вариант пути вдоль восточного побережья представляется более удобным, в первую очередь, для плавания к устью р. Свири как более короткий и безопасный. Часть этого маршрута описана паломником капитаном Мордвиновым, прошедшим в 1777 г. от устья р. Паши до Валаама на паруснике. Весь этот путь маркировался позднесредневековыми церквями и монастырями, посвященными Святому Николаю — покровителю мореходов,⁵ связанными, судя по всему, с местами традиционных остановок, возникших в более раннее время. Западноевропейские импорты и монетные клады X—XI вв. на р. Свирь свидетельствуют о включенности ее в этот период в систему североευропейских торговых коммуникаций.⁶ Расположение первоначального монастыря на о. Александра Свирского — у северо-восточной оконечности о. Валаам, а также легенда, записанная на этом острове Элиасом Лёнротом в 1828 г. о том, что Сергей и Герман попали туда с восточного побережья Ладоги на отколовшейся каменной плите, свидетельствуют о прибытии сюда монастырских первопоселенцев именно «восточным» путем. Таким же образом, вероятно, сюда попало ранее и карельское население (илл. 1).

В этой связи было бы небезынтересно рассмотреть вопрос о возможных посещениях и времени заселения Валаамского архипелага. Имеется одно сообщение об обнаружении на о. Скитском рунической надписи второй половины IX — второй половины X в., выбитой на камне, звучащей в переводе как «божества твердьши таинство незабвешю»,⁷ однако оно нуждается в дополнительной проверке. Учитывая тот факт, что прочие виды строительного камня всегда привозились на Валаам с других островов, а местный подвержен чрезвычайно быстрому процессу выветривания и дреления, сохранение средневековой гравировки на камне представляется маловероятным. В процессе археологических исследований, начатых в 1984 г. и охвативших значительную часть удобных для размещения поселений, террас на островах архипелага, средневековые культурные отложения были выявлены лишь в двух местах: слое XIV—XVI вв. на территории центральной усадьбы монастыря⁸ и XVI—XVII вв. в двух километрах к югу от нее, на берегу внутреннего залива Кукашлахти.⁹ Таким образом, имеющиеся к настоящему времени надежные археологические источники не позволяют пока говорить о заселении Валаама ранее XIV в.

История Валаамской обители богата преданиями. Согласно одному из них, она была основана апостолом Андреем Первозванным, двигавшимся от Киева к Риму по пути «из варяг в греки». По

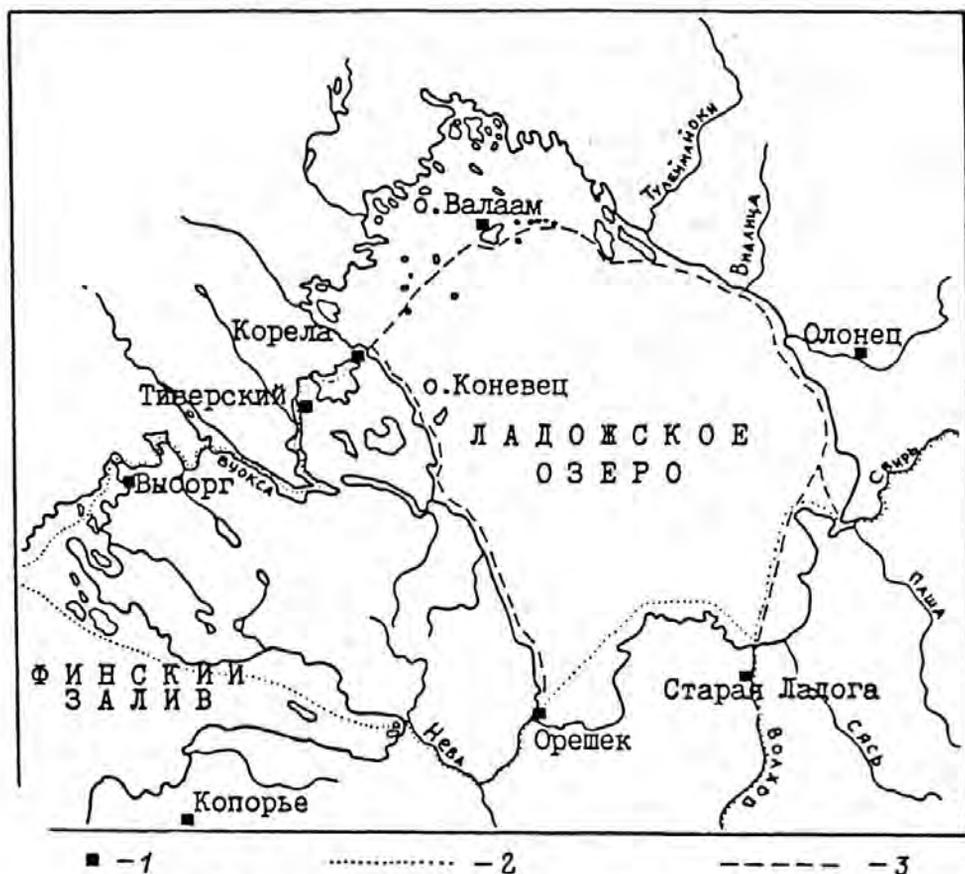
⁵ Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. СПб., 1888. С. 42—45.

⁶ Спиридонов А. М. К истории Посвирья: Опыт комплексного привлечения данных // Вопросы истории Европейского Севера. Л., 1989. С. 146—160.

⁷ Лазарев Е. Валаам: Россия в миниатюре // Наука и религия. 1991. № 9. С. 4—9.

⁸ Спиридонов А. М. Отчет о работе Приладожского отряда Карельской археологической экспедиции летом 1987. Л. 1988. — Архив ИА РАН, Р-1, 11967; Сорокин П. Е. Отчет об археологических исследованиях Валаамского отряда в 1991 г. — Архив ИА РАН.

⁹ Панкрушев Г. А. Отчет Приладожского отряда Карельской археологической экспедиции о работах на о. Валаам. Л. 1984. — Архив ИА РАН, Р-1, 10384.

Илл. 1. Водные коммуникации, связывавшие о. Валаам с Русью в позднее средневековье

1 — средневековые города и городища, 2 — магистральные коммуникации, 3 — пути, связывавшие Валаам с Русью

другому преданию, возникновение христианской миссии на Валааме относится к началу X в., а монастыря — к 960 г., и связывается это событие с деятельностью первой русской княгини-христианки Ольги и подвижника православной церкви Авраамия Ростовского. Непосредственными создателями обители называются святые чудотворцы Сергей и Герман.¹⁰

В «Валаамской беседе» — публицистическом памятнике, написанном в середине XVI в., и в Уваровской летописи начала XVII в. сообщается о перенесении мощей этих святых в 1163 г., перед угрозой шведского вторжения, в Новгород и о возвращении их в 1179 г., по миновании опасности, обратно на остров. «Летописец вкратце», составленный в середине XVII в., содержит упоминание о том, что только «в 1329 г. поселился на Валааме старец Сергей»,

¹⁰ Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1889. С. 27.

а в «Извете» — произведении рубежа XVI—XVII вв. — Сергей и Герман действуют на Валааме даже в 1398—1399 гг.¹¹ К этому же времени (1389 или 1399 г.) относит появление монастыря, на основании изучения литературного памятника середины XVI в. — «Сказания о создании пречестной обители Боголепного Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа на Валааме...», открывшая и опубликовавшая его Н. А. Охотина.¹² Несомненно, что последний источник, содержащий подробное и обстоятельное описание образования и жизнедеятельности первоначального монастыря, заслуживает большего доверия, чем включавшие лишь отрывочные свидетельства предшествующие документы.

Письменные источники, повествующие о ранней истории монастыря до сооружения каменных корпусов, позволяют выделить шесть основных периодов его существования, характеризующихся определенными изменениями в планировочной структуре в результате полных перестроек монастыря после пожаров и военных действий.

Вероятно, первый из них связан с о-вом Александра Свирского. В «Сказании...» говорится, что церковные деятели Ефрем и Сергей «находят некий остров с восточной стороны от большого того острова [Валаама] <...> водружают царское знамение — Животворящий Крест — и поставляют церковь во имя преславного Боголепного Святого Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа».¹³ Спустя некоторое время Ефрем покидает остров и уезжает на озеро Ильмень, где основывает в 1408 г. Перекомский монастырь. Сергей же, получив от архиепископа новгородского Иоанна II материальную помощь для развития монастыря, отправляется на Валаам с вооруженным отрядом против жившей на главном острове «чуди карельской» и добивается ее выселения с архипелага.¹⁴

Второй период связан со следующими событиями: «<...> после той преславной победы преподобный Сергей место для монастыря по воле Божьей избрал весьма красивое и высокое, на горе каменной, отовсюду видимое, подобно городу и имеющее под собой большую тихую пристань, в которой многотысячное число кораблей могло бы укрыться <...>», где, «расчистив место от стоящего леса», братья сооружают церкви «во имя Преображения Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа» с приделами Иоанна Богослова и Николая Чудотворца и Рождества Христова с трапезою. Монастырь был огражден «крестообразно четырьмя стенами <...> с востока и юга, с запада и севера. Большие же ворота в южной стене <...> Проход же к монастырю тому от северной стороны к югу — справа от монастыря». При этом отмечалось, что Спасо-Преображенская церковь находилась в самом центре оград. Об окончании этого периода читаем: «По прошествии же многих лет (от создания монастыря примерно через 100 с небольшим, т. е. в первой четверти

¹¹ Спиридонов А. М., Яровой О. А. Валаам: От апостола Андрея до игумена Иннокентия. М., 1991. С. 27—42.

¹² Доклад Н. А. Охотиной на конференции по истории Валаамского монастыря в октябре 1991 г.

¹³ Охотина Н. А. Сказание... С. 12.

¹⁴ Там же. С. 13.

XVI в. — П. С.) <...> был в том монастыре пожар, в котором сгорели обе церкви, и имущество, и весь монастырь».¹⁵

Третий период продолжался с первой четверти XVI в., когда обитель была воссоздана, до разорения ее шведскими войсками в 1578 и 1581 гг. Специальное описание топографической ситуации для этого времени отсутствует, однако в одной из приводимых в «Сказании...» легенд, которая по косвенным признакам может быть отнесена к середине XVI в., говорится, что, когда около монастырской трапезы попытались построить келью для келаря, святые Сергей и Герман воспротивились этому, указав, что на этом месте стояла церковь Рождества Христова, а на месте гостеприимной кельи — другая церковь.¹⁶ Не исключено, что это предание отражает изменение топографии монастыря в третьем периоде по отношению к предшествующему.

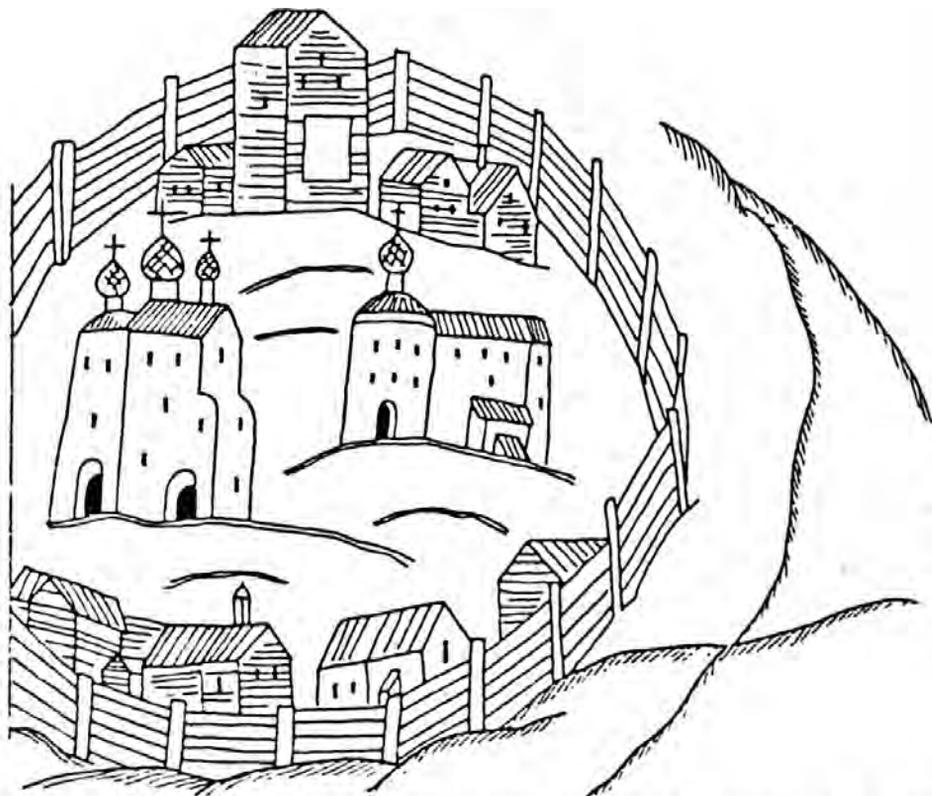
На сохранившемся миниатюрном изображении Валаамского монастыря из Жигитя Александра Свирского XVII в.,¹⁷ которое восходит к более ранним спискам, различимы, хотя и в сильно стилизованном виде, некоторые черты его древней топографии. Здесь в центре округлой в плане монастырской ограды изображены две церкви, первая из которых, Спасо-Преображенская, располагается ближе к восточной стене, вторая, Рождественская с трапезой, отстоит от нее на юго-запад. При этом характерно, что обе церкви и астоятельская келья, включенная в ограду, судя по этой миниатюре, вероятно, отражающей какие-то реалии второго или третьего периода существования монастыря, были выполнены из камня (илл. 2). К сожалению, «Сказание...» умалчивает о материале, из которого были сооружены церкви, а вышеупомянутое свидетельство об отсутствии на Валааме хорошего строительного камня делает это предположение маловероятным. Однако имеются и другие источники, подтверждающие наличие уже в раннее время на Валааме каменных построек. Это различные предания, а также постоянная фиксация в ходе археологических раскопок кирпичной крошки в слоях XIV—XVI вв. Характерно, что второе средневековое поселение на острове — на берегу залива Куканлахти, обнаруженное Г. А. Панкрушевым, располагалось как раз на месте более позднего кирпичного завода. Рассматривая эту проблему в более широком историческом контексте, можно констатировать, что каменное церковное строительство было широко распространено в монастырях русского Севера: уже в XIV—XV вв. каменный храм был сооружен в Коневецком монастыре,¹⁸ а в середине XVI в. — в Соловецком. Учитывая широкую известность и богатство Валаамского монастыря в XV—XVI столетиях, нельзя исключать возможность существования каменных сооружений и здесь, однако ответ на этот вопрос

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ Там же. С. 18.

¹⁷ Степанова Л. В. Архив Инспекции по охране памятников Петербургской области. Д. 32—37 А; Тихвин: Большой Успенский монастырь. Т. 1, ч. 1. Л., 1974.

¹⁸ Кирпичников А. Н., Хлопин И. Н. Обследование острова Коневец на Ладожском озере // АО 1973. М., 1974. С. 14—15.

Илл. 2. Прорисовка изображения Валаамского монастыря с миниатюры из Жития Александра Свирского XVII в.

может быть дан лишь в ходе систематического археологического изучения памятника.

Четвертый период — самый краткосрочный. В 1597 г., спустя 16 лет после уничтожения обители, царь Федор Иоаннович издает указ: «<...> тот разоренной Валаамской монастырь своєю царского казною церкви и трапезу строити и ограду и кельи поставиша по прежнему».¹⁹ Само это указание уже предполагало определенную топографическую преемственность по отношению к третьему периоду, однако в 1611 г. монастырь был вновь сожжен высадившимся на острове шведским отрядом, а уцелевшие монахи переехали в Южное Приладожье. Согласно преданию, через некоторое время часть братьев возвратилась на Валаам, поселившись на свободном от шведов Предтеченском острове, почему он и назывался в прошлом Монашеским.²⁰ Археологические исследования, проведенные в 1991 г. на этом острове, однако, не подтвердили этой легенды. На главном же острове были «поселены шведы пахотные дворами».²¹ Василий Доможиров, составивший в 1715 г. опись Валаамского ар-

¹⁹ Архив ЛОИИ, кол. 238, оп. 2, д. 319/1, л. 102 об.

²⁰ Валаамский скит во имя святого пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и жизнеописание тамошнего подвижника схимонаха отца Иоанна. СПб., 1896. С. 3.

²¹ Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. // ЖМВД. Вып. XXIX. № 8. СПб., 1838. С. 260—295, 263—264.

хипелага, застал здесь одну часовню, стоявшую, по преданию, над мощами Сергия и Германа, «жителей три двора крестьянских и один бобыльский».²²

Пятый период охватывает промежуток времени с начала восстановления монастыря в 1717 г. — более чем через столетие после его разрушения — до 1754 г., когда он почти полностью был уничтожен пожаром. Шестой период начинается с завершения восстановления монастыря в 1756 г., а заканчивается в 1782 г. грандиозной строительной программой игумена Назария по сооружению каменного монастырского комплекса, завершившейся только в начале XIX в. Судя по имеющимся для двух последних периодов источникам — планам середины XVIII в., описаниям и гравюре экспедиции Озерцовского 1785 г., между ними также прослеживается определенная топографическая преемственность.

Первый дошедший до нас план Валаамского монастыря был составлен в конце пятого периода, в 1751 г., сержантом Кексгольмского полка Степаном Леховым.²³ Для совмещения его с современной топоосновой были выбраны три точки, являющиеся, по нашему мнению, общими для обоих планов. Как известно, при перестройке и при восстановлении церкви обычно соблюдается преемственность в местоположении алтарной части, что подтверждается многочисленными аналогиями, поэтому первой «постоянной» была выбрана алтарная часть Спасо-Преображенского собора, тем более что у ее чешней стены были зафиксированы следы пожара середины VIII в. Современной Знаменской часовне на плане 1751 г. соответствует по местоположению часовня Креста Господня, а часовня яговещения на пристани — часовня «под горой». В результате совмещения, основанного на этих точках, удалось перенести ситуацию с исторического плана на современный. Таким образом удалось установить, что деревянный монастырь в конце пятого периода занимал несколько более значительную площадь, чем та, которая ограничивается современным корпусом внешнего каре. Западная и северная стены ограды, сооруженной перед самым пожаром 1754 г., а на рассматриваемом плане только предполагаемой, почти совпали по местоположению с его внешними стенами, в то время как восточная и южная находились на значительном удалении от них (соответственно на расстоянии 27 и 15 м). В центральных частях северной и южной стен имелись ворота. В средней части располагались Спасо-Преображенский собор (30 × 14 м) и отстоящая от него на юго-запад, как на вышеописанной миниатюре, другая церковь, но на этот раз не Рождества Христова, а Успенская (32 × 16 м). Они были соединены между собой и с отдельно стоящей колокольной переходами. Вокруг с трех сторон размещались другие монастырские постройки, образуя в плане несколько искаженную букву «П». Северное крыло, располагавшееся на территории между современными корпусами внешнего и внутреннего каре и далее до «Верхнего сада», включало хлебный амбар, сгоревшую в 1748 г. хлебопекарню, монашеские кельи и амбар с погребом. В северо-западном углу

²² РГИА, ф. 251, оп. 2, л. 2573, л. 24.

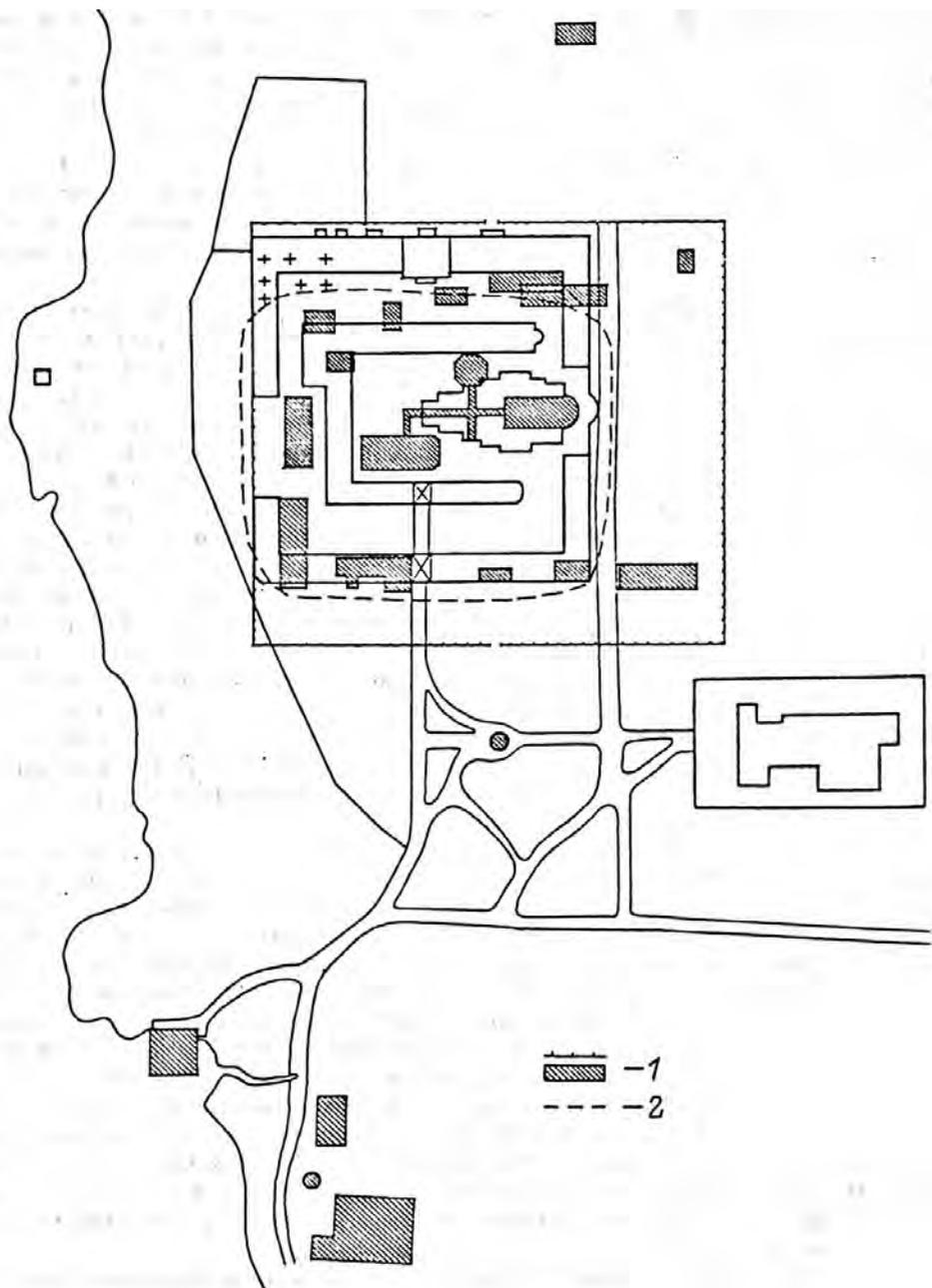
²³ ЦГАДА, ф. 240, № 599.

было кладбище. Во время строительства в начале XIX в. северного корпуса внешнего каре оно было в значительной части нивелировано, оказавшись под ним. Юго-восточнее находилась поварня, которую планировали перенести ближе к кладбищу, удалив таким образом от храмов в противопожарных целях. Сооружения западной линии составляли новая хлебопечкарня и пять сгоревших в 1749 г. келий, на месте которых с незначительным смещением предполагалось построить новые. Южная линия состояла из строительной, жалобничьей, казначейской и братских келий, локализуясь на месте теперешнего южного корпуса внешнего каре (илл. 3).

Результаты описанного совмещения подтверждаются археологическими исследованиями, проводившимися на территории монастыря в 1987 и 1990 гг. А. Спиридоновым и в 1989 и 1991 гг. автором. В месте локализации Успенской церкви был обнаружен слой пожара мощностью до 0,1 м, где удалось зафиксировать обгоревшие плахи частично сохранившейся срубной конструкции. В слое содержалось значительное количество оплавленных медных предметов — остатков церковной утвари. Были выявлены также остатки строительной и жалобничьей келий в южном крыле, хлебопечкарни и монашеских келий в северном. В ходе раскопок 1991 г. наиболее полно были исследованы остатки «новой хлебопечкарни» в западной линии, располагавшейся напротив современных монетных ворот, между корпусами внешнего и внутреннего каре, ближе к последнему. Здесь также сохранились обгоревшие деревянные плахи, расположенные взаимоперпендикулярно, причем, как и остатки Успенской церкви, они были ориентированы в том же направлении, что и каменные сооружения современного монастыря. Интересна и определенная преемственность в размещении отдельных монастырских служб с того периода до начала XX в.

Как уже говорилось, на территории центральной усадьбы б. выявлен культурный слой XIV—XVI вв. Располагался он, в основном, в границах современного внешнего каре, лишь с западной и южной сторон несколько выходя за его пределы, а с северной ограничивается выходом материковой скалы между корпусами внутреннего и внешнего каре. Слои, насыщенные древесным углем и содержащие фрагменты позднесредневековой керамики, были прослежены у северной стены современной Успенской церкви и в северо-западном углу внутреннего каре, то есть на значительном удалении от монастырских сооружений, погибших в пожарах середины XVIII в. В то же время в двух случаях угольные прослойки были прослежены под слоями этого пожара. В средневековом слое, содержащем древесный уголь, у алтарной части Спасо-Преображенского собора, были найдены фрагменты грубой кухонной посуды.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что Ваалаамский монастырь после его переноса на главный остров в начале XV в. занял место, уже освоенное карельским населением. Многовековая хозяйственная деятельность на рассматриваемой территории значительно изменила ее облик, сгладив в значительной мере существовавший здесь микрорельеф. Об этом красноречиво свидетельствуют выходы материковой скалы, перемежающиеся с мощными

Илл. 3. Совмещение плана Валаамского монастыря 1751 г. с его современной планировочной структурой

1 — сооружения середины XVIII в.; 2 — границы культурного слоя эпохи позднего средневековья

... ..

культурными отложениями, достигающими в некоторых местах метровой глубины. Поскольку на протяжении XV — начала XVII в. (второй-четвертый периоды) и XVIII в. (пятый-шестой периоды) существовали непрерывные традиции монастырской жизни на Валааме, то и топографическая структура обители не претерпевала значительных изменений. Существенные перемены произошли лишь в начале пятого периода, после более чем векового перерыва в существовании монастыря.

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУР СЛАВЯН, ФИННОВ
И СКАНДИНАВОВ В ОТДЕЛЕ СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ РАН (1974—1994 гг.)

Отдел (первоначально сектор) был основан в составе ЛОИА АН СССР на основе группы славяно-русской археологии в апреле 1974 г. В то время в его состав входили Е. А. Горюнов, Ф. Д. Гуревич, М. М. Казанский, М. К. Каргер, В. И. Кильдошевский, А. Н. Кирпичников, Г. Ф. Корзухина, В. А. Назаренко, Е. Н. Носов, М. В. Малевская, О. В. Овсянников, К. В. Павлова, А. А. Пескова, В. П. Петренко, П. А. Раппопорт, Е. А. Рябинин, Ю. П. Спегальский, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков, Н. В. Хвоцинская и А. Л. Якобсон. Создание отдела и новые обязанности, поставленные перед ним, открыли более широкие возможности пополнения его молодыми археологами, что смягчило возрастной разрыв между учеными и кадровый кризис, связанный с наступившей вскоре резкой сменой поколений. Представители старшего поколения археологов сумели, однако, передать многие научные навыки молодым специалистам, выдвинувшимся в 1970—1980-е гг. Эти специалисты восприняли трудолюбие, тщательность и обстоятельность в работе над ценным материалом, приверженность к обоснованным проведенным фактам, бережное отношение к сложившейся научной традиции, исторический подход к анализу археологических памятников, отрицание вульгарного социологизирования. Удалось преодолеть и «детскую болезнь» пренебрежения своими предшественниками. Не нашло поддержки и нередко формалистическое использование методов естественных наук в археологии. Обязательные в недавнем прошлом, часто схоластические и бесплодные, дискуссии и заклинания на тему о буржуазной археологии уступили место всестороннему и спокойному обсуждению как теоретических, так и практических проблем археологического знания. Процесс научного исследования был обогащен новыми фактами и методиками. Увеличилось внимание к международным научным проектам и одновременно к изучению фундаментальных ценностей русской и международной истории. При всем идеологическом давлении на науку и обязательном приоритете классового подхода к истории немало археологов ленинградской школы стремилось обойти или преодолеть партийное вмешательство в науку и дать объективную картину развития древних обществ и их культуры. Новым явилось все возрастающее участие славистов-археологов в охране культурного наследия народов Восточной Европы. В новосозданном подразделении, к счастью, не проявились разного рода трения, а сопоставление мнений и споры всегда происходили в корректной форме.

Ныне отдел, преодолев трудности роста, сложился как сообщество высококвалифицированных специалистов. Он насчитывает 20 сотрудников, включая четырех докторов исторических наук, тринадцать кандидатов исторических наук, двух сотрудников без степени,

старшего лаборанта-исследователя (о всех них поименно сказано ниже). В отделе готовят диссертации три аспиранта из Молдавии и Удмуртии: С. Н. Травкин, Р. А. Рабинович и А. Г. Иванов и пять соискателей: О. В. Козюренко, А. Е. Мусин, А. Д. Мачинская (+), Т. Б. Сивиченкова и А. В. Плохов.

Работа отдела была конституирована в момент его создания (Кирпичников 1977, 107—111; Кирпичников, Павлова 1986, 93—100) и строилась в рамках трех творческих групп:

1) культура ранних славян (Е. А. Горюнов (+), В. М. Горюнова и О. А. Щеглова);

2) культура и архитектура древней Руси (С. В. Белецкий, В. И. Кильдошевский, А. Н. Кирпичников, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, Е. Н. Носов, О. В. Овсянников, А. А. Пескова, Н. И. Платонова, А. В. Плохов, Д. И. Фоняков и Т. А. Чукова (в группу входят находящиеся на пенсии К. В. Павлова и М. В. Малевская));

3) археология северо-запада России, славяне и финны (О. И. Богуславский, В. А. Назаренко, В. П. Петренко (+), Е. А. Рябинин, А. И. Сакса, В. А. Тюленев (+), Н. В. Хвошинская).

Работа творческих групп (включая заседания отдела, а их проведено более 500) ведется совместно с равноправным участием всех сотрудников отдела (Овсянников 1980, 123—127; Щеглова 1989, 118—120). Одни и те же авторы, что вполне закономерно, касаются смежных тем.

Принятые в отделе научные направления соответствовали государственным темам прежней АН СССР по разделу «Общественные науки», а именно: «История феодальных формаций народов СССР» и «История и культура средневековой Руси».

Работа по трем указанным выше творческим направлениям дела реализовывалась: а) фундаментальными обобщающими разборами историко-культурного и историко-регионального уровня (по Новгородской, Псковской, Ладужской землям, Архангельскому Северу, Северной Руси и некоторым финским племенам), б) изысканиями в области изделий материальной культуры, относящихся к тем или иным территориям или памятникам, в) исследованиями одного или группы памятников определенных районов или мест (Старая Ладога, Рюриково городище, Псков, Новгород, Выборг, Приозерск, поселения Архангельского Севера и Владимиро-Суздальской земли, областей води, ижоры, карел, веси, приладужской чуди, новгородских словен, печоры, зоны восточного побережья Чудского озера), г) изучением определенных разновидностей ремесла (металлообработка, судостроение, украшения, керамика, вооружение и т. д.), а также строительного дела. К числу актуальных тем отдела следует отнести и такие, как история археологической науки начиная с основания ГАИМК (Н. И. Платонова).

Необходимо подчеркнуть качественно новый уровень проведенных исследований, включавших осмысление исторических явлений и археологических объектов от отдельных поселений и городов до больших регионов, от единичных находок до целых коллекций тех или иных предметов материальной культуры.

Удалось сохранить завещанное М. К. Каргером и П. А. Раппортом общерусское и общеевропейское по значимости научное направление — архитектурную археологию (М. В. Малевская, Т. А. Чукова, А. А. Пескова, Л. Н. Большаков, А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников). Методология данного направления разработана и признана в научных центрах страны.

Плодотворной оказалась деятельность творческой группы по истории ранних славян, которая в настоящее время является держателем материала по культуре славян II—VII вв. н. э. Днепровского Левобережья. Члены группы О. А. Щеглова и В. М. Горюнова выступили инициаторами создания на базе Курского музея и Педагогического института центра хранения материалов и документации по истории славян Днепровского Левобережья и принимали участие в деятельности одно время существовавшего межреспубликанского рабочего комитета по изучению ранних славян.

Успешно выполнялась задача подкрепления теоретических и кабинетных разработок, например, в отношении заселения территорий Северо-Запада СССР, истории хозяйства, социального уклада, ремесла, а также этногенеза, развития верований и погребального обряда, данными раскопок и разведок. Назову Днепровское Левобережье и район с. Гочево Курской области (О. А. Щеглова, В. М. Горюнова), Архангельский Север (О. В. Овсянников), Карелию (А. И. Сакса, В. А. Тюленев), восточные районы Ленинградской области (В. П. Петренко, А. Н. Кирпичников, В. А. Назаренко, А. Лапшин, О. И. Богуславский), западные районы той же области (Е. А. Рябинин, Н. В. Хвощинская, Н. И. Платонова), Применье и другие районы Новгородской области (Е. Н. Носов). равдали себя многолетние раскопки отдельных поселений и годов: Пустозерский острог, Городец на Ловати, Старая Ладога, ородище на Сяси, Рюриково городище, Новгород, Псков, Порхов, Ивангород, Выборг, Приозерск, Гнездилово Владимирской области, Унорож Костромской области, Торопец, Гробини в Латвии, Луцк, Гродю, Галич и др.

При осуществлении сотрудниками отдела научных и полевых исследований наиболее продуктивными из них оказались комплексные, в которых использовались данные истории, археологии, этнографии, разнообразные не только вещественные, но и письменные, графические, историко-географические и другие источники. Применяется метод исторической ретроспекции, учитываются сведения по климату, почвам, земледельческим культурам. Привлекаются анализы металла, стекла, бронзы, данные о датировках по C_{14} .

Важнейшей задачей отдела являются неослабевающие спасательные и охранные работы и защита памятников археологии и, шире, культуры и архитектуры от гибели и разрушений. С этой целью в отделе создаются своды археологических памятников Ленинградской, Архангельской и Костромской областей (В. А. Лапшин, О. В. Овсянников, Е. А. Рябинин, Д. И. Фонаев, Н. И. Платонова). Уделяется внимание поддержке существующих и созданию новых музеев и музеев-заповедников (Старая Ладога и Орешек, Ребала в Эстонии, Гробини в Латвии), а также пополнению коллекций музеев, сохранности и показу памятников архитектурной археологии

(Орешек, Старая Ладога). Охранные усилия осуществляются в сотрудничестве с инспекциями охраны памятников Ленинградской и других областей, ВООПИК, а также музеями и другими учреждениями.

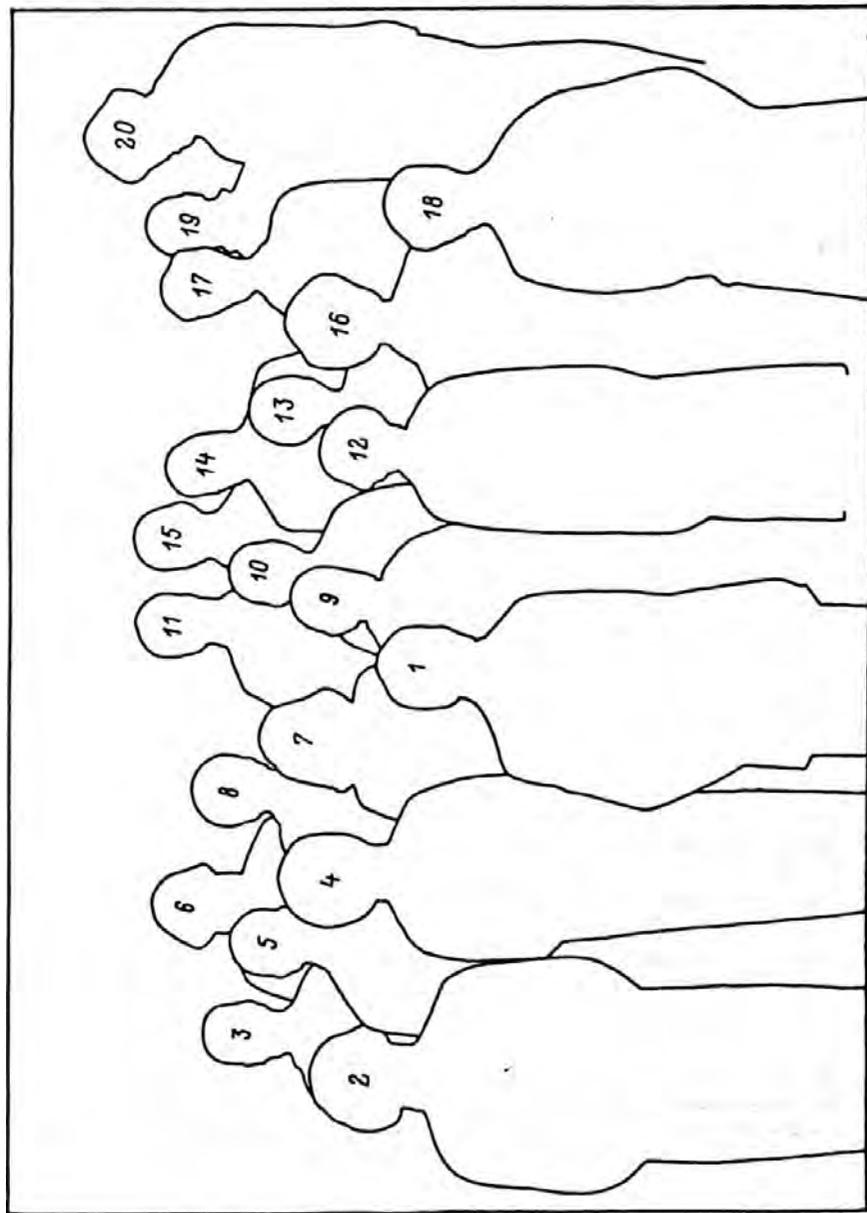
Первоочередность работ нередко диктовалась прогрессирующим разрушением памятников, новыми стройками. Отсюда некоторая неравномерность и авральность наших поисковых усилий, направленных часто на изучение наиболее массовых и поэтому наиболее уязвимых археологических объектов. Мы видим свои недоработки. Так, из-за скудости материала недостаточно известны нам памятники Северо-Запада эпохи раннего железного века. Только в последнее время стала объектом внимания история земледельческого освоения региона. Конечно, с годами деятельность отдела будет усложняться и становиться разнообразнее.

В интересах преемственности науки и сохранения творческого наследия не только наших предшественников, но и современников удалось подготовить к публикации труды: Г. Ф. Корзухина «Клады и случайные находки вещей круга древностей антов в Среднем Поднепровье» (В. М. Горюнова), П. А. Раппопорт «Строительная техника древней Руси» (А. Н. Кирпичников, М. В. Малевская, сотрудник Гос. Эрмитажа О. М. Иоаннисян), Ф. Д. Гуревич «Города Черной Руси» (К. В. Павлова). Проведены памятные чтения, посвященные П. А. Раппопорту, М. А. Тихановой, М. К. Каргеру (А. Н. Кирпичников, О. А. Щеглова).

Важное значение придавалось в отделе сотрудничеству с археологами России, Украины, Белоруссии, Карелии, Коми, Удмуртии, Татарстана, Молдавии, а также Эстонии, Латвии и Литвы. Примером могли бы служить дни эстонской и русской археологии, попеременно проведенные в Таллине и Петербурге.

Были установлены и насколько возможно расширены научные связи с археологическими центрами и музеями Польши, Словакии, Дании, Норвегии, Швеции, Германии, Англии, особенно Финляндии. Вошли в практику совместная с учеными этих стран работа в музее, экскурсии, научные публикации, участие в симпозиумах и археологических экспедициях (Старая Ладога, Новгород, Выборг, Приозерск, Бирка и Сигтуна в Швеции, Мельхус у Тронхейма в Норвегии, Хяменлиппа в Финляндии и т. д.). Актуальным является осуществление совместных двух- или многосторонних международных проектов с привлечением специалистов, в первую очередь из стран СНГ и региона Балтийского моря. В достижении этой цели хотелось бы надеяться на поддержку созданных при С.-Петербургском научном центре РАН Балтийского Международного гуманитарного центра и Научного совета по историко-археологическим исследованиям.

Отделу было доверено осуществлять общероссийское научное сотрудничество с финскими археологами в форме регулярных симпозиумов, издания трудов, участия в раскопках на территории обеих наших стран и т. д. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябилин, А. И. Сакса вплоть до 1993 г. входили в состав смешанной Советско-Финляндской рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии. Деятельность упомянутой группы признана одной из наиболее эффективных среди других примерно 20 рабочих групп,

Сотрудники и аспиранты отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН: 1. А. Н. Кирлинчиков, 2. Е. Н. Носов, 3. Р. А. Рабинович, 4. А. В. Плохов, 5. В. И. Кильдошевский, 6. С. В. Белцкий, 7. Н. В. Хвоцинская, 8. С. Н. Травкин, 9. К. В. Павлова, 10. А. А. Пескова, 11. А. И. Сакса, 12. М. В. Малевская, 13. О. А. Щеглова, 14. О. В. Овсянников, 15. Е. А. Рябинин, 16. В. М. Горюнова, 17. О. И. Богуслацкий, 18. А. В. Курбагов, _____ков, 20. В. А. Назаренко

осуществлявших сотрудничество в разных областях знания между нашей страной и Финляндией (Кирпичников 1992, 5—9). С энергичным участием отдела начиная с 1976 г. попеременно в Ленинграде и Хельсинки (а также в Таллине) проведено 9 совместных симпозиумов по археологии и опубликовано 7 томов трудов этих симпозиумов (еще 2 тома находятся в работе). Последний по времени (девятый) симпозиум по теме «Славяне и финно-угры. Археология, история, культура» состоялся в 1994 г. в Выборге. По инициативе отдела в 1990 г. опубликован не имеющий прецедента совместный труд «Финны в Европе. VI—XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 1 и 2». Ныне связи с Финляндией трансформировались, рабочие группы свою деятельность, к сожалению, прекратили, но проведение симпозиумов и реализация отдельных проектов, связанных с изучением древностей обеих стран, будут, несомненно, продолжаться.

Можно подвести итог. За время существования отдела его сотрудникам удалось существенно продвинуть и обогатить новыми открытиями славяно-русскую и славяно-финско-скандинавскую археологию в отношении классификации и типологии древностей Северной Руси, решения проблемы возникновения и развития городов и поселений, характеристики культуры славян, финнов и скандинавов других племен и народов эпохи железного века и средневековья, учения древних обществ целых земель и регионов, входивших в став Русского государства.

События последних лет вносят коррективы в привычную работу только отдела, но и всего института. Разрушительным явилось прекращение бюджетного финансирования экспедиций, научных командировок, издания монографий и сборников. Остановлен из-за скудных средств приток молодых специалистов (П. Е. Сорокин, блестяще защитивший в 1994 г. кандидатскую диссертацию «Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье», только в 1996 г. смог устроиться в ИИМК). Оказавшиеся в нищенских условиях, ученые вынуждены приспособливаться ко все более жестоким условиям жизни и деятельности. Они идут дополнительную, подчас далекую от их интересов работу. К сожалению, ослабли наши связи с коллегами Украины, Белоруссии, государствами Балтии. Страны, входившие в состав СССР, переживают своеобразный период феодальной раздробленности, национального и политического самоутверждения.¹ В этой сложной обстановке мы выступаем против разобщения и «национализации» некогда единого культур-

¹ Так, П. Лиги в своей статье (National Romantism in Archeologi: The Paradigm of Slavonic Colonization in Nord-West Russia // *Fennoscandia Archaeologica* X. 1993. P. 31—39) утверждал, что на Северо-Западе России не было славянской колонизации, здесь автономно жили финны, которые на определенном этапе лишь восприняли русский язык и культуру. Свои положения автор, увы, не обосновывал. Лиги далее упрекает советских археологов в «идеологических реконструкциях». С этим тезисом трудно было бы спорить, если бы Лиги в своих определенных был более последователен и сам не оказался в плену определенных этнополитических предубеждений. В научных дискуссиях этот путь вряд ли продуктивен. Должен заметить, что мы с уважением относимся к работам трагически погибшего, талантливого эстонского ученого, который в 1987 г. при содействии отдела успешно защитил в ИИМК РАН кандидатскую диссертацию «Водский этнический элемент на территории Эстонии».

ного наследия племен и народов, образовавших древнюю Русь. Надеемся, что новые политические границы не приведут к самоизоляции археологов бывшего СССР, не разделят их на противостоящие лагеря.

Нельзя также не заметить отдельных новых, часто противоречивых, тенденций развития науки. Повысилась роль и значимость археологов-славистов, которые отстаивают фундаментальные ценности российской истории и культуры. Будущее благоприятно инициативным людям, которые пытаются найти необычные источники своей деятельности, уже не полагаясь более на автоматическое финансирование прежних программ со стороны государства. Исчез жесткий идеологический контроль за творчеством ученых, они могут свободно выражать свои идеи без оглядки на окрик и цензуру. Облегчены международные научные контакты, которые более не сковывают прежние унизительные многоступенчатые бюрократические процедуры. ИИМК в 1991 г. возвращена академическая самостоятельность, которая, надо надеяться, будет способствовать его более эффективному развитию. При всем том ясно, что археология, не будучи коммерческой наукой, без государственной поддержки обречена на истощение и упадок.

Какие бы сложности ни испытывала наша наука сегодня, в отделе и впредь будут изучаться в качестве перспективных следующие фундаментальные научные темы:

1) славянская культура и расселение славян в северных областях Восточной Европы;

2) славяно-финские и славяно-скандинавские контакты и взаимодействия народов и культур на северо-западе России и в Балтийском регионе;

3) история древнерусских городов, ремесла, торговли, транспорта, домостроительства;

4) чудские племена, их роль и значение в истории и культуре Древней Руси;

5) архитектурная и церковная археология.

Упомянутые разработки, конечно, не исключают вариаций. Сотрудникам по силам осуществить такие, к примеру, проекты, как «Этнокультурные трансформации и урбанизация на севере России и Балтийском регионе в древности» или «Культурное наследие древней Руси». Сказанное не просто благое пожелание. Так, при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках Программы изучения памятников Северо-Запада «От Северной Руси к Северной Пальмире» сотрудники ИИМК, и в том числе отдела славяно-финской археологии, реализовали в 1993 г. коллективный сборник «Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорские взаимодействия, русские города Балтики)».

Даже в самых сложных условиях в отделе остается неизменной обстановка доброжелательности, взаимопомощи, товарищеской критики. Приветствуются как индивидуальные, так и коллективные научные поиски. Поддерживается творческая обстановка, уважение к авторским правам и достоинству личности. Конкретизируем это заключение на примерах научной деятельности отдельных сотрудников отдела.

С. В. Белецкий работает в ЛОИА—ИИМК (здесь и ниже будем придерживаться современного названия института) с 1989 г., с. н. с., д. и. н., автор более 120 печатных работ. Опубликовал и подготовил для издания книги «Начало истории Пскова» (СПб., 1996) и «Сфрагистика Пскова XI—XV вв.» (более 40 а. л., частично в соавторстве с В. Д. Белецким, часть этой работы защищена как докторская диссертация). Редактор ряда сборников: «Археология и история Пскова и Псковской земли» (материалы семинаров) и «Древний Псков. Исследования средневекового города» (СПб., 1994). Один из наиболее последовательных и заинтересованных исследователей истории и культуры Пскова и его земли, многолетний участник археологического изучения города на р. Великой. Ведет педагогическую работу.

О. И. Богуславский, в ИИМК с 1990 г., м. н. с., к. и. н., автор 12 публикаций. В 1991 г. защитил кандидатскую диссертацию «Южное Приладожье в конце I — начале II тыс. н. э. (Опыт историко-культурной периодизации)». Участвует в раскопках в Старой Ладоге и ее регионе. Исследуя древности Южного Приладожья, впервые широко сопоставил их с балго-скандинавскими аналогиями.

В. М. Горюнова, работает в ИИМК с 1981 г., н. с., к. и. н., автор 20 публикаций. В 1988 г. защитила диссертацию «Городок на Ловати X—XII вв. (К проблеме становления города Северной Руси)». Ею подготовлена к печати книга «Памятники ранних славян Дрепровского Левобережья в III—VII вв.». Занимается раннеславянскими и древнерусскими древностями. Изучает керамику ранних городских центров Восточной Европы в сопоставлении с западноевропейскими и скандинавскими аналогиями.

В. И. Кильдюшевский, в ИИМК с 1968 г., м. н. с., автор 38 публикаций. Подготовил монографию о средневековой керамике Новгородской и Псковской земель, создал хронологическую шкалу форм посуды Северной Руси X—XVI вв. Занимается культурой позднесредневекового русского города. Руководил экспедициями в Орешке, Пскове, Кингисеппе (древнем Ямгороде).

А. Н. Кирпичников в ИИМК пришел работать после окончания аспирантуры в 1958 г., с 1974 г. — заведующий отделом, вед. н. с., д. и. н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор более 360 публикаций, включая 13 монографий. За время руководства отделом был редактором ряда сборников («Культура средневековой Руси» (1974), «Новое в археологии Северо-Запада СССР» (1985) и др.) и опубликовал несколько монографий («Военное дело Руси XIII—XV вв.» (1976), «Древний Орешек» (1980), «Куликовская битва» (1980), «Защитное вооружение. Glossarium Armatum» (Спб., 1981, совместно с И. Хлопиным), «Каменные крепости Новгородской земли» (1984)). Участник коллективной монографии «Славяне и скандинавы» (М., 1986). В 1975 г. защитил докторскую диссертацию «Военное дело Руси IX—XV вв.». Занимается историей, культурой, военным делом, фортификацией и архитектурой Руси и сопредельных стран. Впервые систематизировал русское вооружение IX—XV вв. и произвел систематические раскопки северорусских городов-крепостей Орешка, Приозерска, Копорья, Ямгорода, Острова, Гдова, Порхова, Велья, Пскова, Новгорода и др. Руководит Староладожской археологической экспедицией. Опублико-

вал книгу «Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена». В 1976—1993 гг. являлся заместителем сопредседателя Советско(Российско)-Финляндской рабочей группы по научному сотрудничеству в области археологии. Осуществил международные проекты по изучению мечей эпохи викингов в Норвегии и Швеции совместно с учеными этих стран.

А. В. Курбатов, в ИИМК с 1986 г., м. н. с., автор 12 публикаций. Представил диссертацию «Кожевенно-обувное производство в городах северо-запада Руси XV—XVII вв.», подготовил к изданию работу В. П. Петренко «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки северного Поволжья». Занимается изучением ремесла средневекового русского города, а также языческими памятниками Ленинградской и Тверской областей. Вел раскопки в Ивангороде, Кингисеппе, а также в Гробини (Латвия).

В. А. Лапшин, в ИИМК с 1982 г., н. с., к. и. н., автор 30 публикаций, включая монографию «Археологическая карта Ленинградской области» (Л., 1990). Вторая часть упоминаемой «Карты» издана в 1995 г. В 1985 г. защитил диссертацию «Население Центральных районов Ростово-Суздальской земли (по археологическим материалам)». На основании архивных материалов убедительно реабилитировал методику ведения курганных раскопок, предпринятых А. С. Уваровым и Н. С. Савельевым, как достаточно высокую для своего времени. Участвует в раскопках поселений и городов (Суздальское Ополье, Тверь), занимается историей древнерусских городов и регионов Северо-Восточной и Северо-Западной Руси.

М. В. Малевская в ИИМК работала в 1952—1986 гг., ныне на пенсии, автор 50 публикаций, в том числе книги «Древний Торопец (в соавторстве с Д. И. Фоянковым, в 1991 г. вышел текстовой том). Подготовлены монографические исследования «Архитектура Киева XVII в.» и «Керамика городов Черной Руси». Специалист в области древнерусского строительного ремесла и архитектурной археологии. М. В. Малевской впервые открыты (или уточнена их архитектурная биография) неизвестные ранее части храмов, дворцов, крепостных стен XII—XIV вв., находящихся на территории Юго-Западной Руси (Новгородок, Любомль, Владимир-Волынский, Луцк, Львов, Старый Самбор и его округа), обрисовано развитие русского зодчества XIII—XIV вв., испытавшего в этот период влияние романо-готической архитектуры. Занимается изучением декоративной керамики.

В. А. Назаренко в ИИМК работает с 1969 г., с. н. с., к. и. н., автор 62 публикаций. В 1983 г. защитил диссертацию «Погребальная обрядность приладожской чуди» (ныне подготовлена для печати). Ведет раскопки в северорусских областях, особенно в южном Приладожье. Открыл в этом районе новый тип погребальных сооружений — «дома мертвых». Подготовил к печати монографию «Дерево-земляные погребальные сооружения лесной зоны Восточной Европы». Многолетний руководящий сотрудник Староладожской археологической экспедиции.

Е. Н. Носов, в ИИМК с 1971 г., вед. н. с., д. и. н., заместитель директора института по научной работе, автор 135 публикаций. В это число входят монографии: «Новгородское (Рюриково) городище» (Л., 1990), «Загадки новгородской округи» (Л., 1985, совместно

с В. Я. Конечким), «The Archeology of Novgorod, Russia» (Lincoln, 1992, совместно с В. Л. Яниным, А. С. Хорошев^{евич} и др.). В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Поселения Приильменья и Поволховья в конце I-тыс. н. э.», а в 1992 г. докторскую — «Новгородская земля IX—XI вв. (Историко-археологические очерки)», ныне эта работа подготовлена для издания. Е. Н. Носов впервые осуществил широкие раскопки Рюрикава городища, им начато систематическое изучение Новгородской округи. Сформулировал закономерности начального этапа развития средневековых городов Руси, Балтийского региона, создал историко-археологический комментарий ряда древнейших русских исторических документов, относящихся к XII—XIII вв. Занимается проблемой славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы, а также древнерусскими ремеслом и торговлей. Организатор и участник международных проектов (совместно со Швецией и Германией), связанных с изучением скандинавских изделий на Руси, земледелием Новгородской земли, новгородско-готландскими связями.

О. В. Овсянников, в ИИМК с 1962 г., вед. н. с., д. и. н., автор 200 печатных работ, включая 8 монографий, таких как «Мангазея. Ч. 1 и 2» (Л., 1980—1981, в соавторстве с М. И. Беловым и В. Ф. Старковым), «Средневековые города Архангельского Севера. Люди, события, даты» (Архангельск, 1992). В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию «Мангазея — русский город Сибири XVII в. (Историко-культурный очерк)», а в 1989 г. докторскую — «Города Архангельского Поморья эпохи средневековья (Историко-археологическое исследование)». Впервые обосновал этапы развития городов и поселений Русского Севера, ведет в этом регионе систематические раскопки. Исследования О. В. Овсянникова о поселениях и городах севера Восточной Европы и Сибири основаны на первопубликациях нового очень значительного археологического и историко-архивного материала. Участник и организатор международных проектов с Финляндией и Норвегией, связанных с изучением древних культур северной Европы. В 1974—1978 гг. являлся научным секретарем отдела.

К. В. Павлова в ИИМК работала в 1951—1986 гг., ныне на пенсии. В 1978—1986 гг. научный секретарь отдела. Имеет около 50 публикаций. Закончила работы: «Городище Осовик начала XII — третьей четверти XIII в.» и «Население верхнего Понеманья X—XIII вв. по материалам погребальных памятников». Впервые установила периоды заселения славянами-русскими Понеманья во второй половине X—XI в. и в конце XII — первой половине XIII в. Занимается культурой средневекового русского города.

А. А. Пескова работает в ИИМК с 1972 г., н. с., к. и. н., с 1986 г. научный секретарь отдела, имеет 24 публикации. В 1988 г. защитила диссертацию «Древнерусский город Изяславль (По материалам Городища у с. Городище близ Шепетовки)», которая ныне подготовлена для издания. Привела в порядок и изучила сотни предметов города Изяславля, полностью раскопанного экспедицией М. К. Каргера в 1957—1964 гг. Занимается историей ювелирного ремесла и древнерусской архитектурной археологией. Открыла неизвестные ранее памятники храмового зодчества на территории Юго-Западной Руси.

Н. И. Платонова, в ИИМК с 1978 г., м. н. с., к. и. н., автор 12 публикаций. В 1988 г. защитила диссертацию «Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (По археологическим данным)». Произвела всестороннее исследование древностей Лужского района Ленинградской области. Занимается проблемами древнерусской культуры. На основании архивных материалов впервые представила очерки о сотрудниках ГАИМК Б. А. Бонч-Осмоловском, Е. Ю. Кричевском, А. А. Миллере, М. В. Фармаковском, а также об образовании ГАИМК в 1919—1920 гг.

А. В. Плохов работает в ИИМК с 1983 г., старший лаборант-исследователь, автор 10 публикаций. Занимается древностями эпохи раннего металла и материальной культурой Новгородской земли. Разрабатывает обеспеченную строгой документацией и источниками монографическую тему «Раннесредневековая керамика центра Приишмья и Поволжья. К проблеме славянского расселения».

Е. А. Рябинин работает в ИИМК с 1971 г., вед. н. с., д. и. н., автор 130 публикаций, включая монографии: «Зооморфные украшения древней Руси X—XIV вв.» (Л., 1981) и «Костромское Поволжье в эпоху средневековья» (Л., 1986). В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию «Фишно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв.», а в 1991 г. докторскую — «Фишно-угорские племена в составе древней Руси (К истории славяно-финских этнокультурных связей)» (подготовлено к изданию). Редактор ряда научных сборников, таких как «Фишно-угры и славяне» (Л., 1979), «Современное фишно-угроведение: Опыт и проблемы» (Л., 1990), «Древности Северо-Запада России» (СПб., 1993). Начиная с 1971 г. произвел последовательные полевые изыскания на территории Ленинградской, Костромской и Ивановской областей и на основе всеобъемлюще собранного архивного материала классифицировал чудские древности. Им впервые определено значение зооморфных украшений для племенной диагностики археологических памятников. Предложил новую трактовку размещения ряда финских племен восточной Европы и комплексно охарактеризовал славяно-чудскую материальную культуру эпохи средневековья. Участник и организатор изысканий в Старой Ладогe, председатель Совета С.-Петербургской ассоциации фишно-угроведов.

А. И. Сакса работает в ИИМК с 1978 г., н. с., к. и. н., автор 40 публикаций. В 1984 г. защитил диссертацию «Карельская земля в эпоху средневековья (По археологическим данным)». Подготовил монографию «Ранняя история Карелии». Организатор и участник российско-финляндского сотрудничества в области науки и культуры и отдельных международных проектов, связанных с историей Приладожья и оз. Ладога, а также земледелия Карелии. Член Финского литературного общества и Общества Калевалы. Производит многолетние археологические изыскания на Карельском перешейке и в Приозерске.

*В. А. Тюленев** работал в ИИМК с 1980 г., н. с., к. и. н., автор более чем 50 публикаций. В 1982 г. защитил диссертацию «Каменные оборонительные сооружения Выборга XIII—XVI вв.». Специа-

* К прискорбию, скончался 2 августа 1996 г. в г. Выборге.

лист по истории Выборга, его археологии и архитектурным памятникам. Впервые обнаружил культурные слои дошведского Выборга, относящиеся к XII—XIII вв. Занимался подводными археологическими изысканиями в северной части Финского залива. Опубликовал книгу «Изучение старого Выборга» (СПб., 1995).

Д. И. Фояков, в ИИМК с 1982 г., н. с., к. и. н., автор 42 публикаций. В 1986 г. защитил диссертацию «Древний Торопец IX—XVI вв.». В соавторстве с М. В. Малевской издал монографию «Древний Торопец» (Торопец, 1991, вышел текстовой том). Редактор сборника «Города верхней Руси в древности и средневековье» (Торопец, 1990). Организатор крупномасштабных спасательных раскопок исторического центра Торопца, занимается историей русских и северобалтийских городов.

Н. В. Хвоцинская, в ИИМК с 1971 г., с. н. с., к. и. н., автор 38 печатных работ. В 1978 г. защитила диссертацию «Западные районы Новгородской земли в начале II тыс. н. э. (По материалам погребальных памятников)». Впервые разработала методику реконструкции покрова одежды по материалам погребений XI—XII вв. Занимается изучением ювелирных изделий Приильменья. Секретарь редакции журнала «Археологические вести».

Т. А. Чукова, в ИИМК с 1986 г., м. н. с., к. и. н., имеет 12 публикаций. В 1992 г. защитила диссертацию «Интерьер в храмовом зодчестве древней Руси X—начала XIII в. (По археологическим данным)». Занимается архитектурной археологией. Свои усилия сосредоточила на изучении отделки и убранства древнерусского храма. Располагая ограниченными источниками, добилась убедительной реконструкции внутренних деталей церковного устройства. Подготовила к печати книгу «Архитектурное убранство алтаря в храмах Древней Руси X—XIII вв.».

О. А. Щеглова, в ИИМК с 1980 г., н. с., к. и. н., автор печатных работ. В 1987 г. защитила диссертацию «Проблемы формирования культуры VIII—X вв. в Среднем Поднестровье (Памятники конца VII—первой половины VIII в.)». Специалист в области истории ранних славян, изучает изделия художественного ремесла эпохи Киевской державы. Совместно с В. М. Горюновой вела раскопки комплекса поселений I тыс. н. э. у пос. Гочево Курской области. Инициировала чтения в память М. А. Тихановой. Выпускающий редактор «С.-Петербургского археологического вестника» (вышло начиная с 1992 г. 7 томов).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирпичников А. Н.* О задачах и работе сектора славяно-финской археологии в 1974—1975 гг. // КСИА, 150. 1977. С. 107—111.
2. *Кирпичников А. Н., Павлова К. В.* Деятельность сектора славяно-финской археологии в 1974—1984 гг. // КСИА, 187. 1986. С. 93—100.
3. *Кирпичников А. Н.* Научное сотрудничество между СССР и Финляндией в области археологии: Итоги и перспективы // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 5—9.
4. *Овсянников О. В.* О работе сектора славяно-финской археологии в 1976—1977 гг. // КСИА, 160. 1980. С. 123—127.
5. *Щеглова О. А.* Отдел славяно-финской археологии в 1985—1987 гг. // КСИА, 198. 1989. С. 118—120.